

«Уехать, сбежать, отстраниться!»
А внутри все бунтует, негодует, кипит, словно она ступила на тропу войны со всем миром. «Уехать, сбежать, отстраниться от грубости, глупости и опасности, от бесконечной лжи и навязанного, ложного чувства вины! Уехать, сбежать, отстраниться! И будь что будет!»

А теплый летний день, словно насмехаясь, дразнит безмятежностью и покоем, манит весело вьющейся меж раскидистых лип дорогой, врывается в окно автомобиля солнечной пылью, щебетом птиц, запахом хвои и свежескошенной травы. Приземистые деревни на продуваемом ветрами просторе взбегают на пригорки или пугливо жмутся к темным лесным кромкам, на покосившихся указателях с трудом читаются названия: Черемухи, Стрижи, Чистые Ключи.

«Чистые Ключи... Ах, недавно я посетила Чистые Ключи. Дивные места! А какой воздух! А какой простор!» Несколько крепких, с резными наличниками изб, высокое коромысло колодезного журавля и белый платок наклонившейся за огородным плетнем бабы промелькнули по левую сторону — вот и все Чистые Ключи. Обрамлявшие плотным строем обочину липы густо сомкнулись, чтоб, расступившись, открыть панораму влажных лугов с обрывком бледной радуги над дальним лесом. Серебристо сверкнула узкая лента реки и тут же спряталась в зарослях осоки и камышей. Смутный день то бился в сторону спящего солнца, то пугал набегающими холодными тенями. Пролился бы наконец неистовым ливнем сочувствия, хлопнул бы в лобовое стекло ураганным ветром негодования, разорвал в клочья черные тучи подлой лжи, сжег бы лазером молний все уродство прошлых ошибок...

«Уехать, сбежать, отстраниться! Боже мой! Куда еду, зачем?!» Вот если бы можно было унять внутреннюю дрожь и тревогу, выпив маленькую таблетку для душеобезболивания, как бы она сейчас летела, освобожденная от воспоминаний-

переживаний, восторженно глаза по сторонам. Но все существующие лекарства для обеспечения восторженности действуют грубо и оглушительно, и принимать их нужно в состоянии лежачем, в расчете на постепенное погружение и в забытьё, а ей нужно как никогда быть собранной в этих малознакомых, чужих краях. Вести машину, не расслабляясь почти три часа, можно лишь в ясном сознании, а потому в висках навязчиво стучит и стучит: как там, в городе, как там, где осталась и бродит неприкаянно ее печальная тень. Но назад пути нет, только вперед, в дальнее село Русское, которое считается живописным благодаря пологому, в нежных березках и кустах шиповника, холму с прилепившимися деревенскими домишками. Домишки сплошь старые, деревянные, а некоторые даже вовсе крепкие, как и величественная колокольня под золотой луковицей, которая вместе с верхушкой купола церкви и косами плакучих ив уже второй век зеркально дрожит в ленивых водах тихой реки.

Когда она была там в последний раз? И не вспомнить, давно, года два или три назад. Приезжала за какими-то документами по погибшему мужу, погостила, окруженная заботами двух хлопотливых женщин, свекрови и ее полужилички-полуприслуги, услужливо-молчаливой Наташи, позагорала, повалившись на широкой перине среди яблонь и слив, посидела тихим вечером у речки, на краю обрыва, любясь розовым закатом, слушая плеск воды и пытаясь раствориться в нирване окружающего космоса. Но где-то рядом, в зарослях камышей, началась возня, вздохи и девичье хихиканье, вдаль пронеслись и стихли звуки навязчивого шлягера. Это деревенские выходили из клуба, разбрелись по укромным местам, и все шептались, и все выясняли отношения... но Алле уже чудился подозрительный шорох, русалочий смех, набегающие тени. Ей стало беспокойно, тревожно, она поспешила вернуться в дом, а вечером следующего дня заскучала и, загрузив багажник яблоками, банками с вареньями-соленьями, не слушая уговоры хлопотуний, уехала домой, в город.

Нет, не создана она для наслаждения природой, не для нее убогие деревенские радости. Ночные туманы ее пугают, от раннего крика петухов она вздрагивает, алмазный блеск росы на утренней траве заставляет ежиться от холода. Ей милее пыльные асфальтовые джунгли, рационально разделенные на перекрестки со светофорами, стройные ряды зданий и небольшие, ухоженные парки с правильными аллеями, клумбами и стриженными газонами, ну и ее дом, в котором, так сложилось, для нее не осталось места.

«Уехать, сбежать, отстраниться!»

Из-за обступившего дорогу леса потемнело. Пространство наполнилось густым, пряным запахом хвои и влажной земли. По левую сторону мелькнули полуразвалившиеся, с заколоченными окнами черные избы. Одна нежилая деревня, вторая. Разросшийся чуть ли не с корабельные сосны борщевик, покосившиеся заборы. Скрипучие ворота качаются и хлопают одной половиной, похожей на крыло раненой гигантской вороны, то ли пугая, то ли грозя ей вслед.

Алла прибавила скорость. Куда она заехала? Сидел бы рядом Тема — ощутил бы свою стихию, был бы счастлив увидеть живое воплощение фильмов ужасов про зомби и прочую нежить. Бывало, уходит она на работу, заглянет в его комнату, сын спит, а на экране телевизора — бесовщина всяческая мелькает. Она наспех выдернет вилку из розетки, а он тут же глаза откроет и рявкнет грозно:

— Включи немедленно. На самом интересном отрубил!

Возвращается вечером — картина та же самая. Ну, если не ужастики на экране — так негры с выпученными глазами, с ножами и автоматами.

Что с ним сейчас, с Артемом? Чем он занят в эту минуту? Жив ли? Нет, лучше не думать.

«Уехать, сбежать, отстраниться!» Первое радостное волнение по поводу новизны неожиданного путешествия уже сменилось сожалением, усталостью от скучного пейзажа и досадой на саму себя.

«Два часа еду с лишком. С лишком. Скоро начну говорить «тама», «здесья», «шибко». Незаметно подкрались смятение и паника. Конечно, она едет навстречу гибели. Она, привыкшая к каменно-асфальтовому пространству, существовавшая в нем естественно, словно резвый солнечный зайчик, отраженный в бесчисленных окнах высоток, потускнеет и поблекнет, потеряет уверенность, делается жалкой и беспомощной, а то и вовсе нелепой — и как личность навсегда исчезнет из этой жизни.

А вынужденное общение с деревенскими? Кого она может там увидеть? Полоумных старух с беззубыми, шамкающими ртами? Мужиков — невменяемых пьяниц, других, конечно же, там нет, а те, что не пьют, наверняка выглядят как пропойцы, воняют навозом, на ногах у них кирзовые сапоги, из расстегнутой рубахи видна худосочная грудь с редкой порослью, а лица, задубевшие от солнца и ветра, изрезаны глубокими морщинами. А говорить они будут так: «Че? Эвона! Разъедритвою в коромысло». И путь в Русское станет для нее дорогой в никуда, печальным итогом ее некогда блестящих устремлений. Что же получается, училась она, работала, любила, замуж выходила, рожала, копила, собирала, наживала, воспитывала, устраивала — все свои действия направляла на одну цель: стать счастливой и благополучной, даже любовников заводила не в ущерб семье, а во благо, чтоб настрой иметь удовлетворенно-положительный, а итог: заброшенное захолустье, автомобиль, с ничемным барахлом в багажнике, деревянный, в виде старой развалины, дом — печальная перспектива ее сегодняшних земных благ. С духовными — еще сложнее: интеллектуальный голод и духовный застой истощит ее последние силы. Где, на каком этапе случился сбой?

Русского все нет, а должно бы показаться вскоре после Чистых Ключей. Почему же она все едет и едет одна по пустой грунтовке, и бороздящие по кузову мягкие лапы елок словно шепчут, пугая: попробуй, выберись из этой глуши.

Наконец посветлело, открылось небо, деревенька нарисовалась. Полустертый указатель вещал: «Бездельно». Несколько убогих, но аккуратных домов, обшарпанная, с облупившейся штукатуркой часовенка. И странно, народ суетится, две молодухи в резиновых сапогах и блеклых кофтах, в руках кошелки, весело шагают вверх на пригорок. Мальчишка в сопровождении щенка — бегом туда же. Ага, вот и цель: допотопный грузовик чуть ли не военных времен. Возле него суета из деревенских. Яркие платки, выгоревшие, белобрысые макушки. Понятно: автолавка приехала.

Алла проехала вперед, взяла левее и остановилась за грузовиком.

Весело тут у них, в Бездельно, народ подходит и подходит, торговля идет, хихикают, наверное, погоду обсуждают, огородные новости, грибной сезон. Кряжистый мужичок-боровичок, он же, видимо, и водитель, расторопно отпускает товар.

Алла вышла. От долгого сиденья тело сопротивлялось и пружинисто пыталось вернуть суставам исходное сидячее положение. Со скрипом выпрямив спину, захлопнула дверцу. Но поспешно вернулась за фотоаппаратом. Никак нельзя без камеры в этой экзотической глуши. Вот автолавка — это же артефакт, почти как броневик Ленина или телогрейка Солженицына. Да что там телогрейка. Автолавка в XXI веке — ископаемый Ноев ковчег! Начала поспешно шелкать издалека,

потом — ближе. Обошла маленькую очередь и снова сделала несколько снимков. Молодухи с кошелками при этом зарделись, поджали губы, некоторые отвернулись. Вообще-то, при съемке у народа следовало просить разрешения. Но не у этих же деревенщин из Бездельни?

Нащелкав множество кадров со всех ракурсов — и часовню, и деревенских, и крупным планом содержимое автолавки с коробкой конфет на переднем плане, на которую нацелилась (пригодится для чаепития по приезду), — Алла спрятала камеру в карман и встала за последней молодой.

Боровичок тем временем отоваривал сухонькую бабульку в платочке. На столе приставленном к кузову и аккуратно застеленном газетой, росла гора продуктов: две буханки черного хлеба, пакеты с крупой, сахарным песком и макаронами, две бутылки растительного масла, рыбные консервы. Бабулька долго рылась в кошельке и все никак не могла разобраться с мелочью.

— Степановна, давай помогу, — краснощекая молодуха положила ей на плечо пухлую ладонь.

Степановна повернулась, ее слезящиеся глаза не могли отсчитать, а скрюченные пальцы набрать нужную сумму. Вдвоем они наконец разобрались и заключили, что не хватает восемнадцати рублей и пятидесяти копеек. Бабулька рассеянно вернула пакет сахарного песка и, загрузив прочий товар в пакеты, связанные бечевкой, перекинула их через плечо, оперлась на клюку и заковыляла прочь. Рядом с ней, ухватившись за юбку, молча засеменяла девочка лет четырех-пяти. Белобрысая, на тонюсеньких ножках, постриженная коротко и неровно, словно тупыми ножницами. Если бы не линялое платье — ее можно было принять за мальчика. Алла засмотрелась им вслед и очнулась от оклика:

— Дама, берете что-нибудь?

Желание покупать внезапно пропало, и вместо вожделенных конфет она зачем-то взяла бутылку водки и банку соленых огурцов. Расплатившись, хотела уйти, но спохватилась и снова обратилась к мужичку:

— Похоже, что я заблудилась. В Русское как проехать?

— В Русское-то? Дак езжай вперед, увидишь перекресток, раньше там можно было повернуть, километра три-четыре срезать, а теперича там шлагбаум, значится, частная территория. Езжай до следующей развилки и поворачивай направо. А потом, как дорога вверх начнет подыматься, жди, церква с колокольней покажется — то и будет Русское.

— Эдак далече, пожалуй, — вступил в разговор мужик, стоящий последним в очереди. Он курил самокрутку с преотвратным запахом, вьевшимся в самую его суть. — Пушай назад вертается, до развилки и налево, потом реку увидишь, вдоль реки ехай, и как мост увидишь, направо через мост и все наверх.

Мужичок из грузовика махнул рукой:

— Можно и назад, а потом налево, разница невелика. Назад, пожалуй, дорога получше будет.

— Спасибо.

Алла забрала водку с огурцами и, сев в машину, задумалась. Ясно, что она ошиблась на развилке, отклонившись не в ту сторону, но возвращаться назад, через лес и нежилые деревни, желания не было, и, поразмыслив (сказали же: «невелика разница»), решила ехать вперед.

И зря. Обманули мужики, путь вперед оказался куда дольше, ухабистее и дремучее. «И отчего так гадко на душе, словно щенка пнула или предала кого-то. Вот так всегда: пока сидишь одна, и спокойно тебе, и безмятежно, и начинаешь смиряться, радоваться мелочам, замечать окружающую красоту, но чуть выйдешь в народ, тут же найдется повод для недовольства собой».

Наконец дорога устремилась вверх через бескрайнее, в желтых цветах поле, сквозь нежную зелень берез мелькнула золотая луковица колокольни — как утешение, как долгожданная надежда на отдых у родного очага. От полноты чувств даже захотелось крикнуть в это сонное пространство, в котором слышны разве что крики петухов да стрекотание кузнечиков:

«Умница Аллочка! Все правильно ты делаешь! Уехала, сбежала, отстранилась!»

Но кричать нельзя. Чем громче будешь кричать, тем больше вероятность, что твои слова превратятся в ничто.

2

Село с непарадной стороны казалось незнакомым, чужим, не село, а просторные выгоны для скота, сараи да огородные плетни. На главную улицу, широкую, усыпанную колочим щебнем, устремленную к празднично-белой церкви с торжественно-величественной колокольней, вырулила не сразу. Осталось найти знакомый дом, что стоит в стороне от церкви, ближе к лесу.

На центральной улице оживленно, даже весело. Девочка-подросток хворостинной гонит лениво, но покорно шагающих овец. Или баранов. Нет, все-таки овец. У баранов рога, а у этих маленькие рожки. Толстозадая дама едет на велосипеде. Возле магазина — приземистой кирпичной постройки — сход-собрание. Одни мужики. «Скорее всего, это страждущие спиртного ждут положенного часа», — решила Алла, скользнув по ним взглядом равнодушно-брезгливым, и прибавила скорость. Мужики дружно повернули головы, шурясь от солнца и приложив руки ко лбу. Сейчас будут обсуждать и строить догадки, кто такая и к кому едет, и что «за рулем п...да, это не езда», потом накупят водки, напьются и со значительным, умным видом, похлопывая друг друга по плечу, заведут пустые разговоры. А закончится все скандалом без повода и мордобитием.

И почему мужской пол не может обходиться без порока? Если он не пьяница, то обязательно наркоман, а если не то, не другое, так игрок в рулетку или неисправимый бабник — это, пожалуй, лучшая из всех порочных зависимостей, а если не бабник — так преступник-рецидивист, в лучшем случае — зануда, патологический эгоист, бездельник. Поистине в России две проблемы: дороги и мужики. На чувство восторга снова набежала тень. Куда она едет, зачем? Правильно ли поступила, сбежав из города от домашних проблем и решив поселиться в этой дремучей лесной глуши?

Говорят, если прислушаться к себе и окружающему пространству, нужный путь отыщется сам по себе. Не доезжая до церкви, Алла интуитивно свернула налево, на мягко пружинящую от травяного ковра улицу, похожую на длинную зеленую лужайку. Судя по всему, машины и трактора по ней ездили так редко, что следы от колес успевали зарости свежей травой. Последним, у самой кромки леса, за низким забором, стоял дом покойной свекрови, сейчас — ее собственность, о которой она вспомнила на днях, когда жизнь в городе показалась невыносимой до крайности.

Дощатый двухэтажный дом, с резными наличниками и маленьким, в одно окно мезонином, напоминал дачу в каком-нибудь Токсово или Васкелово. Парадной стороной он смотрел на улицу, крыльцом и широкой верандой — на огород, а жилым боком жался к забору, за которым темнела стена разлапистых елей. Одна из елок при виде незнакомки встрепенулась, закачалась, зашуршала ветвями. Упитанная рыжая белка с растрепанным хвостом, тяжело пометавшись из стороны в сторону

и стрелой промчавшись по забору, скользнула в лес, только ее и видели — вот тебе и неожиданное приветствие. Алла ухватила за сумочку, включила фотокамеру, замерла наготове, но лесные заросли затихли, лишь гулкая россыпь постукиваний невидимого дятла барабанной дробью оглашала округу.

Алла подошла к калитке. Да тот ли это самый дом? В прошлый приезд он выглядел высоким и праздничным, а сегодня — жалким и скособочившимся: доски обшивки потрескались, нежно-бирюзовая краска выгорела, стекла веранды потускнели, крыльцо рассохлось. Вместо звонка у калитки болталась деревяшка. Постучала. Подняла голову: в неприкрытое занавесками окно мезонина выглядывал хлам. Невеселая картина. Но не возвращаться же назад из-за этих мелочей, да и не все так безнадежно, главное, было бы желание здесь жить и наводить порядок, остальное приложится.

Встречать ее, кроме одинокой белки и барабанившего дятла, оказалось некому. Была бы жива свекровь — выбежала бы с радостными причитаниями, а Таше, в лучшем случае, все равно, в худшем — ее приезд неприятен, но должна же она смириться с тем, что законная хозяйка может в любой момент нагряться и даже попросить ее оставить насиженное место.

За забором было тихо, словно там никто и не жил, лишь береза возле крыльца время от времени приветливо шелестела кроной, да высокие ели за домом угодливо кивали острыми макушками.

Порылась в сумочке, вынула ключи.

А когда подняла глаза — увидела на крыльце Наташину дочь Зину, нескладную, широколицую смуглую девочку, вернее девушку, с длинной косой на пышной груди. Ее взгляд, пристальный, недружелюбный, насторожил Аллу.

— Здравствуй, Зина.

В ответ ни звука.

Чуть отвлеклась на громкий лай соседского пса, отчаянно рвущегося с цепи, глядь — Зина исчезла. А может, ее и не было вовсе, может, она почудилась?

Ступила на порог — половицы старой избы заскрипели, запели, заохали под ней на все лады. О нависший и просевший дверной проем чуть не ударились лбом. В сенях холодно, темно, в углу свалены лопаты и грабли, но в комнате от множества окон светло и весело. Пылинки кружат в щедро льющихся солнечных потоках, муха монотонно жужжит под потолком.

Нового ничего: все те же скамьи вдоль стен, комод, стол, старый телевизор, половички, ходики стучат, иконы висят, этажерка завалена журналами, печка да спрятавшаяся за ней добротная, из широких крашеных ступеней лестница, ведущая наверх. Чисто, тепло и уютно, но так убого! Алла не могла поверить, что теперь ей придется жить в этой скромной простоте неизвестно как долго. В груди у нее защемило, к горлу накатил ком, вот-вот готовый прорваться истерическими рыданиями, но за дверным проемом с цветастой занавеской, ведущим в маленькую комнату, послышалось движение и как будто шепот, и она, часто заморгав и шумно вдохнув, быстро взяла себя в руки, отложив истерику на неопределенное время.

Что ж, не хотят с ней общаться — не надо. Алла подошла к комоду, посмотрелась в висящее над ним мутное зеркало и поразилась своему отражению. Неужели эта немолодая и некрасивая, изможденная женщина — она и есть? Нет, нет, это временно. Это от усталости, от хронического стресса. Сейчас она отдохнет с дороги, успокоится, достанет косметику и вернет себе свой прежний цветущий вид. Не для того ли она сюда приехала, чтоб дать себе шанс дожить свой век в покое, довольстве и в здоровой, гармоничной несуетной безмятежности.

«Быть несчастной — поздно, времени на то не остается, как поздно нестись по жизни за миражами. Если тебе полтинник — смиренно смотри в небо на журавлей, прощально машущих крылами, и на синиц, покинувших ладони, улетающих все дальше виражами, виражами...» — Алла никогда не писала стихов, но иногда, разом ее осеняли нескладные, выпренные мысли, и это ее утешало.

Взяла с этажерки маленькую книжку, открыла на случайной странице:

*Кто понял жизнь, тот больше не спешит.
Смакует каждый миг и наблюдает,
Как спит ребенок, молится старик,
Как дождь идет и как снежинка тает.*

Хлопнула ладонью по комоду: пожалуй, пора выгружать багаж.

Возле машины уже крутились какие-то мальчишки.

— Эй! Осторожнее, не поцарапайте!

— Это что у вас, тетя, Рено?

— Рено, Рено!

— Сандера?

— Нет, Логан... Логушонок, короче. А ну, помогите выгрузить! — скомандовала Алла и протянула самому любопытному и вихрасто-белобрысому большой, но легкий пакет с одеждой.

— Хи-хи, лягушонок! Говорю же им, этот значок означает Рено, а они не верят!

Мальчишки шустро расхватили пакеты и побежали за калитку. Алла с трудом вытащила из машины цепляющийся за багажник раздутый рюкзак, дорожную сумку с ноутбуком и, согнувшись от напряжения, поплелась следом. Посреди горницы выросла гора из сумок и пакетов. Чем отблагодарить мальчишек? Порылась в пакетах, нашла пару пачек печенья. Мальчишки приняли угощение сдержанно, поблагодарили, постояли с минуту, обсуждая автомобиль, и, словно стая взлохмаченных воробьев, весело щебеча, умчались прочь.

Однако не мешало бы прилечь, отдохнуть с дороги, только где? Не пора ли определиться с ее местом в ее собственном доме?

— Зина! — крикнула повелительно. — Зина, поди сюда!

Послышались шаги, из маленькой комнаты вышла смуглая, некрасивая Зина. Отодвинув занавеску и откинув косу, замерла в дверном проеме, лениво и нарочито безразлично глядя на Аллу. Фигура ее была неуловима под мешковатым платьем, а ноги кривые, иксом. «Ей бы брюки носить и блузку пококлетливее, волосы в локоны завить и в конский хвост поднять. С лицом сложнее, здесь пластика носа и глубокий пилинг требуются, выравнивание и отбеливание зубов», — произвольно пронеслось у Аллы в голове из-за привычки оценивать внешность собеседника с позиции врача-косметолога.

— Зина, скажи, где Наташа?

— Мама на участке, картошку окучивает.

— Далеко участок? Я бы хотела отдохнуть с дороги, найдется для меня место?

— Не знаю, нужно у мамы спросить. Участок на том берегу, — так же лениво и равнодушно ответила девушка.

— Сходи за мамой, позови ее.

— Вам надо — вы и идите, — произнесла тихо, но отчетливо, глядя исподлобья, и усмехнулась одними лишь глазами.

От негодования Алла хотела выругаться, может быть, даже по-матерному, но вовремя спохватилась и сделала вид, что закашлялась. «Ну, погоди же, мерзкая Зейнат, получишь ты у меня. Выгоню на улицу или поставлю условие платить за

проживание, тогда по-другому заговоришь! Забылась, приживалка! Ишь, процесса выискалась!»

Алла помнила: Наташа с дочкой когда-то давно приехала в эти края из Дагестана — бежали от жестокого мужа, от бесчеловечного обращения и непонятного, чуждого жизненного уклада. Ходили слухи, будто она появилась в поселке худая, как щепка, оглушенная, угрюмая, в синяках. Говорила односложно, заикаясь. Решив спрятаться в этой глуши, в старой, заколоченной бабкиной избе, с упрямым упорством камня, точащего воду, пыталась обжиться. Но изба оказалась непригодной: печь разобрана, крыша текла, стены прогнили. Свекровь сжалилась над беглянками, пустила в просторный дом молодую помощницу с ребенком. За десять лет она сроднилась с ними, словно с дочерью и с внучкой, но недавно свекровь умерла, оставив на нее, Аллу, завещание, а Наташа с дочкой снова стали сторонними приживалками.

«Выгоню тварей неблагодарных!» — кипело у Аллы внутри, и кипение это требовало выхода, скандала. Она уже придумала, какую оплеуху в виде ласково-язвительной фразы вроде: хорошо, милая, не хочешь идти к своей матери, иди к другой, только дай мне отдохнуть — она сейчас бросит в лицо этой невоспитанной девке. Но, вспомнив, как вчера от сына получила порцию подлости и сегодня утром снова нахваталась отрицательных эмоций, — от собственного бессилия чуть не расплакалась. И все от бесполезных попыток его вразумить. А когда закидывала вещи в багажник, попутно клялась себе, что сбежит от негатива навсегда и сделает все для того, чтоб в деревне обрести покой и волю. Да и не барское это дело — на подростке срываться, придет Наташа, с ней и разберется, что к чему, что было, что будет, чем дело кончится, и чем сердце успокоится.

Все-таки странно устроен человек. Как бы ни бежал от неприятных мыслей-воспоминаний — они его обязательно настигнут. Настигнут, закрутятся навязчивым вихрем, опутают темной сетью скорби, закуют в кандалы все светлые порывы — не вырваться.

Как там ее Артем, где он, чем занят? Не затопил ли, не спалил ли непотушенной сигаретой квартиру, не вынес ли, не пропил ли последнее ценное, что осталось? «Нет, не думать. Забыть... Не мои это, чужие, навязанные извне проблемы. Закинутый на меня тяжкий крест. Сбросить! Освободиться от пут ежедневного давления, угнетения, от навязанного чувства вины, от пропасти, в которую ее затягивает непонятная сила! Сила, стремившаяся унижить ее, растоптать и уничтожить если не физически, то психологически и морально — убийственно воздействующая через ее сына.

Почему же никто никогда — ни в юности, ни в зрелости — не объяснил ей, что дети — это пожизненный груз и съедающий душу комплекс вины? Родитель и чувство вины — едины и неделимы, как темное пятно на ярком солнце. Вины за бездумное сотворение похотью-плотью своего чада, вынужденного с первых дней нести тяжесть бытия, борьбы за выживание и сознания грядущей, быть может, страшной и мучительной неизбежности. Не потому ли сознательные родители, пытаясь загладить вину, умильно твердят своему дитяти с утра до вечера: я люблю тебя, ты мне очень дорог, ты мой родной и бесценный даже тогда, когда повзрослевший дитя превращает жизнь бездумно сотворивших его «благодетелей» в сущий ад.

И если какой родитель своей вины не признает, а, наоборот, сам ощущает себя обманутым и разочарованным с появлением долгожданного первенца, — беда тому

родителю, его дети сделают все, чтоб виновность его проснулась и стала явной, а порой и главной мукой всей жизни. Как это случилось с ней.

«Уехать, сбежать, отстраниться, сбросить... Освободиться!»

3

Начало смеркаться. Верхушки берез, елей и золотую луковицу колокольни еще освещало заходящее солнце, но от земли уже шла прохлада, и молочный туман низко стелился на дальних полях, покрывая травы прозрачным, дымчатым покрывалом. Алла уже с час стояла на берегу, глядя за реку. Несколько раз с ней поздоровались сельчане, несколько раз спросили, не является ли она невесткой покойной Тимофеевны. Мальчишка с удочкой, увидев, как она снимает фотокамерой церковь и зеркальное отражение плакучих ив, остановился и серьезно посоветовал пойти на лесное озеро, живописно заросшее лилиями и кувшинками, где камыши в человеческий рост, а если повезет, можно увидеть русалок и даже сфотографировать их простой «мыльницей», как это сделал его старший брат.

Наконец на мосту показалась группа людей с мотыгами. Алла, окончательно продрогнув, устав ежиться от сырости, довольная, поспешила домой. Нужно подготовиться к тяжелому, честному разговору без сентиментальности и прочих умильных слащавостей в духе «ах, я понимаю, вы столько лет добросовестно... мне право неловко и жаль, но и вы поймите меня, я не от хорошей жизни...» Нет, уж эти объяснения, от какой жизни она сюда сбежала, ни к чему. Это ее личное, и никого не должно касаться.

— Аллочка! Вот ра-адость! Когда же ты приехала? Не зря мы надеялись, ждали, молодец, что вспомнила о печальной дате. Только почему не позвонила заранее, мы бы подготовились, встретили.

Наташа, тоненькая, как девушка, загорелая, раскрасневшаяся, с красиво выбившимися из-под косынки русыми прядями, смотрела приветливо и ласково. И голос приятный, молодой, но от прежнего заикания остался едва уловимый след, словно рубец от зажившего шрама: говорит-говорит, и нет-нет да споткнется.

Алла на мгновение опешила. Ее, оказывается, ждали. С чего бы? Печальная дата... печальная дата. По свекрови год?! Ах, да! Вот хорошо, что все так удачно совпало, и никто не догадается о ее забывчивости. Вся подготовленная в штыки агрессия спала с нее, вернее, пригладилась на время, как колючки у домашнего ежа. Трудный разговор можно и отложить на время, спешить ей некуда. Она вдруг представила, что могло быть с ней, отработай она на солнцепеке весь день с мотыгой. Наверное, не вымолвив ни слова, рухнула бы от усталости, не желая ни есть, ни пить, тем более общаться с приезжей, праздно шатающейся дамочкой, и она засуетилась.

— Хочешь умыться? Я воды нагрела, давай полью. И чайник вскипел. Ты, наверное, устала?

— Устала, зато все окучили, еще бабе Насте помогли. Да ты не хлопочи. Я сама справлюсь. И сытая я, в поле все вку-уснее кажется. Сейчас. Минуту. Умоюсь, переоденусь.

Алла с недоумением смотрела на странный Наташин наряд. Та и раньше любила длинные юбки, цветные шали и свободные ситцевые блузки в нарочито деревенских рюшках, а сейчас и вовсе на ней был синий, из грубой холстины сарафан, расшитый по подолу тесьмой, и белая, с широкими рукавами, тонко схваченными

на запястьях, рубашечка. Ни дать ни взять сестрица Аленушка из сказки. Наташу можно понять. Вернувшись с чужбины, она вдруг зафанатела от всего родного, русского. Ей захотелось слиться со своей землей и этнически, и исторически, чтоб уже никакая сила не смогла вырвать ее из этих, дорогих сердцу, мест.

Наташа вышла свежая, гладко причесанная, в сатиновом, в мелкий цветочек, с пышными фалдами, спадающими от лифа до пят, — платье. Кокетливые манжеты, отороченные благородным, ручного плетения кружевом, широкий подол, из-под которого загадочно выглядывали воланы таких же кружев, дополняли изысканный наряд. Такую роскошь Алла видела разве что на выставках народных промыслов и стоила эта роскошь заоблачные суммы.

— Нравится? Сама сшила.

— Очень. А ну покружись.

Наташа покружилась. Платье завихрилось вокруг стройной фигурки, затанцевало, заиграло каждой тесемочкой и складочкой, каждым воланом и всеми разом кружевами. Алле хотелось скрыть восхищение, но не получилось, непроизвольно вырвалось: «Аахх!»

— Если нравится — тебе такое же сошьем!

«Что сделалось с немногословной, забитой Наташей? Как расцвела, похорошела, помолодела! Неужели влюбилась? Точно! Опьянела от гормонов и не сознает, что ее краткое счастье — это пьяный угар поглупевшей от любви женщины. Ничего, рано или поздно протрезвеет — очухается. Все это пройдено до пресыщенности, изучено до алгоритмической точности. Боже, как бедна жизнь на новые сценарии!» — подумала Алла с жалостью к себе, не забывая мысленно перебирать в голове все прихваченные с собой туалеты: брюки, блузки и юбки. Нет, все меркло рядом с восхитительным платьем, а ее собственный наряд — стандартно-узкие белые джинсы и обтягивающая черная майка, сползающая с плеч — показался до неприличия банальным и старомодным. Дожила, называется, не любовному вдохновению она завидует, а деревенскому платью. Чудеса!

Зина тем временем скучно выглядывала из-за занавески. Выражение ее лица было таким, какое бывает у человека, измученного зубной болью. Все-таки неправильно это, когда молодая девушка так некрасива. Алла помнила ее маленькой девочкой, но ничто не предвещало такого печального итога. Зина росла обычным хорошеньким ребенком. Помнится, Алла в свои редкие приезды называла ее черноглазым ангелочком. И вот ангелочек вырос и превратился в гадкого утенка. Да, именно сказка о Гадком утенке, только наоборот. А еще, глядя на Зину, Алле показалось... «Да нет, не может быть, рановато для ее возраста».

Стол накрыли в саду. Смеркалось. На скатерть поставили старинный подсвечник с тремя высокими свечами. Таша вынула из погреба варенья-соленья, из холодильника яйца, копченую колбасу. На почетное, в центре стола, место водрузили блюдо с горячей, посыпанной свежим укропом и политой маслом картошкой. Алла выставила водку и огурцы, купленные в автолавке. Промелькнул образ удаляющейся старухи, мелкие монеты на сморщенной ладони, пакеты, переброшенные через плечо, клюка, тонюсенькие ножки и линияе платье маленькой девочки...

— Ну что ты, не нужно, давай водку на завтра оставим, для гостей. Они все равно придут помянуть, приглашай не приглашай. А сейчас мы наливки сливовой выпьем, домашней. Ка-ак насчет наливочки? — Таша поднесла к подсвечнику

хрустальный графин. От дрожавших свечей хрусталь, наполненный янтарно-рубиновой наливкой, благородно засверкал, заиграл разноцветными искрами.

Налили в три рюмки, но Зина пить не стала, поела с аппетитом, налила из термоса горячий чай и вместе с кружкой и большим ломтем яблочного пирога ушла в дом.

Алла проводила ее взглядом.

— Что с ней? Болеет? Весь день ходит мрачная, как тень.

— А, не обращай внимания. Возраст. Влюбилась в первого парня на-а деревне, и, конечно, безответно. Дачники новые у нас поселились этой весной, отец и сын — охотники. Всех баб и девчонок взба-аламутили. Их хозяйка нечасто сюда наведывается, вернее, ни разу не видели.

— И тебя? Тебя тоже взбаламутили, признавайся?!

У Аллы уже приятно грело внутри. Она расслабленно качалась на стуле. Хотелось откровенничать, сопереживать, и вообще летом жизнь так прекрасна, а она сама — такая умница: приняла единственно верное решение, сбежала от проблем и с сыном, и с бизнесом в это замечательное Русское, где не гнушаются селиться даже крутые городские мужики-охотники, и где можно носить самые безбашенные сказочные платья.

— Ну что ты, куд-да мне, — Таша зарделась.

Солнце опустилось совсем низко, разлившись над горизонтом узкой, блистающей золотом полосой. Ярко освещенный стол окружили сиреневые сумерки. У самого забора запел, зашелкал, изошряясь в переливах, одинокий соловушка, ряд желтых тюльпанов слабо замерцал в глубине сада, а стена темных елей за домом, похожих на строй грозных стражников-великанов, заухала и зашумела от резких порывов. Таша принесла из дома теплые кофты и шали. Оделись, закутались и выпили. Уходить из сада не хотелось.

— Так, значит, завтра будем ждать гостей? У нас же ничего не готово. А насчет водки не переживай, у меня в багажнике и водка, и пиво, и джин-тоник.

— Вот и отлично. Банки из погреба достанем, курей из морозилки, баба Настя пирогов напечет, Зину попросим салатов настругать. Справимся! А вот и баба Настя пожаловала. Помнишь бабу Настю? Подружка покойной Марии Тимофеевны. Она иногда ночует у нас, я жалею ее, одиноко ей стало.

— Помню-помню, — отмахнулась Алла, подумав: «Разве упомнишь всех деревенских?»

За калиткой послышался шорох, шаркающие шаги. Таша сорвалась с места и через минуту привела за руку седую, как лунь, старушку с бледным морщинистым лицом, с благородными тонкими чертами и удивительно стройной осанкой.

— А вот и наша баба Настя пожаловала.

Давно не видела Алла такой красивой старости. В городе все пожилые либо бабушками хроменькими выглядят, либо развалинами больными, расплывшимися, либо нелепо молодящимися, красящими брови и волосы, убогими тетками. Наверное, она относится к этой, последней категории, потому как, несмотря на пластические операции, чувствовала свой возраст и видела свою истинную, слишком зрелую, сущность.

Захотелось встать и поздороваться. Баба Настя смотрела умильно и ласково:

— Она самая, Аллочка наша приехала, золотое сердце. Да какая же ты пригоженькая, какая же ты беляночка. Вот бы Машенька полюбовалась на тебя.

Алла опешила и растерялась от потока лести. Что ей нужно от нее, зачем она так смотрит, словно видит перед собой родного и близкого человека, которого ночи не спала, ждала, и вот получите, человек этот пожаловал.

— Ну, баба Настя, вы меня совсем растрогали. Вот сейчас расплачусь от вашей великой доброты. Недостойна я этого.

— Милая моя! Золотое ты мое сердце!

Старушка наглаживала ее по спине и плечам, и казалось, не могла на нее налюбоваться.

Алла тем временем мысленно ворчала: «Нигде не спрятаться от лжи, даже здесь в глуши среди древних бабок. То же самое: «душенька, как ты сегодня прекрасно выглядишь», хотя «прекрасная душенька» уже лет десять как является старой гримзой, которой не помогает ни ботокс, ни прочая «мерзотерапия».

Таша тем временем уважительно усаживала соседку за стол. Пулей сбегала за чистым прибором, заполнила угощением тарелку, налила рюмку.

— Ты, Наташа, не суетись, сядь, отдохни, наломались ноне в поле-то. Уж не знаю, как вас и чем благодарить, нет ничего у бабки Насти, рази молочка козьего принести. И зря ты мне муки, да масла, да яиц надавала, печь-то моя совсем плоха стала, дымит, что хошь с ней делай. Печник нужен, да где его найти. А пироги-то к завтраму нужны.

— Найдем, баба Настя, печника, не переживайте. А пироги у нас стряпайте. Мы толкаться под ногами не станем.

Выпили по рюмке. Свечи горели, тепло и мягко освещая стол, и казалось, их воск не таял, а по-прежнему оставался на одном уровне. Алла вдруг ощутила, как сверху, из темноты космоса, за их маленькой компанией и неровно дребезжащим огоньком наблюдают. Она подняла глаза. Высоко в небе горела единственная звезда, похожая на вытянутую детскую юлу или танцующего эльфа. И небо, и танцующий эльф, и сад, и она сама, и стол со свечами вдруг стали одним целым, имеющим собственный, тайный смысл. А она, привыкшая пребывать в ограниченном пространстве автомобиля, комнаты или косметического салона, заполненного глупыми дамскими прихотями, расширила свое пространство до размеров сада, нет, целого поселка и дальней дали, что за рекой, а вверх — до неба с танцующим эльфом, и оттого стала значительнее и весомее в собственных глазах и в глазах целой вселенной.

Таша вдруг затянула:

Хороша я, хороша, да плоха отдета...

Бабка Настя подхватила, на тон ниже:

*Никто замуж не бярет
Девушку за эээто...
Пойду с горя в монастырь,
Богу помолюся.
Пред иконою святой
Слезами зальюся.
Не пошлет ли мне Господь
Долюшки счастливой,
Не полюбит ли меня
Молодец красивый.
Коль не встретится такой,
Коль я не дождуся,
Пойду к быстрой речке я,
С горя утоплюся.
Уродилася я, что в поле былинка.
Разнесчастная я, Божия кровинка.*

Алла проснулась от спящего солнца. Кот, что спал у нее в ногах, испугавшись незнакомого лица, тяжело вскочил и пулей кинулся вниз. Тикающий будильник на столике возле окна показывал четверть двенадцатого. Почему же ее никто не разбудил? И как она оказалась в верхней комнате, на этой пуховой перине? Сама ли поднималась по лестнице, сама ли раздевалась? Вот тебе и наливочка! Нет, голова не болит, настроение — бодрое! Однако бодрое настроение отравляло сознание, что сегодняшний день не будет принадлежать ей целиком и полностью, но должен вынужденно превратиться в сход дряхлых дедов и отброшенных на обочину жизни старух. Алла ненавидела старость, считала ее уродливой, безобразной и всегда держалась от нее подальше. Ее пугало, что она может заразиться старческой немощью так же, как заражаются корью или краснухой.

Прошлой осенью с ней произошел неприятный эпизод, после которого стало ясно, что как бы она ни сопротивлялась, старость, как неизбежность, уже поставила на ней свою отметину. Пасмурным и ветреным днем она шла по выложенной плитками дорожке, ведущей к средиземноморскому пляжу Сиде, как встретила двух дам, соседей по гостиничному корпусу. Одна из дам казалась ярким воплощением трагически-печального итога земной биологической материи: сморщена, согбенна, облысевшую голову едва прикрывали несколько седых клочков, пергаментная кожа ее была сплошь покрыта пигментными пятнами, лицо с висящим над бескровными губами носом напоминало о страшных сказках. Ни в ресторане, ни на пляже, ни в парке Алла старалась не смотреть в их сторону и вдруг неожиданно, нос к носу, столкнулась с ними на узкой пляжной дорожке.

— Вы купаться идете? Сегодня вода очень холодная, — обратились к ней дамы, и старая ведьма в доказательство прикоснулась к ее руке мокрой, ледяной, скрюченной ладонью.

Алла вздрогнула, отдернула руку, но слишком поздно. Она вернулась в номер и с горя напилась до беспамьятства.

Все же несправедливо, что добродетельный и праведный человек имеет с возрастом такую же дряхлость и безобразность, как и порочный преступник, и неисправимая грешница. Разве не справедливее было бы видеть, как с возрастом человек становится красивее или уродливее в зависимости от того, как жил, что творил? А так и не узнать, старость всех норовит уравнивать в своем уродстве.

Вот потому она не ходит ни на похороны, ни на поминки, чтоб не сталкиваться с ветхостью и тленом. И что за странная традиция — выставлять покойников на всеобщее обозрение?!

В смерти есть некая тайна, схожая с непубличными моментами жизни, с родами или глубоким сном. И вот лежит покойный на смертном одре, и вместо тишины его окружает родня, близкая и дальняя, а еще толпы обычных зевак, которые бесцеремонно врываются в этот интимный момент, разглядывают уснувшего (то есть усопшего) с содроганием (с омерзением) и удовлетворенно констатируют, что они-то еще живы, они-то еще ах как хороши, и веселы, и молоды, и все их проблемы и не проблемы вовсе, а мелочи жизни. Смерть безобразна, противоестественна, ужасна, и выставлять ее напоказ — значит, предавать некогда близкого человека.

Дом заполнял аромат горячих сдобных булочек. Неужели баба Настя пирогов напекла? Резво вскочив, начала напяливать на себя джинсы. Фу ты, задом наперед умудрилась. А вообще, зачем джинсы, если перед тобой стоит старый зеркальный шкаф, набитый до отказа винтажной одеждой. Шкаф настолько забит вещами,

даже дверца не закрывается, и из нее торчит край то ли платья, то ли юбки. Точно, платье. Натуральный крепдешин или креп-жоржет какой-нибудь послевоенный. Голубое, в белых ландышах, от времени неровно вылинявшее, пышное, с короткими легкими рукавами-крылышками. Надела, повертелась перед зеркалом, платье было чуть широковато, а по длине доходило до середины икр. Из джинсов вытащила белый ремень с круглой пряжкой, затянула на талии потуже — и вовсе отлично смотрится. А джинсы... Хоть бери и выкидывай в мусорное ведро, такими нелепыми и неудобными они ей показались.

Спускаться вниз не хотелось. При мысли, что придется встретиться взглядом с Ташей и бабой Настей, ощутила неприятный дискомфорт от чувства вины (опять это чувство вины, прочь!) за то, что напилась до бесчувствия, и за то, что проспала в такой ответственный день. Вдруг она услышит рассказ, как, впад в агрессию, наговорила заранее приготовленных гадостей? В воображении рисовались картины одна ужаснее другой. Вот она, осовевшая, в пьяном угаре бьет себя в грудь и, пуская слюну, вопит: «Я здесь хозяйка! Всех выгоню. Все пошли вон!» Или как она, потеряв человеческий облик, тычет Зине в лицо пальцем и, хватая ее за ухо, шипит, как змея: «Мерзкая девка! Уродина! Басурманская неблагодарная тварь, проси прощения!»

Внизу кипела работа. Баба Настя вынимала из печи румяные, дышащие сдобным ароматом пироги.

— Проснулась, любушка ты наша, не хочешь ли пирожка с капустой? — так же убийственно ласково и умильно пропела старушка.

— Спасибо, Настасья Ивановна, не хочу.

На веранде Зина сосредоточенно терла сырую морковь. На секунду она замерла, взглянула на Аллу с недоумением, хмыкнула презрительно и прикрыла рот ладошкой, словно хотела рассмеяться, да не решилась сверкать кривыми зубами, и снова занялась морковью. И снова в ее образе, в округлых щеках и подбородке, в пышной груди, в том, как она сидела, по-бабьи расставив ноги, что-то насторожило Аллу.

День блистал синевой и умытой дождем зеленью. Посреди огорода дымил углями мангал с решеткой. Рядом с мангалом высокий седой мужчина («мужичина» — подумала Алла) в камуфляже и сапогах ловко рубил дрова. Тут же, возле длинного стола, накрытого разномастными скатертями, хлопотала Таша. Гладко причесанная, в том же волнующем платье, с множеством нитей мелких бус, она снова напоминала русскую красавицу, чьи портреты любил рисовать Венецианов.

Стол украшали вазы с желтыми тюльпанами, горы тарелок, банки с брусничной водой, огурцы-помидоры, глянцево-влажные, небрежно насыпанные в большие блюда вперемешку с ветками зелени. К нарезкам из сыра, колбасы и к тонким ломтикам грудинки добавлены перья зеленого лука. Алла остановилась рассмотреть селедочницу, в которой кусочки селедки были выложены в виде золотой рыбки: рот — фигурно вырезанный ломтик морковки, плавники и пышный хвост из луковых полуколец, глаз — крупная темная ягода. Забавно!

— Аллочка! — воскликнула Таша, резавшая хлеб. — Ну ты учудила!

В груди недобро ухнуло.

— Откуда откопала это платье? Зна-ала бы — выстирала к твоему п-приезду. А тебе идет.

— Я к машине пошла, за водкой.

И снова некстати вспомнилась автолавка, скрюченные пальцы, считающие мелочь, сторбленная спина и ухватившаяся за юбку слабая рука бессловесного ребенка.

Вернувшись в сад, Алла невольно залюбовалась тонкими загорелыми руками, ловко и без усилий резавшими свежий хлебный кирпичик. Ножи всегда были ее большой темой: овощи, рыбу ли, батон ли — все что угодно — они не резали, но грубо жевали. Измученная Алла язвительно бросала своим мужчинам: тупые ножи в доме — тупые мужики. Но шло время, в квартире многое менялось, мебель, занавески, телевизоры, компьютеры, а однажды их семья пережила потрясение и сократилась до двух человек — она да сын, но одно оставалось неизменным в ее доме — тупые ножи.

Нарезанный хлеб разложили на подносе высокой горой, один ломтик положили на рюмку возле траурной фотографии, установленной среди склонивших головы тюльпанов. Критически взглянув на стол, Наташа заключила:

— Осталось скамьи принести и стулья, будет много бабушек пожилых, их, конечно, посадить нужно. Аркадий! — крикнула она в сторону. Аркадий подошел, держа в руках топор. Вид у него был внушительный: крупная седая голова, приятные черты, взгляд, полный достоинства, сверху вниз. Топор в его широкой ладони легонько подпрыгивал и недвусмысленно грозил: «Не смей перечить!»

Аллу обдало волной надменности и мужской нахальной уверенности. «Не городской ли это охотник?» — подумалось Алле.

— Аркадий, познакомься, это наша Аллочка, невестка покойной Ма-арии Тимофеевны. Аллочка, а это Аркадий, на-аш сосед.

Наташа смотрела на соседа нежно и восхищенно. Обычно так смотрят на собственное, необыкновенное, красивое и талантливое дитя.

Аркадий приветственно поклонился:

— Очень приятно.

Глянул коротко, исподлобья, сверкнув синевою глаз. И тут же доложил: — Задание выполнено, мясо готово, дрова наколоты.

«Нет, не городской охотник! Акцент у него наш, деревенский... — подумала Алла. — А правильное будет так: наш, деревенский, но тоже охотник».

За калиткой послышались стук деревяшки, движение, голоса. Один за другим начали появляться гости. Румяные, щекастые молодухи с улицы — по долгу соседства с цветами, всем известные любители выпить — мужички, радуясь «сурьезному» поводу, каждый с пол-литрой, каждый, уважительно крякнув, смущенно здоровался с Аллой, не смея протянуть руки. Дряхлые старушки, одинаковые, седые и хрупкие, со слезящимися глазами — бывшие товарки покойной — подходили к ее портрету, гладили руками, скорбно вздыхали: «И на могилку-то к Машеньке не сходить, далеко, в городе она, рядом с сыночком похоронена» — и садились за стол, словно на кладбищенскую скамью. «Жизнь пожевала, пожевала их да и выплюнула», — подумала Алла, усаживая очередную гостью.

У каждого в памяти отыскиались светлые воспоминания о покойной, каждому она запомнилась, как равнодушная, всем спешащая на помощь, хлебосольная женщина.

— Мария Тимофеевна заменила мне ма-ать, вернула мне родину, — дрожащим голосом произнесла Наташа, — пью за ее доброе материнское сердце.

— За материнское сердце! — высоко поднимая рюмку, произнесла одна из соседок, Прохоровна, краснощекая дама в нарядной, с блестками, блузке. — Двое влюбленных клялись друг другу в любви, но парень не верил своей возлюбленной. «Что я должна сделать, чтоб доказать свою любовь?» — спросила девушка. «Принеси мне сердце своей матери, тогда поверю». Убила красавица свою мать,

а сердце на блюде понесла возлюбленному. Но, когда несла, споткнулась и упала. А сердце вздрогнуло и заговорило: «Не ушиблась ли ты, доченька?»

Все дружно потупились. Послышались вздохи, всхлипывания. Алла с Наташей переглянулись. Наташа, грустно улыбнувшись, сделала жест ладонью, как бы говоря: «Вот такие мы, неотесанные, деревенские».

Снова стукнула деревяшка у калитки. Сгорбленную, едва передвигающую ноги бабульку привели под руки и как матрону бережно усадили на почетное место. Взглянув на Аллу, она всплеснула тонкими скрюченными руками и ахнула:

— Вы представьте, я помню Машеньку в этом платье! Как быстро пролетело время, не могу поверить. Ах, жизнь так скоротечна!

Все разом тяжело вздохнули и как тюльпаны у траурной рамки опустили головы. Бабулька дребезжащим, но интеллигентным и внятным голосом продолжала: — Скоротечна. И скупа на радости, и щедра на печали. Я бы хотела узнать, дорогие мои, детство можно ли считать полноценной жизнью?

Деревенские оживились, зашушукались, запереглядывались.

— Детство даже вспоминать не хочу! — махнув рукой, громогласно изрекла та же соседка. — Бесправие, тумачи от взрослых, страх наказания и постоянный голод! Вот все мое детство!

Все одобрительно оживились, словно каждый вспомнил свое собственное детство, и оно было слово в слово таким же тяжелым и беспросветно-бесправным. Только Зина иронично хихикнула и тут же спохватилась, опустила голову и засунула в рот ломоть колбасы.

— Верно говоришь, Прохоровна.

— А в юности не то ли бесправие и зависимость? Да учеба, да обязанностей воз, никакой личной жизни. Все украдкой, все крадучись. Душа любви жаждет, а попробуй, скажи, что ты целовалась...

— Украдкой и тайком.

Щуплого, в чем душа держится, мужичка, с руками в наколках, распирало.

— Вот у меня... эх... вот я...

Но бабушка-аристократка продолжила тихим, дребезжащим голосом. И все как по команде умолкли, одернув мужичка за рукав.

— Самое тяжелое время — это взросление, зрелость. Замужество — сплошь обязанности: работа, дети, семья, долг. Долгов не счесть: супружеские, материнские, материальные, моральные. Долги — как кандалы, тянущие нас к земле. Если б не долги, возможно, мы бы стали как боги.

— Хочешь не хочешь, долги отдавать надо! Про долги у меня есть тост, — оживилась дама с блесками. Ее щеки пошли пунцовыми пятнами, помутневший от выпитого взгляд увлажнился:

— Покойная Мария Тимофеевна, царствие ей небесное, добрая женщина, услышала от знакомых через других знакомых: нужна-де хорошая портниха, и по доброте душевной предложила мне халтуру в Егоровске: пошить детские костюмы для студии. Обрадовалась, согласилась. Хорошие деньги пообещали, и даже договор с директрисой подписали, все по-честному. Ну, я изошряюсь, шью, тесьмы накупила, фурнитуры дорогой. Костюмы получились любо-дорого глянуть. Отвезла в положенный срок и прошу оплаты. «Жди, — говорит директриса, — денег теперича нет, но завтра-послезавтра точно появятся». Жду и завтра, и послезавтра... И неделю жду, и вторую. Звоню каждый день — ответ все тот же: завтра-послезавтра. Так мне обидно стало, хоть плачь! Пожалилась Тимофеевне, земля ей пухом, хорошая была женщина, всем старалась помочь. Тимофеевна и говорит: поди,

расскажи отцу Иову, авось да найдете управу на нечестивицу. Пришла. Выслушал батюшка и говорит: «Неужели Прохоровна, нету у тебя знакомых бандитов или воров в законе. Ты к ним обратись, они твою проблему вмиг разрулят».

Ну, думаю, плакали мои денежки. Где их взять, бандитов-то? Нету у меня таких знакомых. Разе Петька Мурзин, что в прошлом году в Егоровске кошелек у зазевавшейся вороны стащил, дак когда бежал, все оборачивался и лбом-то столб прошиб, жив хоть и остался, но с головой до сих пор нелады. Или Лукьян, что давеча по пьяни трактором соседских гусей подавил, а ноне чуть тещу не порешил. Наутро оправдывался, мол, не тещу, арбуз хотел ломтями настругать. Замахнулся ножом — арбуз от него бежать. Лукьян за ним, насилиу догнал, повалил. Опомнился, когда арбуз под ним завизжал человеческим голосом.

Э-э, так о чем это я... Плакали, думаю, мои денежки, нет у меня подходящего бандита под рукой, придется смириться, не вернет директорша долг!

А наутро вдруг сама звонит. Злюшшая! «Забирай свои деньги, да поскорей!» Вот как хошь, так и понимай!

Гости оживились, закачали головами.

— Отец Иов плохого не посоветует!

— Небесная канцелярия распорядилась: деньги Прохоровне выдать немедленно!

Выпили стоя, выдержав вежливую паузу.

Матрона сидела, прикрыв глаза, но от выкрика вздрогнула, рассеянно заморгала, затрясла головой, попыталась встать.

— Ну, прощайте, мои дорогие.

Алла спохватилась:

— Вы нам еще про старость не сказали.

Ей не хотелось, чтоб интересный разговор растворился в пьяном гомоне и заглох, как гложет полезный росток в сорной траве.

Старушка ответила назидательно, тоном бывшей учительницы:

— Про старость вот что скажу. Старости не бойтесь. Коли нет тяжелых болезней и ежели розданы все долги — будет вам дадено на исходе лет послабление, хоть малость, но пожить в свое удовольствие. Пользуйтесь советом старой тетушки.

— Именно так в одной книге написано: «Хорошего человека жисть пожметь-пожметь да и отпустить».

— У Гурченко в книге так на-аписано, — уточнила Наташа.

— Гурченко... ага... как же, пять минууут, пять минууут.. — шуплый мужичок в татуировке даже выписал сапогами несколько замысловатых па, но на него шикнули, усадили за стол и подвинули под нос тарелку с закуской.

— Не получится в свое удовольствие, время-то ушло, — нетактично вставила Зина.

— Ну, это как Бог даст.

Алла думала о том, что все эти бабульки, растившие детей, преданно служившие своим мужьям, измученные трудом, голодом, утратами, несправедливостью, намного счастливее ее хотя бы потому, что им не приходилось ненавидеть себя, мучаясь от непоправимых, порой мелких и ничтожных, но ущемляющих достоинство, промахов и прегрешений. И что, чем ярче и богаче жизнь — тем больше непростительных ошибок.

Алла все время старалась быть ближе к Наташе, чтоб неуловимым кивком или касанием руки спросить: «Кто это?» Таша тут же незаметно, едва повернув голову, шептала в ухо точные, односложные фразы: «потомственная декабристка», или

«непутевщина, тюремщик», или «передовая доярка». Но народ все подходил и подходил, и в ответ на одно из касаний, она шепнула: «Понятия не имею».

Аркадий, почетной обязанностью которого было следить за распитием и за распивающими, заполнил рюмки. Все дружно встали, кроме старой матроны, и выпили, скорбно помолчав. Вальяжная, крупная фигура Аркадия выделялась на фоне прочего деревенского люда, и Алла порой смотрела на него с любопытством. Она отметила, что за все время он ни разу не подошел к Наташе, ни разу не только не приобнял ее, но даже когда она говорила скорбную речь, его лицо оставалось невозмутимым, взгляд не отозвался ни теплотой, ни восхищением, ни сочувствием. Стоял он позади Зины. И когда та встала из-за стола и ушла в дом, он несколько раз беспокойно обернулся, а когда она вернулась — угодливо-галантно подвинул ей стул.

Стоять истуканом позади Зины ему пришлось недолго: уснувшего лицом в салате непутевщину пришлось погрузить на плечо и унести домой. Вконец опьяневшая, в блестках Прохоровна бросилась в пляс и даже успела спеть частушку:

*Мне миленок говорит:
У меня давно стоит
На столе бутылочка.
Пойдем-ка, выпьем, молочка.*

Певунью пришлось урезонивать, вести под руки на веранду, чтоб свалить на продавленный скрипучий диван. Алла невольно подумала, что диван продавился не от времени, а от таких вот неумеренно пьющих, обрюзгших гостей. Сама она почти не пила, боялась повторения вчерашнего. Ей хотелось продолжения интересной беседы, хотелось жизненных откровений незнакомых, но мудрых стариков и наивных, как дети, молодых. Хотелось прийти к утешительному заключению, что в своих проблемах ее вины нет, что само устройство мира предполагает каждому иметь за плечами груз страданий, но ее право человека разумного — жить по-своему, отвергнув навязанный провидением образ несчастной страдальицы.

Но поговорить было не с кем. Матрону, бережно подхваченную под руки, уже увели.

Остальные гости тоже не сразу, но разошлись. Лишь всеми забытая плясунья Прохоровна лежала на веранде блестящей, обмякшей тушей, оглашая сад басовитым храпом.

Не успели перемыть посуду, как в саду снова послышались шаги.

— Мир дому сему!

Пришли запоздалые гости — отец Иов, высокий, тонкий, длинноволосый, в черной рясе, с тяжелым крестом на узкой груди, за ним — бомжеватого вида, но полный достоинства трудник, в руках он еле удерживал охапку белых лилий.

Алла в своем легком, бледно-голубом, трепетавшем на ветру платье спряталась за березу и, словно окаменев, глядела на сияющий крест, напоминающий ей о кресте собственном, неподъемном, который она невероятными усилиями пыталась сбросить, да все безуспешно. Наташа, вытерев наспех руки висевшим на плече полотенцем, бросилась навстречу священнику:

— Благословите, отец Иов.

Пришлось незаметно скользнуть в дом, спрятаться в своей верхней каморке и, отодвинув занавеску, наблюдать, как Наташа хлопочет возле дорогих гостей, как

долго расставляет лилии по кувшинам и банкам. Потом они, как добрые друзья, сидели за столом, пила-ели, вели беседу. Наташа иногда рассеянно оглядывалась по сторонам, смотрела на окна дома, но так и не решилась крикнуть, чтоб позвать Аллу к столу. Когда закатное солнце, скользнув золотом по верхушкам деревьев, медленно опустилось за горизонт, Наташа зажгла подсвечник с нескончаемыми свечами. Гости, крестясь, встали, получили корзинку со снедью и пошли на выход. Наташа вышла их проводить — и словно канула.

Ее не было долго, так долго, что Алла успела переделать тьму дел: празднично пошататься по саду, налить для Мурзика молока, примерить еще одно древнее, в горошек, платье со старинным кружевным воротничком и брошкой в виде паука, зашить на нем несколько дырок и, накинув шаль, пройтись по улице. Здесь было безлюдно, за заборами лаяли псы, село словно вымерло, одинокий фонарь горел ближе к церкви. Церковь с темными окнами, отражающими низкие, серые облака, была заперта. Голоса слышались, когда подходила к главной площади. Оживленно здесь бывало днем в воскресные дни возле небольшого импровизированного рынка, а вечером — возле клуба, бывшего купеческого дома, где всегда собиралась молодежь. Алла хотела пойти к реке, но тогда пришлось бы идти мимо клуба. Постояв немного, подумала и вернулась домой. Царившая тишина ее угнетала. Даже веранда опустела.

— Зина! Зинааа! Есть кто-нибудь в доме?

Откинула занавеску спальни. Никого. Обстановка самая скромная: две деревянные кровати заправлены аккуратно, по старинке, с подушками и горой подушек, стулья с наброшенными на них юбками, и трюмо с высоким шербатым зеркалом.

«Где шляются в ночь-полночь?»

Алла села в саду. Кутаясь в шаль, вдыхала пряный аромат белых лилий, слушала переливы одинокого соловья, пила горячий чай и поглядывала в небо, ожидая появления танцующего эльфа. «Уехала, сбежала... освободилась!»

5

Ночью приснилась дорога. Грунтовая пыльная дорога лентой вилась между лип, берез и полей и вдруг уткнулась в мрачный тупик. Впереди — сплошная стена темного леса, высокая, как частокол языческого капища. Алла вышла из машины. Кто-то пискнул и мягко потерся у ее ног, а потом прыгнул на грудь. Белка?! Или крыса? Ее обожгло ужасом: крыса в деревенской избе! Проснувшись окончательно, она села на кровати, скинув с себя того же тяжелого полосатого кота, но все еще огушенная сном, ощущала себя в дорожном тупике. Что делать в этом случае — она знала. Если тебе приснился кошмар — не просыпайся, включай собственный сценарий! Потому снова зарылась в одеяло, закрыла глаза и мысленно начала искать выход. Впереди — непроходимый лес, но нет ли где сбоку проселочной дороги. Нет? Что же делать?! Возвращаться назад она не может, там мрак и кошмар, впереди — стена темного леса. Ничего, она остановится, передохнет и усилием воли прорубит просеку. Вот и техника понаехала: бульдозеры, трактора, грузовики. Работа кипит, деревья вырываются с корнем, валяются, земля разравнивается, и на нее сыплется щебень. Нет, одного щебня мало. Нужен асфальт! Глянцевый, ровный, надежный! И вот уже она едет вперед по залитой солнцем ровной дороге навстречу свету, над ней — чистое, без единого облачка небо. Иначе быть не может!

От мысленного напряжения дышалось тяжело, выступила испарина. Но она сказала! Теперь можно вставать и встречать новый день.

День начинался расслабленно и безмятежно. Прекрасный, теплый летний день, о каком мечтаешь всю осень, зиму или всю жизнь. В саду и в доме было тихо, окна нижнего этажа были распахнуты, и легкий ветер играл с ажурными занавесками. Наташа ушла на работу, молочную ферму, которая располагалась в километре от поселка. Зина, вернувшаяся глубокой ночью, спала до полудня. Алла снова празднично пошталась по саду, побродила по кромке леса, нашла несколько сыроежек, а вернувшись, надела купальник, то же голубое, в ландышах платье и, прихватив покрывало, фотокамеру и первый попавшийся журнал с этажерки, отправилась загорать на речку.

Идти проселочной дорогой было весело. Соседские дети с ее появлением прекратили игру и, глядя с любопытством, дружно затаили: «Здрааавствууйте, тетя». Над церковной колокольней галдели грачи. Площадь, с главными сельскими зданиями, клубом, школой и церковью, была пуста. Здесь гуляли гуси и шелестели березы. Одинокая, похожая на лису, рыжая дворняга подошла к ней, подняла на нее вопрошающие глаза, обнюхала руки и так же медленно пошла дальше. Не выпуская из рук фотоаппарата, снимала все, что попадалось на пути: и гусей, и стаю грачей над колокольней, и вопрошающие глаза собаки.

Перед спуском к реке замерла на минуту, залюбовавшись открывшимся простором, от которого захватывало дух. Противоположный берег за низким деревянным мостом начинался золотистым пляжем, с подернутой ветряной рябью песчаной косой, выступавшей почти до середины реки. Далее, вместе с кудрявым кустарником берег полого устремлялся вверх, к цветущим полям с редкими избами в окружении раскидистых деревьев. Поля плавно, как застывшие волны, опускались вниз и взбегали вверх, а дальним краем упирались в самое небо. И поле, и сады, и деревни — все это дышало, купалось в туманной, безоблачной синеве и естественно сливалось с недостижимым космосом, как скромные вкрапления простых минералов сливаются в одно целое с благородно-сверкающим алмазом. Удивительно, как она раньше жила без этого простора, в тесных городских джунглях, где глаз упирался в однообразные бетонные серые стены, столбы и заборы.

Алла сбежала по тропинке, ведущей вниз и в сторону от моста, направилась к зарослям плакучих ив, чтоб, спрятавшись от посторонних взглядов и обжигающих лучей солнца, упасть на расстеленное покрывало. Она повалилась, наслаждаясь ласкающим тело теплым ветерком, посмотрела ввысь, на лазурное, с фиалковым оттенком, небо, и вынула из сумки журнал. Журнал оказался вторым номером «Невы» за девяносто седьмой год.

Начала с конца, пробежалась глазами по стихам, по «Седьмой тетради» и застряла на повести незнакомого автора.

Первый же случайный абзац вызывал в ней бурю эмоций и рассуждений.

«— Я не хочу, доктор! Не хочу! Все тут умирают, а я не хочу! Почему такая несправедливость? Почему другие до девяносто живут, чем они лучше?..

— Да не лучше они, конечно. Просто не заболели так рано.

— А почему я заболела, за что? Разве я согрешила так страшно, чтобы меня Бог наказывал?..

— Не думай об этом, никакой справедливости в мире нет. Так получилось, вот и все.

— Ну а куда же Бог смотрит? Как он допускает несправедливости?..

— Это уже его дело — как и почему. Несправедливостей много на земле, вот и все. Надо с этим смириться.

— А я не хочу мириться! Почему я должна мириться?!

Что тут скажешь? Она права. И бунт ее справедлив. Вот только — бесполезен. И — неприятен Егору Владимировичу, потому что он любит таких умирающих, которые делают это тихо и благостно. Таков здешний стиль. А редкие бунты нарушают столь ценимую им гармонию последних минут».

Полистала вперед, назад и поняла: автор описывает хоспис и его обитателей. Больные смиренно умирают один за другим, но одна молоденькая девушка вопила. Вопить в обители смерти не положено, и несчастной назначили большие дозы успокаивающих и обезболивающих.

Жизель уходила по всем правилам. Без ропота и криков. Случались у нее всплески протеста, но Жизель наконец примирилась с неизбежным под действием лекарств и уговоров...

И надо же было ей взять именно этот журнал, чтоб блистательным летним днем читать о смерти. Стереотипы, мы все существуем в стереотипах, и, если ты ропщешь, идешь против правил, отторгаешь навязанное фальшивое правило, тебя объявляют в лучшем случае строптивой, в худшем — душой и начинают вразумлять и пичкать транквилизаторами, чтоб втиснуть в прокрустово ложе негласных законов. Именно так ее осуждали все знакомые, узнавшие, что она сбегает от нерадивого сына. «Ты не должна этого делать, он же твой сын, нужно бороться до конца!» И хоть бы кто-нибудь ее понял и поддержал, порадовался ее нежеланию соприкоснуться с темным, уродливо-опасным зазеркальем, ее смелому решению разорвать жесткие путы несвободы.

Она провалялась в ажурной тени остролистных ив в раздумьях, в чтении журнала и в дремоте так долго, что не заметила, как удлиннились тени, жара спала, солнечные разливы в реке собрались в одну золотую купель. Вдоль берега уже неспешно тащилось стадо коров. На пляже противоположного берега появилась и загалдела молодежь. Носились, толкались, безудержно хохоча, брызгались, и со стороны казалось, что они пьяны. «Пьяные и есть! Опьяненные гормонами», — подумала Алла и начала собираться. Пора! Наверное, дома ее потеряли.

К ее удивлению, в саду и в доме услышала ту же тишину, наполненную стрекотом кузнечиков и ровным жужжанием очумевших мух. Ни Наташи, ни Зины, ни бабы Насти. Одна лишь береза возле крыльца сочувственно качает в такт порывам ветра длинными, растрепанными, словно косы русской красавицы, ветвями.

Налила в кружку молока, положила в тарелку сладкую булочку и морковный пирожок и села в саду в одиночестве. Странно: домочадцы живут своей, независимой от нее жизнью, даже не интересуясь, где она, чем занята, сыта ли, нуждается ли в помощи, собирается ли возвращаться в город или, наоборот, летней дачницей остается до осенних холодов. Кто она для них? Чужая, временно посетившая их обитель городская дамочка, от которой лучше отгородиться нарочито вежливым, ласковым общением, пусть тешит тщеславие, пусть думает, что она здесь своя, что в ней нуждаются и ее здесь любят, чтоб, не ровён час, не разозлилась да не выгнала на улицу. Скорее всего, ласково-уважительное общение было для Наташи привычным и естественным, как холодный, начальственный тон с подчиненными в салоне красоты для нее самой.

Кстати, пора позвонить и узнать, как идут дела в этом вертепе льстивых, вечно врущих бездельников. Предстоящий ремонт деревенского дома предполагает немалые расходы. А где их взять? Вся надежда на салон. Набрала номер Ларочки — администратора и бухгалтера в одном лице.

— Да, Алла Романовна... Все хорошо, Алла Романовна... Нет, выручка мизерная, лето, сами понимаете, народ в отпусках... Сантехника на днях вызывали, из-за засора в раковине зал затопило. Да, расплатились, по квитанции. Бухгалтерия? Ведется, Алла Романовна.. Да, Алла Романовна... Хорошо, Алла Романовна...

«Выручка мизерная у них. Бездельники! Надо бы перевести их с оклада на сдельную оплату. А лучше — пусть отдают ей ежемесячно фиксированную сумму, а все что сверх — оставляют себе, может быть, начнут шевелиться».

Кому еще позвонить? Сыну — бесполезно. Он уже полгода без мобильного, и, кажется, это его не напрягает. «А позвоню-ка я Евгении Евгеньевне», — подумала Алла, вспомнив о пожилой соседке выше этажом. Она на скамеечке возле подъезда часто сидит, все видит, все знает, все замечает». Евгения Евгеньевна ходит тяжело, с палочкой, иногда просит Аллу привезти продукты, из тех, что тащить неподъемно: сетки картошки, бутылки с растительным маслом, крупы или кочаны капусты.

Звонить не хотелось. Вдруг да услышит неприятную или страшную новость. Когда человек пьет, не просыхая, месяцами — в любую минуту может случиться все, что угодно. Алла пыталась изучить теорию алкоголизма по книгам, по инету и по беседам с пьющими, но нигде она не слышала, чтоб запои продолжались месяцами. А с Темой именно так: после лечения в клинике он ушел в самый долгий и жестокий запой, из которого, казалось, выхода нет и не будет.

— Три месяца? — удивился ее рассказу такой же запойный, с его слов, сантехник, которого Алла, впрочем, пьяным не видела ни разу. Всегда трезвый, всегда вежливый и услужливый.

— Чтоб пить три месяца — недюжинное здоровье нужно иметь, не каждый выдержит. Вот меня на неделю-две хватает, не больше. Скучно становится, надоедает.

При мысли о звонке, Алла разволновалась, отбросила телефон, он пролетел по скатерти-клеенке и ударился о подсвечник, «хорошо бы, сломался», и она встала, чтоб полить только что распутившиеся георгины.

«За этот ад, за этот бред... Пошли мне сад на старость лет».

Но мысль о сыне с новой силой, с новыми фантазиями навязчиво заелозила в сознании, и Алла вернулась к столу.

И правильно сделала. Пожилая соседка утешила ее, словно рапортуя, подробно доложила: «Артема сегодня, как и вчера, видели пьяным, одетым неряшливо, с бутылкой водки в руке. Шел домой один, шатаясь, и лицо у него было нехорошим, опухшим, но с бабушками на лавочке он вежливо поздоровался. А Лизавета из соседней парадной его видела возле магазина, прозванного в народе «разливайка», где он с компанией таких же опустившихся пьяниц пытался продать всем без разбора прохожим мобильный телефон. «Наверное, краденый», — добавила, понизив голос.

Алла немного успокоилась: жив — и ладно. Захочет погибнуть и скатиться в пропасть — скатертью дорога, пусть гибнет, не будет она вмешиваться в жизнь взрослого, самостоятельного человека, ломать его судьбу, пусть проживет так, как ему отпущено.

Послышался скрип калитки и шаги.

— Наконец-то! — воскликнула Алла, увидев Наташу, бредущую по дорожке от калитки к дому, и тут же одернула себя, поменяв выражение лица на строгое и холодное. — Что у вас за работа такая, чуть не до ночи.

Наташа села на скамью под березой, опустив руки, загорелые пальцы теребили маленький букет васильков. Ее лицо, благородное, с тонкими чертами, поникло, стало некрасивым и простым.

— Работа обычная, колхозная, — сказала она без выражения, но Алле почудились в ее тоне ноты иронии и сарказма. Зря она доверяет этой кроткой овечке, возможно, не так она проста, как кажется.

— Две новости принесла. Одна хуже другой. Да-аже не знаю, с какой начинать.

Наташа взглянула на Аллу устало и безнадежно, словно приговоренный, решивший отказаться от последнего слова. Уголки ее губ опустились, и она стала похожа на бабу Настю.

Алла хотела крикнуть: «Не надо! Не грузите меня. Пожалейте меня! Не отвращайте мой сказочный день, первый спокойный и безмятежный день за долгое время!» — потом хотела съязвить: «Какие неприятные новости могут ждать меня в этом захолустье, где я без году три дня? Разве что свекровь воскресла и отозвала свое завещание?» — а потому, прислонившись спиной к березе, смело ответила:

— Все равно.

— Начну с той, что касается нас. Тебе понравился Аркадий?

— Не знаю. Я давно не воспринимаю мужчин как объект личного интереса. Пресытилась их пороками и бестолковостью. Они меня не интересуют, не верю их клятвам, их порядочность мне кажется фальшивой. Но при чем здесь Аркадий? — только потерянный вид Наташи не позволил ей прервать бессмысленный разговор.

— В Аркадия невозможно не влюбиться. Он исключительный.

Алла насторожилась и усмехнулась: неужели она приревновала к ней своего Аркадия, этого «охотника» местного разлива? Эта мысль могла бы льстить ее тщеславию, если б не была глупой и нелепой до чрезвычайности.

— В чем же исключение?

— Он умный. У него золотые руки! Он кра-сивый и сексуа-альный, у него масса достоинств, и чем больше я его узнаю, тем больше люблю.

— Слишком идеальный образ... не верю... Неужели нет недостатков?

— Есть, целых два. Он женат — раз. И он очень преданный — два.

— Женаат? С этого бы и начинала! — Алле почему-то захотелось танцевать, и она, резко оттолкнувшись, выписала на пятке круг, от чего ее крепделиновое платье завихрилось и нежной, шелковистой прохладой прошлось по коленям. — Никогда не понимала женщин, влюбленных в насквозь пропахших домашними щами и интимными выделениями жены мужиков. Только преданность здесь при чем?

— Не спеша. Мы все обдумали и решили, что он разведется, мы женимся. И дом уже присмотрели, на холме, и цена ад-декватная, как вдруг...

— Всегда рано или поздно со всеми случается это «как вдруг»...

— Не перебивай, иначе нить потеряю. Так вот, он поговорил с женой, строго, категорично, и она не придумала ничего лучшего, как за-або-леть и свалиться в постель. Да, мне тоже казалось, что она притворяется. А вчера он заявление на развод подал, и ее тут же разбил паралич. Лежит б-бездвижной колодой, руки-ноги как плети, и даже нужду справляет под себя. Все очень серьезно. Сегодня Аркадий ее в больницу увез на своей машине. Ну и, похоже, к-конец пришел нашим отношениям. Не бросит он больную жену. Сказал, нужно подождать...

— Так и не поняла я, что в этой новости такого ужасного?

— Как ты не понимаешь. У меня был шанс вместе с Зиной обрести семью, переехать в новый дом, стать полноправной хозяйкой, а сейчас этот шанс равен нулю.

— Вот глупая, радоваться надо, что свободной осталась. Что вам мешает встречаться по-прежнему, на стороне? И разве вам с Зиной здесь плохо? Кто вас гонит? Живите на здоровье! — Алла пожалала плечами и спряталась за березу. Ей казалось, ее речь звучит не слишком убедительно: она — человек настроения, сейчас ее все устраивает, но она не может знать, что ей придет в голову не только наутро, но даже через пять минут.

Наташа мечтательно закрыла глаза:

— Быть рядом — это такое счастье, это наполненность, яркие краски, такая ясность во всем. Как страшно это терять и оставаться в пустоте. Мне уже сорок. Последний шанс на счастье, на собственный дом.

— Вот дурында! Книжек начиталась, сериалов насмотрелась! Это романисты тебя ввели в заблуждение, писатели, сценаристы и режиссеры! Это они уравнивают счастье с супружеством, обманывая и направляя по ложному пути восторженных читательниц и зрительниц. «Они прожили вместе всю жизнь и умерли в один день». А почему не написать честно: главный герой, намучившись от любви за свою долгую жизнь, истрепав в клочья и нервы, и душу, изранив сердце, в кровь истоптав ноги в погоне за миражами, устав стелиться, подстраиваться и оправдываться, наконец помудрел, поумнел, освободился от иллюзий и навязанных оков и пошел по жизни счастливо, легко и припеваючи?!

Если причина только в желании иметь свой дом, то можешь не волноваться. Разве я тебя гоню? И с чего ты взяла, что я здесь надолго? — Алла прижалась щекой к прохладной и влажной, шероховатой коре.

— Ну как же. Ты сама позавчера все рассказала. И про пьющего сына, и про то, что останешься здесь до тех пор, пока ситуация в городе не разрешится, и если понравится — то навсегда. Разве я не понимаю, что мы с Зиной будем лишними? Кто мы здесь? Жалкие приживалки!

— Помню, выпила лишнего. Возможно, наговорила чего, расскажи без утайки.

Алла насторожилась, приготовившись услышать неліцеприятный рассказ о ее коротком, но буйном помешательстве.

— Ничего лишнего, плохого. Только про сына, что, пока ситуация не разрешится... И еще страшные слова произнесла в сердцах, считай, что я их не слышала...

— Страшные слова? — Алла удивленно подняла брови, села рядом и стала старательно расправлять невесомые складки реликтового платья.

— О сыне своем. Что сейчас ты ждешь, либо он бросит пить, либо ему пора... не могу выговорить. Не дай Бог. Мое мнение: нельзя так, Алла, нельзя.

Наташа все сидела и все теребила васильки, и вид ее, покорный и смиренный, вызывал в Алле неприязнь и раздражение. Она-то надеялась, что вечером будет делиться восторгами о долгом солнечном дне, о безбрежной панораме за рекой, о спорном романе из старого журнала. «Если уж известна моя причина бегства из города, могла бы сказать несколько слов поддержки. Нет бы утешить, порадоваться за ее смелое решение предоставить взрослого нерадивого сына воле Божией. Но недалекая Наташа мыслит штампами и настроена читать нравоучения. Все же скучная она, неживая вместе со своей нелепой женатой любовью».

— Да не крехай ты, называй вещи своими именами. Почему мы привыкли все юлить и уходить от прямых вопросов и честных ответов. Вот когда каждый научится говорить правду, даже самую отвратную — во всеулышанье, выставя напоказ все уловки и заблуждения, — жизнь наша, пропитанная враньем, фальшивой жалостью, изменится. Отторгаемые человечеством ложь и уродство раз-

бухнут до размеров вселенского гнойника, затем пойдет прорыв, очистятся авгиевы конюшни, и всё — и мы, и мир вокруг нас — преобразится, станет светлее, чище, лучше. Я не приемлю уродства в виде сына-алкоголика, не уважающего свою мать, разрушающего свою и ее жизнь, отторгаю, считаю, что такой особи нет места на красивой, зеленой и голубой планете, и не стесняюсь об этом говорить.

— Что же, убивать их теперь прика-ажешь?

— Не убивать, но и не тащить на себе, надрываясь от неподъемного груза. Не пытаться насильно сделать их счастливыми на свой лад. Что за традиция у русского народа — жалеть пьяниц вопреки здравому смыслу. Была в царской России княжна императорских кровей Наталья Палей, аристократка, умница и писаная красавица. После революции, как и все ее близкие, уехала в Париж, работала моделью. И вот вторым ее мужем был успешный режиссер, но запойный пьяница. Несчастливая жена боролась за него как могла, все силы на это бросила, но умер ее алкаш от цирроза печени, а она впала в депрессию и похоронила себя заживо на долгих двадцать лет, уйдя в затворничество, а потом с собой покончила. Вот вам и загадочная русская душа. Этого мне желаешь?

— Бедняжка. Какая стра-ашная участь.

— Хочешь, скажу тебе честно и прямо?

— Не очень, но говори.

— Про твой страх остаться в пустоте. А откуда пустота? От неразвитости, от неуверенности в себе, от внутренней убогости, от того, что сама себе неинтересна. От того, что творишь кумира на пустом месте! Боже, как бедна наша жизнь на сценарии! И чего вам не живется? Почему вы отвергаете свободу? Тебе забот мало? Займись своей Зиной, наконец, помоги ей стать хоть немного счастливее.

— Господи, и т-так все для нее! Чего еще-то надо?

— Много чего надо, и ты это сама знаешь, — Алла хотела высказать свои подозрения, но прикусила язык. Пусть сами разбираются в своих женских проблемах, не ее это дело.

— Мне теперь влюбиться нельзя? Я много не прошу, ма-аленький кусочек счастья на исходе жизни, рядом с родным человеком.

Алла нервно забарабанила ладонью по скамье:

— Покажи мне хотя бы одну взрослую даму, которая, будучи влюбленной, не рассуждала бы так же, как ты, и которую рано или поздно не ожидало бы разочарование. Видела ли ты теток с потухшим и злобным, ненавидящим взглядом? Они везде! В магазинах, на улицах, в транспорте. За плечами у них несколько жизней, из которых по меньшей мере одна уже закончилась смертью. Думаешь, не искали они счастье? Не шили себе сногшибательных платьев, не носили высоченных шпилек, от которых ноги к вечеру как гири пудовые? Думаешь, у них не начиналось все так же красиво? Ты жизни не знаешь, сидишь в этой глуши и витаешь в облаках.

— Но любить, быть друг другу защитой, отрадой в этом трудном, сером и безрадостном мире — это же та-ак просто! И как тяжело разочаровываться! Я уже ткань на свадебное платье присмотрела, фасон придумала в русском стиле, и вдруг...

Алла резко встала:

— Пустяковая твоя новость. Подумаешь, Аркадию придется свою клушу с ложки кормить да горшки из-под нее таскать. Посмотри на себя, да ты любого покоришь. Зачем тебе мужик проблемный. Кроме его развалины-жены, наверняка и дети у него есть, «тятя, тятя дай есть, дай пить, водки дай, денег дай, дай, дай...».

— Ага, трое у него.

— Все. Мне надоело выслушивать всякие глупости. Если вторая новость вроде этой — можешь не рассказывать. Где накрывать, на кухне или в саду? — хлопнула ладонью по стволу березы, словно поставила точку.

— Да я сейчас, я сама. — Наташа уголком носового платка вытерла веки, поморгала и постаралась улыбнуться. Растянула губы — и только. — Давай в саду, пока стоит хорошая погода, насидимся еще в избе.

Хлопнула калитка. Пришли сразу и Зина, и баба Настя. Баба Настя несла в руках банку компота из ревеня с яблоками. Зина — надкусанный батон. Снова зажгли свечи. Доедали вчерашнее. Зина ела торопливо, с тем же недовольным видом мученицы.

Таша с лицом задумчивым и обреченным разливала наливку. Алла смотрела на нее с усмешкой, как на несчастного ребенка, страдающего от нехватки большой семьи, кошек, собак, шума, беспорядка и веселых игрищ, от невозможности валяться в грязных лужах, и которого по этой причине не радуют ни дорогие игрушки, ни пирожные, ни элитная школа. И даже бескрайний простор за окном с мягкой травой и речка с золотым пляжем оставляют его равнодушным.

— Похоже, кончилось ведро, дождь будет, — заключила баба Настя, глядя на сгущающиеся тучи. — Как мужики-то в потемках в лесу, че они там найдут.

— Какие мужики? — поинтересовалась Алла.

— Это вторая печальная новость, — вставила Наташа, она почти ничего не ела и только беспрерывно тянула наливку. — В Бездельно бабка с внучкой в лесу пропали. Вчера днем ушли по грибы и до сих пор не вертались.

Аллу обожгло.

— Степановна?

— Степановна. А ты почему знаешь?

— Видела их возле автолавки. Жалкие они обе, жалкие и, видно по всему, очень бедные. Зачем же старуха ребенка в лес потащила? Как же они в лесу ночевали? Холодно же, темно, страшно.

— Да они привыкшие по лесу-то бродить, никогда такого не было, чтоб заплутали. Может, случилось чего, может волк или кабан встретился. Всякое может быть в лесу-то, — баба Настя вещала с мудрым спокойствием.

— Кто их туда потащил-то, грибов, поди-ка, еще нет, — Зина с наслаждением пила второй стакан компота.

— Грибы пошли. Охотники, бают, ноне хвастались целой корзиной лисичек.

— Боже мой! Надо что-то делать?! Нельзя же так сидеть! — Алла вскочила и, нервно теребя цветастую шаль, заходила вокруг стола.

— Так двое наших пошли, отец Иов с трудником и с ними мужик из Бездельни.

— Вертолет нужен. Если к утру их не найдут, нужно в Егоровск ехать, вертолет просить.

— Да кто тебе его даст, вертолет-то?

— Не дадут, значит, солдат нужно привлечь. Есть поблизости воинские части? Не могли же старая женщина и маленький ребенок далеко уйти. Наверняка где-то рядом плутают.

Наташа покачала головой.

— Ой, я уже жалею, что мы тебе ра-ассказали. Не пропадут они, отыщутся, а вот ты, того и гляди, сердце надорвешь. Зина, принеси из а-аптечки корвалол.

— Ах ты, любушка наша, сердце золотое. Не переживай, отыщутся! Степановна с Акулинушкой бывалые, они в лесу свои, все муравейники, все тропинки знают.

Зина отложила вилку в сторону, опустошила очередной стакан с компотом, но со стула так и не поднялась.

— Чудеса! — возмущенно всплеснула руками Алла. — Отец Иов с фонарем по лесу рыщет. Не смешно ли. Его место в церкви, молиться. Попросил бы боженку, он бы и вывел из леса и старую, и малую.

— Уж бабушка-то наш Иов молится. Может, ему сам Господь указал, в каком месте пропавших искать нужно, вот он и пошел.

— Не могу представить старую бабушку и ребенка одних ночью в лесу. За что же на них боженька прогневался, на тихих овечек кротких, на тварей смиренных, безропотных?!

— Судьба не разбирает, настагает и смиренных, и строптивых, кто под руку попадет. Почему? Никто не знает. Промысел Божий никому неведом. «Сия тайна велика есть». Вот был у нас в детдоме мальчик один, — баба Настя то ли от холода, то ли от неприятных воспоминаний съезжилась и стала тереть ладонями плечи.

Таша пулей сорвалась в дом и мигом вернулась с меховой жилеткой и флаконом корвалола. Жилетку надела на плечи старушки. Корвалол накапала для Аллы.

— Рассказывай, баба Настя, что там у вас в детдоме случилось.

— Вот, говорю, был у нас в младшей группе мальчик один, Мишей звали. Года три или четыре ему было. Самый тихий ребенок из всех детей, что мне довелось видеть, самый послушный, всегда он старался быть незаметным, всегда молчал и сидел в уголке, лишь бы его не трогали. Очень он воспитателей боялся. А время тяжелое, голодное, послевоенное. Воспитателей и нянечек не хватало, которые сутками без выходных работали. Лютовали, не без этого, детей били, голодом морили. А однажды устроили для младших баню. Поставили цинковые ванны с водой на плиту кухонную, что дровами топилась, и давай детей купать. Они кричат, сердешные, а их купают, а выносят красных, распаренных. Стали Мишу раздевать, он в крик! Вырывается, не кричит уже, а хрипит. Отшлепали его и все равно на печь в ванную затащили. Вскоре он и умолк. Унесли его, и что с ним было дальше — этого мне неведомо.

— Да-а... — протянула Алла. — Прожить тихо и незаметно не получится, как ни старайся — не спрячешься. Жизнь тебя вытащит из тени и засунет в кипящую ванну, куда кидает и тихонь, и самых строптивых бунтовщиков.

Она встала, молча взяла хрустальный, искрящийся графинчик, выпила залпом половину, закашлялась, отдышалась и пошла в дом наверх, в свою каморку. Ей снова захотелось крикнуть «Уехать, сбежать, отстраниться!» Но вокруг была ночь. Темная, ветреная, облачная ночь без единой звезды.

7

Утро было холодным, пасмурным, ветреным. Тяжелые облака висели над самой крышей и, цепляясь за верхушки елей, прозрачными клочьями опускались на землю. Алла проснулась с петухами, но покидать теплую перину не хотелось. Неотложных дел у нее не было, потому лежала расслабленно, углубившись в размышления. Она слышала, как, скрипя половицами, зашаркала баба Настя — пошла к себе доить коз и кормить кур. И когда она, шепча молитвы, выходила из горницы и осторожно, чтоб никого не разбудить, прикрывала дверь, слышался протяжный двойной стон, одновременно тонкий и басовитый. Как Наташа принесла дров и занялась печью. Потом Зина, топя как слон, вынесла ночное ведро, и, когда выходила, а потом возвращалась — дверь вопила иначе, коротко и отчаянно: «ужжассззз». Дом пел расстроенной скрипкой в руках ребенка, как попало елозившего смычком.

Все это раздражало, отвлекало Аллу от философских размышлений. Ей приходилось думать о том, что надо бы смазать дверные петли, перестелить полы, покрасить рамы и ставни, и пора, наконец, все свои открытия отпечатать на бу-

маге. А озаглавить записки так: «Злой рок — как неизбежность, не зависящая от человеческого разума».

Еще вчера перед сном она была уверена, что вскочит чуть свет и отправится на поиски пропавших грибников, а сейчас, в двенадцатом часу дня, она все еще валялась, размышляя над жизненными коллизиями. «Ну, пропали, ну, заблудились. Значит, так надо providению, и если люди не смогли вовремя отговорить бабку от опасного похода в лес и помешать несчастным заблудиться, то смогут ли те же люди помешать заблудившимся погибнуть?»

Разве в этой жизни что-нибудь зависит от нас? Дата рождения, пол, место рождения, здоровье, внешность, национальность, таланты и пороки, болезни, дата ухода — в нашей ли власти изменить или отменить все эти обстоятельства? И само появление на свет человека земного разве зависит от желания или нежелания его родителей и его самого? Мы ли выбираем родителей, мы ли выбираем предмет обожания, можем ли влюбиться по собственному желанию и усилием воли разлюбить в одночасье? Что имеем в остатке? Ни-че-го». Вспомнились стихи:

*Прости меня! Не хотела!
Вопль испортого нутра!
Так смертники ждут расстрела
В четвертом часу утра*

*За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас...*

«Ведь шахматные же пешки! И кто-то играет в нас...» — мудрой дамой была Цветаева, жаль, не спасла ее мудрость от жизненных неурядиц.

Не вставая с постели, позвонила Таше.

— Про грибников что слышно? Нашлись?

— Нет, вернее, не знаю. Слухи разные, но вроде двое из соседних Ключей сегодня отправились на поиски. Да не переживай ты так. У нас каждый год кто-нибудь теряется, но никто не погиб, все рано или поздно находились.

Алла швырнула трубку. Встала, начала одеваться. Пасмурно за окном. Достала из сумки черные джинсы и тонкий свитерок. Вышла в сад, там мокро, промозгло, темно, не то утро, не то вечер. Холодно! Береза у крыльца жалостно протягивает ветки, жалуясь на несносный ветер, безжалостно оборвавший ажурные листья и мелкие ветки.

Пришлось вернуться в дом. Сняла с вешалки на веранде теплые спортивные штаны, толстой вязки кофту, переделась, утеплилась и пошла за калитку. Ее Логушонок дремал без дела весь в мокрой испарине. Улица, покрытая влажной травой, как ковром, была пуста. Алла направилась к дому Настасьи Ивановны. Нашла ее в саду с граблями.

— Дочка моя пожаловала. Проходи, милая, как же я тебе рада. Редко кто бабу Настю навещает. Давай, чайку согрею, не хочешь ли молочка козьего, ах ты господи... — и, бросив грабли, поспешила к умывальнику.

— Не хлопчите, Настасья Ивановна. Я спросить хочу, нашлись пропавшие?

— Утром выходила, когда овец в стадо гнали, дак увидела Семеновну, думала, она чего доброго кажет. Говорит, отец Иов вернулся утром ни с чем. Ах ты, детонька, сердце ты мое, беспокойное. Ищут их, не переживай. Бог даст, найдутся.

— Не найдут их, Настасья Ивановна, не найдут.

Алла вернулась домой. Потом, неожиданно для себя села в машину и поехала в Егоровск.

Дорога в двадцать километров не ремонтировалась со времен царя Гороха: ухабы, глубокие расщелины в растрескавшемся асфальте не позволяли разогнаться, потому весь путь занял около часа. Еще полчаса она колесила по безликим, окраинным улицам с панельными пятиэтажками, как попало разбросанными по холмам и низинам. Никто не мог ей внятно объяснить, где находится отделение милиции.

— Вам нужно туда, видите две высотки? Напротив них — милиция.

Алла ехала в сторону двух девятиэтажных зданий, других высоток в городе не было, и видела напротив них пустырь, заросший буреломом, и заброшенную железнодорожную колею.

— Милиция находится рядом с судом. Езжайте по этой улице, на втором светофоре поверните влево, дальше до гастронома. Рядом с магазином найдете и суд и милицию.

Она ехала, строго следуя указаниям. Но, кроме гастронома и прилепившегося к нему ларька со спиртным, не нашла ничего. Народ удивленно поднимал брови, суда они здесь отродясь не видели. Тем более милиции.

Она продолжала расспрашивать всех встречных. И все колесила, и колесила, порой по тем же закуткам, которые изучила до мелочей, до каждой кочки, до каждого провала в асфальте.

Отделение полиции нашлось на улице, ведущей к городскому центру, в старом двухэтажном купеческом доме с высокими окнами в обрамлении ангелочков и завитушек. Входная дверь, железная, ржавая, некрашенная, была закрыта. Алла попробовала нажать на звонок, но кнопка, засевшая слишком глубоко, не нажималась и, судя по всему, была сломана. Потоптавшись с минуту на месте, отчаянно и бесполезно подавив на безжизненную кнопку, Алла начала стучать в дверь ладошкой. Сначала слегка, потом сильнее, потом начала отчаянно барабанить ногами, носками дорогих кроссовок. Потом повернулась к двери спиной и продолжила стучать всей ступней, все слабее и слабее. «Бесполезно, — упавшим голосом сказала сама себе, — никого нет». Но только собралась пойти прочь, как изнутри послышался тяжелый топот, казалось, разъяренное стадо бегемотов ринулось из заточения на волю. Дверь распахнулась, из нее повалил народ, сплошь крепкие мужики в форме, с дубинками и автоматами. Они кинулись к стоящим во дворе полицейским ауди и джипам.

— Стойте, стойте! — отчаянно закричала Алла, но собственный крик ей показался комариным писком, а она сама — крохотной, слабой мошкой среди сильных и всемогущих исполинов. Машины одна за другой покинули двор, оставив клубы пыли и синего вонючего газа. Упитанный, щекастый полицейский, поднявшись на крыльцо, хотел захлопнуть дверь, но Алла опередила его, со скоростью молнии оказавшись у двери и просунув ногу в проем.

— Вы чем здесь занимаетесь? Почему от народа отгородились?

Удивленный полицейский навис над ней вялой, дряблой тушей, но пускать внутрь не спешил.

— У нас совещание кончилось. И почему я должен вам это объяснять?

— Какое еще совещание в рабочее время?

— Очень серьезное, государственное.

Слабая надежда мелькнула как солнечный зайчик пасмурным днем.

— На тему поиска пропавших грибников?

— Каких еще грибников? У нас переаттестация, да еще смена формы, да сокращение, впрочем, вас это не касается.

— Пустите, мне нужно заявление о пропаже людей написать.

— Вы кто им будете? Сколько времени прошло?

— Какая разница? Никто! Они позавчера ушли в лес, и до сих пор их нет.

— Принять заявление не можем, должно пройти трое суток. Завтра приходите.

— Сегодня третий день! Пропал маленький ребенок и... — Алла хотела сказать

«старушка», но из страха, что старушкой непробиваемого полицейского не разжалобить, она неуверенно пролепетала:

— Ребенок, девочка четырех лет, и женщина. Начинать поиски нужно срочно, каждая минута дорога.

— Девочка в сопровождении взрослых — это не повод объявлять розыск. Трое суток по закону, ждите. Впрочем, можете обратиться к участковому. Какая деревня? Бездельно? Ваш участковый на выезде, когда появится, попробуйте, поговорите с ним.

— Но когда же он приедет?

— Не знаю, может до вечера не появится, деревень у него — всех не объехать. Хотите — дам его телефон.

— Не нужен участковый! Дайте человек пять из тех, что разъехались, помогите с поисковым вертолетом, сделайте хоть что-нибудь!

— Дамочка, вы книжек читались, фильмов насмотрелись, поезжайте домой. Вертолет она захотела! Вы хоть знаете, сколько это будет стоить? Вернутся ваши грибники, никуда не денутся. Наверное, в соседней деревне гостят, зря вы панику поднимаете.

— Я все поняла! Поняла! Вы — обычные бездельники, дармоеды! Раскормленные народом бездельники!

Она хотела еще крикнуть в лицо полицейскому много обидных, резких, бьющих, как пощечины, слов, но в этот момент почувствовала, как ее мягко, совсем легонько оттолкнули, и она, от неожиданности потеряв равновесие, полетела. Бог знает, чем бы кончился ее полет, не успей она ухватиться за перила. Перила амортизировали падение, но все же она успела больно удариться о ступени бедром, а еще левым локтем.

«Боже, какое унижение!» Не снится ли ей сон? Она сидела на крыльце, тяжело дыша и боясь подняться из-за пронзительной боли. «Как он смеет! Он играет против всех правил!» Но вдруг она ясно увидела со стороны другую, более ужасную картину: как ее, хрупкую, строптивую и уверенную в себе круглую отличницу, схватили за шиворот и изумленную, пытающуюся слабо сопротивляться безжалостно проволокли по всей жизни и опустошенно-выпотрошенную, свободную от иллюзий выбросили накануне старости в тихом уголке под названием село Русское.

— Ушиблись? Давайте помогу.

Полицейский протянул руку.

— Не прикасайся! Пошел вон, козел! — взвизгнула, изобразив на лице брезгливость. От грязных ругательств не стало легче, наоборот, тяжело накатило в груди и тут же прорвалось произвольными рыданиями, похожими на истеричный хохот. Дверь захлопнулась, и все стихло.

Алла снова колесила по городку, увешанному бесполезными офисными вывесками, и никак не могла придумать, куда ей обратиться. Притормозила возле остановки и, не выходя из машины, обратилась сразу ко всем, ожидающим автобуса:

— Скажите, как проехать к ближайшей воинской части?

В ответ с недоумением качали головами, пожимали плечами, и только один пьяненький мужичонка все пытался объяснить, что нужно выехать из Егоровска и на двадцать седьмом километре, на развилке повернуть направо, потом проехать еще немного по лесной дороге...

— Увидишь длинный железный забор — то и будет воинская часть.

— И вовсе не направо, а налево. И не воинская это часть, а уголовная зона, тюрьма, попросту говоря, — вступил в разговор молодой, коротко стриженный парень.

— Не может быть! Воинская часть там!

— Нет, тюрьма!

— А что же будет направо?

— Монастырь будет.

Аллу не интересовала ни зона, ни монастырь, и она покинула спорщиков.

Зачем-то остановилась возле «Евросети». Возможно, будь у старушки мобильник, ее смогли бы найти по сигналу, идущему от сотовой связи. Зашла в павильон, полюбовалась сверкающими бескнопочными новинками, повертела в руках планшет, накупила аккумуляторных батареек для фотокамеры, закинула на свой мобильный счет пятьсот рублей, а на Наташин двести, и снова села в машину. Зачем все эти гаджеты, мобильники, спутниковые антенны, зачем космические корабли, если от них нет никакой пользы? Недавно все СМИ шумели о пропаже малайзийского Боинга с пассажирами и, недолго пошумев, замолчали. А самолет так и не нашелся. И никто не мог сказать — утонул ли он в океане, затерялся ли в непроходимых бразильских джунглях и болотах, рассыпался ли в воздухе на мелкие обломки при взрыве или сопровождаемый инопланетянами телепортировался в параллельный мир. Бессмысленны и бесполезны эти новомодные игрушки: айфоны, айпады и планшеты. Вот она сама уже несколько дней живет без интернета и даже без телевизора — и обходится, а если честно, она в них не нуждается. А все главные новости она видит непосредственно вокруг себя: розы набухли, флоксы фиолетовыми шапками зацвели вдоль забора, в Бездельно грибки пропали, а еще малина поспела, а Васильевна гусей завела, и они целый день шляются где хотят и щиплют прохожих за пятки...

Дома в саду за столом ее ждали Наташа, баба Настя и даже Зина. По их безрадостным и словно виноватым физиономиям Алла поняла, что добрых новостей она не услышит.

— Детонька наша, где же ты, золотое сердце, душа беспокойная пропадешь допоздна? Садись, накормим тебя горяченьким.

— В Егоровск ездила, в милицию.

— Ах ты, милая, и не сидится тебе, и не отдыхается.

А Наташа уже несла на подносе дымящийся глиняный горшочек и тарелки с салатами.

— Наташа, возьми там пакеты с продуктами.

Алле не хотелось расспросов, потому она коротко поведала, как в отделение полиции ее не пустили, просили подождать, пока кончится важное государственное совещание, а потом объяснили, что нести заявление о пропаже можно только завтра.

— Бессмысленно к ним обращаться, — закончила Алла свой рассказ. — А воинской части поблизости нет, а про МЧС никто слыхом не слыхивал. Вертолеты на аэродроме, но стоят пятьдесят тысяч в час. Просить помощи не у кого. Придется своими силами искать.

Домашние тоже поделились последними слухами. Выяснилось, что накануне Степановна жаловалась («жалилась») на сердце и что «ноги у ей отекают». Потому возник вариант, что в лесу ей сделалось плохо и она отлеживалась, а потом пошла не в ту сторону и заплутала. Еще было предположение, будто они могли уехать в Егоровск к Акулюшкиной бабушке по отцу и там заночевать. Но уже выяснилось,

что по указанному адресу они не появлялись. Что в настоящее время возвращаются волонтеры из Ключей, но ни с чем. Лес-де сплошной буреломом, сильно наломались, устали, еле ноги тащат.

— Очень странно, что маленькую девочку воспитывает такая пожилая женщина, — сказала Алла задумчиво

— Какое там воспитание! — махнула рукой Наташа. — Накормить и одеть — вот и все воспитание. Говорят, когда Степановна из дома уходила, она маленькую Акулюшку за ножку к столу привязывала и миску с кашей на полу оставляла. А мать у Акулюшки умерла от мужниных побоев, а отец в тюрьме сгинул.

Алла задумчиво, но уверенно добавила:

— Все беды от пьянки!

8

В саду сидели до полуночи, пока окончательно не замерзли. Начало мелко моросить, и все вернулись в протопленную избу, где постукивали ходики, скрипели половицы и настольная лампа с зеленым абажуром слабо освещала передний угол. От включенного телевизора, перед которым сидела насупленная Зина, по горнице метались мерцающие тени. На экране шли баталии: взрывы, стрельба, звериный рев раненых солдат, кровавое месиво человеческих тел показывалось в подробностях, крупным планом.

— Зиночка, что ты смотришь, неужели тебе интересна Сталинградская битва?

— Это не Сталинградская битва.

— А что?

Зина не ответила.

Алла поднялась к себе, скинула неизвестно чью толстой вязки кофту и, не раздеваясь, легла в постель. Ей хотелось забыться, вычеркнуть из памяти сегодняшний день, наполненный унижением, бестолковостью и глупостью посторонних людей, с которыми ее столкнули обстоятельства.

«Какие дремучие, бетонно-непробиваемые, безмозглые существа?! К черту, к черту всех и вся, зачем мне все это нужно? Зачем эти оскорбления, просьбы, это бессмысленное копошение? И ведь, кажется, поняла, что против неизбежности не попрешь. Мало мне своих проблем? Мало я пережила потрясений? Смерть мужа, родителей, новорожденной дочки. А еще работа на износ, битва за бизнес с рэкетом, рейдерами, налоговой, конкурентами, лживыми, вороватыми мастерами и с чертом в ступе — разве не выпотрошили, не опустошили меня вконец?»

Но самое изощренное потрясение — алкогольную напасть ее сына — судьба поберегла для нее на исходе жизни. И всегда за всех она боролась как могла, выкладывалась физически, морально и материально, но все равно из всех битв она выходила проигравшей стороной. Вот она, Большая Сталинградская битва, ежедневная, непрекращающаяся. Ее ранили, изрешетили в этой битве и мелким, и крупным калибром, а потом положили на носилки и вынесли с поля боя, оставив в тихом месте, среди лесов, полей и березовых рощ. Теперь ей остается смотреть на бушующий, стонущий и хохочущий мир отстраненно, из окна. И теперь она имеет полное право на бесчувствие и душевную анестезию. Что же ей все нейдет?

Алла долго не могла успокоиться, но теплое одеяло, тишина и несколько капель корвалола помогли погрузиться в сладкую дремоту, или поверхностный сон, как забарабанивший по крыше дождь заставил ее вздрогнуть и открыть глаза. Глухо прокатились по небу первые, осторожные раскаты грома. Оконная форточка распахнулась и захлопала резко и неритмично, как хлопает митральный клапан

нездорового сердца. Вставать из теплой постели не хотелось, и она продолжала лежать под звуки форточной аритмии.

За дверью скрипнули ступени. Кто-то поднимался по лестнице. Алла замерла.

— Аллочка, ты спишь?

— Нет.

Алла протянула руку и включила маленький светильник над изголовьем.

Наташа, плотно закутанная в вязаную, вытертую временем шаль, была похожа на испуганного серого мышонка.

— Не могу уснуть. Когда гроза за окном, никогда не могу уснуть.

— Дать корвалол?

— Уже выпила. Аллочка, как пережить этот трудный период? Как выйти из него с достоинством и без потерь?

— Ты про Аркадия?

— И про него тоже. Это же просто наваждение какое-то, изматывающая болезнь, так бы вскочила и босиком, ночью, в грозу помчалась к нему со всех ног. Еле сдерживаю себя.

В ответ на ее отчаяние по небу снова разлились негромкие, как звук далекого поезда, раскаты грома.

— Не надо никуда мчаться, лучше забирайся на перину.

Они уселись рядом, поджав по себя ноги, спинами прижались к стене с плюшевым, в оленях, ковром и стали похожи на двух нахохлившихся воробьев.

— Мне ли тебя не понять. Любовь — это сильный наркотик. Одарит дозой минутного неземного блаженства, и считай, что ты зависим. И мучаешься, и страдаешь в ожидании новой дозы. А если у вас не ладится — испытываешь ломку. А еще любовь — это пытка. Меня много пытали и так и сяк, начиная с юности. Самой жестокой была пытка последней любовью. Любить сознательно, будучи опытной, зрелой, любить разумно, да еще безответно, зная о любви все — нет страшнее, безнадежнее и мучительнее чувства. Словно ты еще весела и здорова и как будто благополучна, ты еще пытаешься делать вид и даже улыбаешься, и еще трепыхаешься, но твой безнадежный диагноз тебе известен со всем ужасом безотвратности и невозможности ничего изменить, и твой приговор-диагноз — последняя безнадежная, никому не нужная, бессмысленная любовь. Когда все прошло — меня как будто сняли с креста. Потому внутри у меня не выжженная степь — но голая, безжизненная пустыня, и сейчас я на мужчин смотрю, как на нашего Мурзика или на соседского Полкана. Пусть себе бегают.

Алла усмехнулась и, вспомнив далекую, городскую жизнь, которая сегодня ей казалась чужой, продолжила:

— Этой весной повадился к нам в салон ходить один, с виду порядочный и даже как будто интеллигентный. Я его не привечаю, но и не отталкиваю, а он придет с цветами, сядет напротив моего кабинета, все ждет, когда я выйду, чтоб сказать что-нить вроде: «Алла Романовна, я приглашаю вас на выставку Рериха». А однажды он сидит, а я за ним тихонько в дверную щель наблюдаю. Вижу, навалился к стене, как мы сейчас, и качает ножкой. А ножка маленькая, тридцать восьмого размера, не больше. Посмотрела я на эту ножку и так мне тоскливо стало... Попросила больше не приходите.

— Ты сильная, Алла, всему объяснение ищешь, во всем до самой сути доходишь, скажи, как узнать-определить, любит он меня или потешается? Вот мы уже о свадьбе думали, а мне все не верилось в это счастье. Наверное, п-потому и сорвалось, что не уверовала.

Алла, не скидывая одеяла, потянулась к столику возле окна. Взяла тонкую книгу, рубаи Омара Хайяма, которую иногда читала перед сном, полистала, про-

бормотала задумчиво: «По поцелуям можно понять, по поцелуям», — и протянула книгу Наташе.

— Возьми, погадай на Аркадия. Открой на случайной странице.

Наташа закрыла глаза и, пролистнув несколько страниц, ткнула тонким пальцем. Потом пробежала глазами открывшийся текст, лицо ее побелело:

*— В наш подлый в-век неверен друг любой.
Держись подальше от толпы людской.
Тот, на кого т-ты в жизни положился, —
Всмотрись-ка лучше, — враг перед тобой.*

Она растерянно заморгала, а потом отбросила книгу на стол и даже ладонь о ладонь отряхнула, словно испачкала руки в пыли.

— Нет, я не верю в гадание — оно от бесов. Хотя, конечно, за что меня любить, простую, немолодую бабу деревенскую, ни кола, ни двора, только дочь, и та, скорее всего, останется при мне, кто ее такую н-некрасивую з-замуж возьмет?

— Любят не за красоту. Влюбленному глаза застит, и он любит тебя всю, даже твои недостатки. А если нет ни достоинств, ни недостатков, он их придумывает и тоже любит. Читала о Пастернаке? Однажды утонченный и одухотворенный поэт влюбился в Зинаиду Нейгауз, вечно стирающую, чистящую, готовящую, убирающую — жену и домработницу (в одном лице) известного пианиста. Говорят, она покорила поэта виртуозным мытьем полов, потому как других достоинств у нее не было. И долгое время служила ему музыкой.

— Любит не любит, друг или враг, — какая разница. Теперь для меня главное, как справиться, как вылечиться от зависимости? Если есть зависимость, должно же быть и лекарство!

— Ты слышала выражение «Слово изреченное есть ложь»? Пользуйся! Это и есть лекарство!

Раскаты грома снова повторились, ближе и громче, словно грозовой состав катил издалека в их сторону.

— Слышала, и что? Думаю, мне ничего не п-поможет, я безнадежна, как рваная калоша.

— Давай поспорим, поможет!

— Давай! На что?

— Если подействует мое лекарство через неделю — ты мне... ты мне...

— Я тебе такое же пла-атье сошью, как у меня, или даже лучше!

— А если не поможет, я тебе... я тебе... Я твою Зину к лучшему знакомому стоматологу отведу за свой счет!

— По рукам! Говори, что делать.

— Только ты не смотри, что все так просто. В жизни только то и правильно, что решается легко, без усилий, напролом идти бесполезно, только себе навредишь, в этом случае проблему стоит обойти стороной или вовсе забить на нее. Вот что посоветую тебе, моя красавица.

Выйди вечером или ранним утром в поле или в лес и кричи что есть мочи во все горло о своей любви. «Люблю!» — кричи. «Жить без него не могу!» — кричи, ну и все остальное, что считаешь нужным. И так каждый день, а лучше — два раза в день. Не пройдет недели, как ты забудешь о своем разлюбезном. Поймешь это сама, когда твои вопли покажутся тебе глупыми до крайности.

— А ведь и вправду — просто!

— Вот и получается, что если будешь твердить о своей любви часто, да еще во всеуслышанье — она и улетучится, превратившись в ложь. Недаром же мудре-

цы говорят: о своем счастье нельзя трезвонить на весь белый свет, чтоб оно не улетучилось.

Ослепительно белый свет молнии озарил верхушки елей так ярко, что Алла на мгновение увидела в гуще леса вспорхнувшую птицу, заметавшуюся среди мокрых, бушующих ветвей.

— Ох, Аллочка, как хорошо, что ты приехала. Я вот что думаю: за-автра, то есть сегодня, как проснусь и, если узнаю, что Акулюшка с бабкой не нашлись, — пойду их искать. Нет же сил сидеть сиднем! Хорошо бы с Аркадием пойти, он такой сильный, уверенный, выносливый — мигом нашел бы потеряшек, но ведь он в Егоровске, на работе, а если не на работе — то в больнице у жены, ему бы со своими проблемами разобраться.

— Не ходи, Наташа, не найдутся они.

— Почему ты т-так думаешь?

— Все случайные неприятности исправить легко, если есть желание их исправить и если это неприятности случайные. Но если приходится биться лбом — то, значит, твои усилия будут бесполезны, значит, это не случайная проблема, а рок! Вот я не могу спасти сына: его лечили в больнице, подшивали, кодировали, внушали, но все мои усилия имели обратный эффект.

Алла горько усмехнулась.

— Представляешь, лежал в больнице на интенсивном лечении три недели, потом еще две недели реабилитации. Потом его выписали, и он вернулся из больницы домой пьянее грязи! Вот поэтому я и сбежала: зачем раскапывать гору, на которую не хватит жизни, если ее можно обойти. Я чувствую, Наташа, что сегодня мы бьемся лбом в непробиваемую стену.

При этих словах небо снова озарилось вспышкой, и приближающийся грозовой состав над самой избой ухнул с треском, словно расколол гигантским ломом стеклянную глыбу, и, давая осколки, помчался дальше. Женщины притихли, натянули одеяло до подбородка, переглянулись. Наташа перекрестилась, прошептав: «Господи, помилуй».

— Не найдутся, так чувствую. Даже погода, солнечная, жаркая и сухая, с их пропажей сделалась холодной и дождливой. Там, на небесах, разве не знают, что искать несчастных некому, да еще в такую погоду? И ни денег у них, ни высоких связей нет. Они погибнут наверняка, нужно быть к этому готовыми.

— Денег и связей нет, ты права, но есть земляки, соседи, и, возможно, Господь нарочно нас испытывает, кто мы есть, с кем мы, на стороне светлых сил, доброты или тьмы. Я, Алла, так думаю, если не будут на нас валиться испытания, как узнать, на что мы способны? Смогла бы я прикипеть душой к родному Русскому, если бы не ужасы Маха-ачкалы? Смогла бы оценить доброту и чистоту моих милых земляков, даже самых непутевых и бестолковых?! Идти надо, не рассуждая. «Делай что должно и будь что будет!» Хотя бы для того, чтоб потом не винить себя в бездействии, лени и равнодушии.

— Вот именно, «чтоб потом не винить себя». Все страшатся вины, мук совести. Фальшивой вины — заметь! Глупая ты, наивная девочка. Мы живем в жестокой, равнодушной и замкнутой системе, где от человека ничего не зависит — ни рождение, ни пол, ни внешность, ни в кого и когда он влюбится, ни когда умрет. Ни-че-го! Но, когда на него сваливаются беды, он себя же в них обвиняет! Как все хитро устроено! Ты не находишь?

— Знаешь, о чем я сейчас подумала, слушая тебя? — Наташа взяла Аллу за руку. — Все большие умы постоянно м-мучаются вопросом: какая у русских общая национальная идея, что объединяет русских как этнос? Поиск истины! Какой

русский не ломает голову в поиске истины?! Даже самый-пресамый непутевый и бестолковый. Вот потому так сильно православие. Истина — есть Бог, это единственное, на что можно опереться, и тот, к кому приходят все искатели истины.

— Но только не я! О-о-ох! — Алла схватилась за виски, а Наташа зажмурилась и тихонько взвизгнула «иииии», когда грохнуло над самой головой, словно в небе над домом расколослась и раскатилась по камушку гора Арарат.

— Мама, мама! — послышался крик Зины.

Наташа выскочила из постели и бросилась к двери, но притормозила, резко обернулась и с округленными от ужаса глазами зашептала: — Знаешь, что означает «Бездельно» на старом церковнославянском? «Напрасно», «Безуспешно!» Когда-то отец Иов говорил... — и пулей понеслась вниз по лестнице, волоча за собой шаль.

Алла посидела какое-то время с бьющимся сердцем, глядя в окно, потом зарылась в одеяло с головой. «Хватит, хватит! Довольно, — твердила она себе и все колотила и колотила кулачком по подушке. — Довольно изображать из себя куклу бесчувственную. Нужно действовать! Так, первое: пойдем завтра с деревенскими к охотникам на поклон. Авось да соберем деньги на вертолет. Пятьдесят тысяч будет достаточно, и если я вложу своих десять тысяч и деревенские дадут пять, то останется каких-нибудь тридцать пять тысяч. Что такое тридцать пять тысяч по сравнению с возможностью найти Акулиньку живой!»

Оттого, что ее мозг начал усиленно искать выходы, ей стало чуть легче, и она продолжала нагружать себя мысленной деятельностью.

«Второе: утром напишу в интернете, а еще на бумаге объявления, объеду, обойду все дома в Русском, в Чистых Ключах и в Бездельно, соберу всех мужчин, уговорю принять участие в поисках. И плевать, что Бездельно означает «напрасно и безуспешно» — мы разрушим замысел провидения! Мы сможем, если захотим!

Третье... Что третье? Третье: Если Акулиньку найдут живой, заберу ее себе! Удочерю! Дам ей свою фамилию Романова! Боже, как это будет замечательно! Я не справилась, воспитывая сына, но с девочкой будет все иначе! Акулинька мне заменит умершую много лет назад дочку. Она станет Анжелой! Анжелина Романова! Я сделаю из нее принцессу! Отращу ей локоны, накуплю нарядов, отправлю в музыкальную школу, в балет! Нет, в балет не стоит, там муштра, на девочек кричат, голодом морят, видела она по телевизору, что такое балет, куда лучше школа танцев или школа актерского мастерства».

И, засыпая, Алла мысленно твердила: я отдам ее в самую элитную школу, я пойду с ней в цирк, в зоопарк, в театр, я куплю ей... я научу ее... я дам ей...

«Внимание! Только один день! Известный фокусник-иллюзионист Ромуальд Веселкин! А также цирк зверей! Медведи, еноты, обезьяны покажут вам веселое представление. Начало концерта в 18.00 в клубе поселка Русское».

Красочная реклама была развешана по всему поселку: на дверях магазина, клуба, почты, школы, на остановке и даже на некоторых заборах. Алле пришлось клеить свои маленькие скромные объявления, написанные от руки, рядом с яркими приглашениями на веселый праздник.

«Внимание всем жителям всех окрестных деревень! Ушли в лес из деревни Бездельно и не вернулись до настоящего времени Прасковья Степановна Хомкина, 81 год, и Хомкина Лина, 4 года. Просьба ко всем, кто может оказать посильную помощь, не оставаться равнодушными и принять участие в мероприятиях по розыску.

Нужна сумма 50 тысяч рублей для поискового вертолета. Контактные телефоны: 960-70-80 — Романова Алла, 8-911-54-55 — Родимцева Наталья».

Все шло по плану. Но после полудня Наташа все еще оставалась на службе в церкви, и в ближайшие селения Алле пришлось ехать одной, так же, как и писать объемную пачку объявлений. Левый локоть после удара представлял собой сплошной синяк, правое бедро словно сковало, но она, не обращая внимания на боль, садилась за руль, мчалась по бездорожью вдаль. Завидев признаки жилья, тормозила, и клеила, клеила везде, где только можно, даже на покосившихся воротах мрачных, заколоченных деревень. Если обитают здесь кикиморы, лешие и прочая нечисть и нежить — пусть тоже идут на поиски! Звонки начались уже до того, как она вернулась домой.

— Это Алла Романова? Мы из Егоровска. Едем с мужем на поиски пропавших. У нас с собой собака, она обучена искать людей. Откуда узнали? Из интернета.

— Приезжайте!

— Алла? Это вы писали о пропавших? Не нашли грибников? Я из Питера звоню. Мы с друзьями можем приехать. По лесам ходить привыкли, недавно из армии.

— Как вас зовут?

— Стас.

— Приезжайте, Стас, только добираться вам долго, разве что к вечеру приедете.

— Будем и вечером, и ночью искать. Фонари у нас есть.

— Знаете, Стас, если вы приедете и увидите народ — организуйте, пожалуйста, волонтеров. Чтоб на одном месте не топтались, рассредоточьте по участкам. Можно, я желающим буду давать ваш номер телефона? Мы-то дамы в возрасте и не совсем здоровы, если будет людской наплыв, боюсь, нам не справиться.

— Конечно, давайте. Примерно через полчаса выедем на машине, Бездельно найдем по навигатору.

— Теперь я спокойна и уверена, что потеряшки найдутся. Плащи возьмите, пасмурно у нас.

— Алла Романова? Мы из Стрижей. Увидели случайно объявление о пропавших. Мы сами-то дамы пожилые, но помочь хочется. Вот думаем бутербродов нарезать, блинчиков напечь, термосы горячим чаем залить. Устанет народ-то по лесу ходить, нешуточное это дело, ну, мы их накормим и напоим.

— Молодцы! Хорошо придумали. А как доберетесь?

— Петрович на тракторе отвезет.

— Аллочка! Это я, Наташа. Меня звонками оглушили. Пришлось с литургии уйти. Столько желающих, не ожидала. Народ со всей округи едет. Даже не знаю, что делать, у нас их, что ли, принимать?

— Направляй в Бездельно. И вот тебе телефон Стаса. Он питерский, приедет часа через три. Запомни: Стас! Всем волонтерам давай его телефон. Он парень только что из армии, сможет всех организовать.

Алла продиктовала телефон. Голова у нее кружилась, а голос осип от бесконечных разговоров. Бессонная ночь давала о себе знать. А впереди предстоял ответственный разговор с охотниками по поводу денег.

Не успела Алла припарковаться возле калитки, как увидела бегущую навстречу ей Наташу.

— Ну и кашу мы заварили, Аллочка! Народ все звонит и звонит, спрашивает, куда деньги перечислять, а я даже не знаю, что ответить. Трое наших принесли по тысяче рублей. Вот, я записала: Матвеевы с Цветочной, Прохоровна и от потомственной декабристки передали. Продавщица Люська Бабурина пятьсот дала, Алексей Алексеич, помнишь, «непутевщина» в наколках? — триста. А еще баба Настя триста рублей давала, я не взяла.

— Молодец, что записываешь, вдруг да с вертолетом не получится. Охотники дали?

— Не видела их. Может, они в лесу на охоте?

— Какая летом охота! Не сезон же! Боже, как же мне не хочется к ним идти!

А твой Аркадий где?

— Так в Егоровске, у жены в больнице. Ой, я чуть не до утра под дождем за огородами кричала. Уж так кричала! Не помогает пока. Болит душа, сердце щемит.

— Наташа, ты здесь своя, а я — чужая. Может, сходишь к охотникам? У меня с людьми контакта давно нет, я как вижу тупость непробиваемую, так в истерику такая агрессия во мне просыпается, так бы взяла бы несчастного за шиворот и головой о стену его, о стену!

— Аллочка, я же их совсем не знаю, я для них такая же чужая. Может, Бог с ними, обойдемся без их денег, смотри, опять кто-то идет.

Наташа пошла встречать гостей, а у Аллы запел мобильный.

— Да-да, приезжайте. Запишите номер. Молодой человек по имени Стас, свяжитесь с ним, он будет за главного.

Уфф... На кухне перекусила чем придется, заглянула в мутное зеркало на комод, волосы стянула в тугий хвост, хотела подкрасить губы, но передумала, оделась нарочито просто, по-рабочему: в те же спортивные штаны и толстой вязки кофту, которая, как выяснилось, принадлежала Марии Тимофеевне. Даже переобуваться не стала, как была в резиновых сапогах с налипшей глиной, так и потопала по мокрой траве, прихрамывая. Пошла в конец главной улицы, ближе к реке. Наверное, от усталости изнутри поднимался ропот: «Наташа, кроткая овечка, могла бы помочь. Все Аллочка да Аллочка, а сама по себе ни на что не способна, все Аллочка должна решать». Разворчалась как старуха. Впрочем, нет худа без добра, хорошо, что она себя загрузила делами, меньше времени на жалость к себе остается, меньше черных дум о своем тяжком кресте, сыне, о страшной голгофе, по которой сейчас идет Акулюшка.

У церковного крыльца небольшая кучка прихожан беседовала с батюшкой. Отец Иов, высокий, худой, длинноволосый, похожий на рок-музыканта, возвышался на ступенях и о чем-то негромко вешал. Алла не слышала его речи, но отметила про себя, что картина выглядит трогательно. Сделай она сейчас пару снимков — можно на фотовыставку отправить, а озглавить так: «Пастырь и паства» или лучше так: «Добрый пастырь». Но сделать снимки ей бы совесть не позволила, да и камеру она дома оставила, потому, ускорив шаг, поспешила вперед.

Когда она последний раз была в церкви? И вообще была ли? Была! Однажды была! И даже свечки ставила. После смерти новорожденной дочки молила Бога о сыне, уж так молила искренне, от всей души. Возможно, на коленях стояла, не помнит точно. И вот теперь у нее сын, взрослый мужик, запойный алкоголик, в котором порой она не видит не только сына, но и человека как существо разумное. И вот она оставила его на волю Божию и не желает знать, что с ним и даже что с ее городской квартирой.

Дом охотников стоял перед спуском к реке. Обычный, ничем не примечательный дом, деревянный, бревенчатый, с резными ставнями. Если бы не солидный, похожий на забрызганный грязью бронетранспортер, автомобиль Лэнд Крузер, она бы засомневалась, не ошиблась ли адресом? Ворота старые, покосившиеся, забор частично разобран, за забором горы кирпичей, песка, свежеструганные доски разбросаны как спички. Хрипло лают, надрываются псы. Собак Алла боялась с детства, потому замедлила шаг и робко остановилась поодаль.

— Эй, хозяйева, есть кто-нибудь?

В проеме ворот показался смуглый узбеко-таджик.

— Кого нада? Хазяин? Выйдет хазяин!

Хозяином оказался крепко сбитый, лоснящийся мужчина, загорелый, белокурый, с короткой стрижкой. Черная майка, камуфляжные брюки. Он напомнил ей одного итальянского актера или всех итальянских актеров разом, тех, что играют подлецов и альфонсов.

— Какая приятная гостья! Милости просим! — встал в проеме ворот и нагло скользил по ней взглядом.

— Я боюсь ваших псов, выйдите на минуту.

— Чем могу быть полезен?

— Вы, наверное, слышали, что грибки из соседней деревни в лесу заблудились, бабушка с внучкой. Нужен поисковый вертолет. Деньги нужны! Много денег!

— Фу, как банально, как пошло. Деньги... Я-то думал, такая приятная дама... кстати, как вас звать, принесла мне добрую весть или интересное предложение, которое заинтересовало бы нас обоих.

— Алла меня звать.

— Очень приятно. Арни! — он протянул руку. От насыщенного запаха дорогого парфюма ее слегка затошнило. Алла протянула ладонь для пожатия, но Арни галантно поцеловал кончики ее пальцев. — Может, пойдете? У меня есть чудный коньяк.

В кармане запел мобильный, и Алла, не задумываясь и не вынимая трубки, на ощупь нажала кнопку сброса.

— Нет, я на минуту. Вы не хотели бы принять участие в поиске пропавших? Очень не хватает выносливых и сильных мужчин, таких как вы.

Аллу уже по-настоящему замутило, возможно, от переутомления и бессонной ночи, но скорее всего от собственной лести, она даже закашлялась, но, интуитивно понимая, что иначе ее роль просительницы не возымеет действия, смотрела на Арни взглядом, которого от нее ждали, снизу вверх, затаенно-восхищенно и доверительно. Даже ресницами несколько раз хлопнула для убедительности.

— С удовольствием. Не могу отказать такой очаровательной гостье. Когда идти?

— Прямо сейчас. Только нужно в Бездельно ехать. Там лес несильно дремучий, но запущенный, бурелом, болотина. Думаю, у вас, охотников, есть навык по таким местам ходить и снаряжение опять же... — затараторила она, воспрянув духом. Зря она о мужчинах плохо думает. Бывают же среди них исключения, в любой момент готовые оказать помощь слабым женщинам, скромные герои, такие как Арни: с виду он отъявленный негодяй, а в душе кроткий ягненок и одновременно храбрый мачо, всегда спешащий по первому зову.

— Сейчас не могу. Видите, стройматериалы завезли, избушку нужно залатать, отстроить, подготовить к осеннему сезону. Вот чурок-мерзавцев пришлось нанять, наши-то пьяницы, какой от них толк? Что за время такое, никому доверять нельзя! Уже начинаю жалеть, что связался...

— Дорога каждая минута, — оборвала Алла пустые стенания. Раздражение от столкновения с непробиваемой толстокожестью и черствостью уже накатывало невидимой волной к границе того состояния, когда хотелось «схватить несчастного за шиворот и головой о стену его, так его, о стену»! Щеки у нее вспыхнули, глаза накрыла пелена еле сдерживаемых слез негодования. — Я не поняла, вы готовы помочь или нет?

Снова запел мобильный, и в который раз она сбросила звонок.

— Зря вы, Аллочка, так кипятитесь, суетитесь. Заняться вам нечем? Нам уборщица в доме нужна, от этого строительного мусора кажется, что мы на свалке живем.

Такого сверхцинизма Алла не ожидала.

— Я к вам не наниматься пришла, поаккуратнее с речью.

— Скажите на милость, какие мы здесь в деревне гордые! Знаете, сколько в этих лесах народу блуждает каждый год? — охотник явно злился и от этого тарасил на нее покрасневшие от раздражения, а может от «чудного коньяка», глаза. — Зачем мешать замкнутой системе выбраковывать ненужных особей?! Вот сегодня цирк будет выступать, обезьянки разные. Вы считаете правильным человеческое вмешательство в животный мир? Вот и вы, оставьте деревенским их мир, его не переделайте, пусть эволюционирует по своим законам!

Алла снова закашлялась. «Надо же! Охотник зверушек пожалел, какая откровенная ложь и фальшь!» Она хотела взорваться потоком оскорблений, но за долю секунды взяла себя в руки, потому что ее озарило: охотник отчасти прав, он озвучивает ее мысли, то, что она думает сама о жизни и о невозможности вступить в неравный бой с провидением, с судьбой, злым роком или как его назвать, без разницы...

— Извините, всего доброго!

— Минуту! Бебешка! Бебешка, поди сюда!

На крыльце показался юноша. Красивый юноша, с тонко прописанными чертами, похожий на отца, но хрупкий и стройный, как танцовщик балета. Нет, представить его рядом с Зиной невозможно ни при каких обстоятельствах.

— Бебе, принеси штуку. Штуку, говорю, принеси, не стой как истукан.

Бебешка скрылся за дверью и тут же вышел с купурой в тысячу рублей.

— Спасибо, не надо.

Алла развернулась и, стараясь идти ровно, не хромать и не припадать, направилась не назад, к дому, а к реке, в сторону. Ей не хотелось, чтоб охотники видели ее сломленную неудачей спину. Сидела на бревне у реки и щелкала кнопками мобильного, отзваниваясь всем, пытавшимся выйти с ней на контакт за последний час. О бескрайней дали и плакучих ивах с зеркальным отражением даже не вспомнила. А когда, прихрамывая, ковыляла домой, с недоумением смотрела на празднично шатающуюся молодежь возле клуба. Они не переговаривались, не выкрикивали, не смеялись, не гоготали нарочито безобразно, не танцевали, но кривлялись. Здесь звучала музыка, воздух был насыщен энергией авантюры и буйствующих гормонов, а ее исписанные от руки листочки с объявлением о пропавших грибниках были сорваны и валялись рядом с мусорной урной. Хорошенькие, с кукольной внешностью девочки жались к березкам, смотрели насупленно, недоверчиво и удивительно лихо закуривали одну сигарету от другой.

— Тебе чо, неясно, козлина?!

Алла вздрогнула и обернулась. Кричала нетрезвая юная, ангелоподобная блондинка, а ее вопль предназначался пританцовывающему возле нее парню. — Отвали, урод, чтоб я тебя больше здесь не видела!

Алла усмехнулась и прибавила шаг. До нее еще доносился визг: «Не трогай меня! Не прикасайся ко мне. Я сказалааа», — и эта музыка, такая далекая, напоминала ей свою юность, глупые сборища, когда все чего-то ждут, и жаждут, и предвкушают, но ничего сверхъестественного не происходит. И тогда непонятная сила толкает их в ссору, свару и драку. «Как бедна жизнь на новые сценарии. Как скучно жить. Ничего не меняется, все это я не просто видела, но была участницей. Вынужденной участницей».

Запел мобильный, и она ответила стандартно, как отвечает робот о задолженности за свет или телефон.

— Запишите номер организатора поисков. Его зовут Стас. Все вопросы к нему...

— Арни! Ну надо же придумать! Никакой он не Арни, — сообщила, накрывая на стол, Наташа, — не Арни, а Арефий! А сына зовут Борис. Ну их, Аллочка, обойдемся, — и в сторону: — Зина, зови бабу Настю ужинать.

Вскоре от калитки к саду послышались старчески-торопливые шаги. Баба Настя с ходу, победоносно размахивая клюкой, сообщила, что в Бездельно приехал наряд милиции и МЧС.

— Ой, че деется! Все мужики-то видные, техника при них для ночных поисков и собаки, специально обученные. Глядишь, и найдут нашу Степановну с Акулинушкой.

10

Лечь пораньше после тяжелого дня не получилось. Уже кружилась и отяжелела голова от выпитой наливки, уже перед глазами плыл зыбкий туман, а протопленная изба и мягкая перина манили отдыхом, уже потушили свечи в саду, и уже прошептала она танцующему эльфу «спокойной ночи», как в калитку стукнули деревяшкой:

— Хозяева! Есть кто-нибудь?

— Кто там?

Наташа с фонариком прошла по тропинке на голос и вернулась с двумя дамами, возраста непонятного, одетыми по-спортивно: куртки с капюшонами, за плечами — рюкзаки. Лица красные, глаза — серые, провалившиеся от усталости, волосы от пота и от мороси прилипли ко лбу.

— Из Егоровска мы, волонтеры. В Бездельно ночевать негде, вот, тракторист из Ключей по дороге забросил сюда.

— Проходите, проходите, что-нибудь придумаем.

Наташа снова захлопотала на кухне, баба Настя пошла к себе, чтоб приготовить гостям ночлег.

Дамы, которым было далеко за сорок, скинули куртки, умылись. Казалось, от них шел жар.

— Рассказывайте, рассказывайте! — Алла села напротив и смотрела на них с нетерпением, пока они работали ложками. Доели суп, попросили добавки и попутно трещали наперебой:

— Нас в сторону Ключей направили. Участок небольшой, но трудный. Лес буреломом завален, сыро, холодно — нас только на четыре часа хватило. Сейчас в темноте и вовсе нет смысла искать, заблудиться можно. Видели полицию и МЧС — несколько мужиков по кромке для вида походили, уехали одновременно с нами. Волонтеры по избам разбрелись, отдыхают без задних ног. Стас с двумя товарищами из Питера спят в машине. Сказали, что часа через три, ночью, снова пойдут и, пока не найдут, не вернуться. Хорошие ребята, им можно верить.

— Да что же это такое! — с горячностью воскликнула Наташа. Неужели старая бабка и пятилетняя девочка ушли так да-алеко, что взрослым мужикам этот путь не одолеть! Что за мистика!

— Ушли, может, и недалеко, но в какую сторону? Лес такой, что ни конца, ни края, и по одну сторону дороги, и по другую.

Алла молча разливала наливку.

— Вы сестры? — спросила она размякших и раскрасневшихся дам, так они были похожи. Обе блондинки, стрижки одинаковые и челки, только одна как будто постарше и посуровее, а другая поулыбчивее.

— Подруги, давние, еще со студенческой скамьи. Я Маша, — представилась улыбчивая.

— Я — Саша.

— А мужья ваши где? Почему не поехали с вами?

— Ха! Мужья! Не смешите. Разве они бывают, нормальные мужья?

— Разве нет? Вот взять Стаса. Отличный, надежный парень.

— Ну, так мальчик же совсем юный. Только после армии. Чувствуется характер и упрямство. Таким всегда нелегко. Дай Бог, чтоб жизнь его не сломала.

— А что с вашим мужем было не так?

Маша и Саша чокнулись, чуть пригубили наливку и отставили почти полные рюмки в сторону.

— Нельзя нам напиваться, иначе уснем и проспим все на свете, — пояснила Саша.

— Мой муж объелся груш. Замуж выходила — такой же юный, активный и работающий был, как тот самый Стас. Живем — в радость, отдыхать ездим, на концерты, по выставкам ходим. Таксистом работал, мы ни в чем не нуждались. Я стараюсь, уж не знаю, чем ему угодить. Все бы хорошо — детей нет. Решили усыновить ребеночка, встали в очередь на усыновление. Только смотрю, муж мой все больше к дивану тяготеет. Расслабился на моих щах да на пирогах с яблоками. Лежит целыми днями и кнопки от пульта щелкает. А потом и к рюмочке пристрастился. Как-то сломал ключицу, три месяца дома провалялся, и так ему дома понравилось, лежит целый день и мечтает: была бы у меня своя машина — я бы таксовал да еще подхалтуривал. Ну, я ему купила машину. Я тогда бухгалтером устроилась. Очень меня ценили. На одних премиях можно было жить. Смотрю — не получается у него халтурить. То у него колеса прокололись, то у него масло в двигателе кончилось, то ему пора техосмотр проходить. Ну, я знай плачу и плачу из своего кармана. Надоело мне это дело, говорю ему прямо: бездельник ты, непутевый, никчемный ты мужичонка! А он, лежа на диване, отвечает: «Вот был бы у меня гараж, я бы ремонтом машин начал заниматься, заодно и свою машину починил. А сейчас — негде! Вот и приходится в СТО на поклон идти».

Заняла денег, купила ему гараж, думаю, пусть мужик при деле будет. Оказалось, за гараж налоги надо платить, и немалые. Да за свет, да за дороги. А у мужа дальше обещаний дело не идет. Поменяет кому-нибудь тормозные колодки или лампочки ближнего света, деньги пропьет и снова у меня просит. Нет, говорю, сам плати налоги и прочие сборы. А он вздыхает: я, говорит, хочу дело свое открыть, по ремонту квартир. Уже, говорит, у нас команда мастеров подобралась хорошая опытная, могут и полы стелить, и стены с потолками ровнять. Нужен стартовый капитал. Я смеюсь: не верю тебе, лодырю, пропьешь мои денежки и не подавишься. Приносит он мне расписку, что берет у меня в долг и обязуется вернуть на тридцать процентов больше через полгода.

— Ну, вы, конечно, дали.

— Дала! Его счастье, жена-дура досталась.

— Вернул?

— Конечно, нет! А когда он по пьяни машину разбил, а гараж спалил, я подала на развод. Квартиру жалко было менять, да пришлось. Одни убытки от него. Алла подтолкнула Наташу под локоть:

— Слушай о жизни супружеской подлинные истории. А у вас, Саша, есть муж?

— У меня и вовсе тяжелый случай. Я пропавших искать пошла, потому как у меня дочка трех лет по вине мужа погибла. Муж был выходной и повез ее к врачу, зубик у нее разболелся. Пришлось удалить. А на обратном пути из зубной поликлиники остановил машину, да на самом солнцепеке, он, видите ли, решил к другу заскочить на минуту. Заскочил, а выскочил только на следующий день. А

у дочки, пока он с другом водку пьянствовал, кровотечение на месте вырванного зубика началось. Боже, не хочу об этом вспоминать!

Саша махнула рукой, отвернулась и замолчала. Только плечи и спина вздрагивали. Ей накапали корвалол, но, видимо, она решила всю боль выплеснуть до конца и, уже не стесняясь слез, отчаянно воскликнула:

— Я ему никогда этого не прощу! Не прощу! Даже на том свете! И себе не прощу тоже. Когда одевала свою девочку утром, она капризничала и не хотела надевать колготки, а хотела носочки. А я уперлась и даже шлепнула ее. Плохая ты девочка, сказала ей, маму свою не любишь! Она в слезы: люблю, говорит, мамочку. Мне бы расцеловать ее, носочки надеть, сказать, что дороже ее у меня нет никого, а я «колготки, колготки!» — это было последним, что она от меня услышала. Если найдется Акулечка, удочерю ее и ни на шаг от себя не отпущу!

Пришла баба Настя.

— Постелила на кровати и на лавке. Уж не обессудьте, нет перины у меня. И печка не греет. Ну, одеяла какие были — все вам сложила. Разберетесь.

— Спасибо, мы непривередливые, лишь бы крыша над головой. Если разоспимся, вы нас пораньше растолкайте.

Ушли втроем. Баба Настя вскоре вернулась. Устраиваясь на своем уютном спальном месте — на печке, бормотала:

— Вот ведь, беспокойные сердца золотые. За чужих душу рвут, ноги истаптывают, дай, Господи, им здоровья и всяческого добра.

Вскоре все стихло. Алла лежала с открытыми глазами и слушала завывание ветра. Снова часто забарабанил по крыше дождь, все громче и чаще. Град! Окно словно завесили серой простыней — ни неба, ни леса, ни зги. Алла зажмурила глаза, закрыла уши ладонями.

— Господи, за что ты прогневался на беззащитное, безгрешное дитя? Что плохого тебе сделала эта маленькая девочка? Хочешь жертву — возьми меня, сейчас, сию минуту. Только оставь ребенка. Сделай ее счастливой, сытой, любимой. Ангелы небесные! Почему дитя человеческое ходит в лесу без защиты? Почему вы не указываете ей путь домой, почему не разгоните своими крылами тучи грозовые? Спаси их, Господи, уверую до конца жизни!

Послышался шум двигателя. Ей показалось, что к дому подъехала машина. Куда же как не к ним, ведь дальше — лес. Снова скрип половиц, движение, негромкие голоса. Алла привсталала, опершись на локоть, старалась прислушаться. А если это чудо? Приехал Стас, привез им добрую весть. Она вскочила и, накинув на рубашку цветастую шаль, босая, побежала вниз по ступенькам. «Чему бы грабли ни учили, но сердце верит в чудеса...»

На пороге горницы стояли трое незнакомцев, двое мужчин и женщина. Мокрые, грязные, измученные. Наташа помогала женщине снимать куртку. Алла замерла на последней ступени, постояла и бросилась назад, одеваться. Спортивные штаны, теплая кофта — и она снова в просторной горнице.

— Стас! — воскликнула с надеждой. — Наверное, вы Стас? Я Алла! — обратилась к тому, что помоложе.

Мужчины переглянулись.

— Группа Стаса еще в лесу. Сказали, не вернемся, пока не найдем. Меня Алексей зовут, а это мои родители.

— Марина... Алексей... — представились родители.

— Мы почти пять часов лес прочесывали. Сейчас нет смысла, темно и дождь с градом. Чуть сами не заблудились, — словно оправдываясь, пояснил Алексей.

младший. — В Бездельно все избы до отказа забиты волонтерами, нас к вам направили. Передохнем и утром снова пойдём на поиски.

— А как же МЧС?

— МЧС мы не видели, они, наверное, до нас уехали.

Наташа пригласила семейство на кухню, где хлопотала баба Настя.

— Извините, мы не ожидали, потому только чай. А я пока постелю вам. Ничего, что на полу? Марина, для вас можем скамьи сдвинуть.

— Ой, что вы, ничего не нужно. Мальчики, принесите там из машины.

Мужчины ушли к машине, и, пока рылись в багажнике, Марина успела рассказать, что о пропавших вычитал в интернете Леша-младший, а отправиться на поиски предложил Леша-старший.

— Он давно о дочке мечтал, а у нас с этим ну никак... Говорит, найдем, сразу удочерим. Говорит, вырастим как принцессу и образование дадим самое лучшее.

И, вытянув шею, понизив голос до шепота, пояснила:

— Он, мой Леша, недавно узнал, что виноват очень перед первой девушкой своей. Оказалось, у него есть дочка взрослая, без него выросла, в Америке живет, замужем.

Тут послышался топот сапог, и Марина замолчала. Дверь распахнулась, мужчины вместе с холодной ночной моросью внесли и поставили тяжелые сумки с едой и выпивкой, к сумкам прилагался большой, с попугаями, термос и гора теплых пледов.

Алле не хотелось уходить наверх, хотелось быть рядом с этим дружным семейством, которое, возможно, час назад было в двух шагах от Акулюшки. Она стояла, прислонившись к дверному косяку.

— Как равнодушен, как несправедлив мир к чадам своим, — сказала она чужим, силным голосом. Не сказала, но тихо, чуть слышно выдохнула. Но ее услышали.

— Мир несправедлив? Несправедлив по-нашему, по-приземленному. Что мы, ничтожные, знаем об этом мире? Представь, свалился муравей со своей соломинки и вопит: мир несправедлив! Высшая справедливость нам недоступна, но она есть!

Алла поднялась к себе, взглянула на будильник, который показывал второй час ночи, и решила, что ей обязательно нужно заснуть хотя бы на пару часов, иначе утром она не сможет поехать со всеми в Бездельно. «Бездельно... Бездельно... Безвыходно! Безутешно! Безднадежно! Бесцельно!»

Проснулась от толчка. Открыла глаза: тишина, рядом — никого. Ночь за окном лениво рассеивалась туманной, пасмурной серостью. Лежала с бьющимся сердцем и мысленно, усилием воли окружала себя ватной пустотой. Чтоб не спянуть, нужно отгородиться от внешнего, погрузиться в себя и мысленно твердить: «Мне все равно... мне все равно...»

Наконец внизу послышалось движение, шевеление. Народ начал копошиться, одеваться, собирать рюкзаки.

«Господи, зачем я здесь, в этой глуши. И сколько можно терпеть эту пытку неизвестностью? Неизвестно, зачем родилась на свет Акулинушка. А Тема? А я сама? Что мы здесь делаем? Сталкиваемся, разбегаемся, реагируем, злимся, радуемся. Мы — электроны, варимся здесь, в бессмысленности бытия, источая нужную энергию. Источая... Источник... Из ток... Сегодня будет много тока. Пойдет большая подпитка для тех, кто все это затеял».

Скрипнули ступени лестницы. Наташа, бледная и сонная, но одетая попоходному, стояла на пороге.

— Аллочка, уже пол-шестого. Ты нам нужна, мы все в одну машину не поместимся.

— Я не поеду. Не могу, мне не подняться. Да и не хочу.

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично чувствую. Отстань.

— Аллочка, пожалуйста, не надо раздражения. Мы должны оставаться людьми в любой ситуации.

— Должны-должны... Вот только без моралей. Езжайте. Джип у семейства вместительный, утрамбуетесь. Позвоните, как на месте окажетесь.

Наташа сделала движение вперед, словно хотела погладить Аллу по волосам, но Алла отвернулась лицом к стене.

— Поезжайте уже, наконец!

Еще с четверть часа раздавался топот ног, приглушенные разговоры, половицы пели на все голоса «иззззиди», двери подхватывали «ужжжассс» и «неззззжже», потом все стихло. Алла лежала и молча злилась. «Вот она, я, во всей красе. Лежу-валяюсь. Только и могу рассуждать, рефлексировать, умничать. Но на серьезный поступок неспособна, нет, неспособна. Какой там коня на скаку или в горящую избу, даже на то, чтоб подняться из теплой постели, нет ни силы, ни воли. Если бы время отмотать назад! Всего каких-нибудь несколько дней! До того самого момента у автолавки. Нет, не думать! Думать нужно было раньше, а сейчас остается ждать, когда другие найдут и спасут Акулиньку».

11

— Сюда! Сюда! Смотрите новости! наших показывают! — кричала Зина снизу. Алла слетела вниз, как была, босая, в рубашке.

— Там нашли кого-то.

Обе прильнули к экрану. Тележурналистка с неживым, глянцевым лицом понеживому, безэмоционально вещала:

— Сегодня, в шесть утра, найдена мертвой Прасковья Степановна Хомкина, восьмидесяти одного года, из деревни Бездельно. По предварительному заключению врачей смерть наступила сегодня ночью от сердечной недостаточности и переохлаждения. Хомкина Лина, четырех лет, в настоящее время не найдена.

Попутно показывали лес, экипированных мужчин в форме с эмблемой МЧС, полицейский джип, поисковых собак и носилки с телом, прикрытым белой простыней.

— Напоминаем, что заблудившихся в лесу бабушку и внука полиция и МЧС ищут в течение пяти дней. В поисках пропавших грибников принимают также участие волонтеры из ближайших деревень, — вскользь добавила журналистка.

Далее пошла реклама таблеток, усиливающих мужскую потенцию.

— А где Акулинушка? Она же рядом должна быть, около! Почему ее не нашли?

— Может, волки... — тихо пробормотала Зина и нехорошо, словно еле сдерживая смех, хмыкнула.

Через пять минут Алла была одета и уже сидела в машине. На звонки от Наташи и других волонтеров отвечала коротко:

— Знаю, еду! Акулюшку ищите там же! Она должна быть рядом!

И мчалась, и гнала по бездорожью, подпрыгивая на колдобнах, и газовала что есть мочи, выбираясь из заполненных водой выбоин, не жалея Логушонка

Поняла, что доехала, когда увидела у кромки леса несколько забрызганных грязью, очевидно, волонтерских, машин. «Негусто народу осталось. Только самые

упрямые», — подумала Алла и, оставив Логушонка, направилась к коистру, возле которого грелись и кипятили чай в котелке несколько усталых парней.

— Скажите, где Степановну нашли? В какую сторону идти искать девочку?

— Туда ушла группа МЧС. Ищут. Нельзя вам одной, увязнете, заблудитесь. Садитесь, попейте чайку, — обратился к ней молодой, узколицый, хмурый парень.

— Вы случайно не Стас?

— Случайно Стас. А вы Алла?

— Алла. Бабку вы отыскиали?

— Мы.

— Я так и поняла. Акулечка где, почему Акулечку не нашли? Она должна быть рядом. Туда нужно волонтеров послать, тех, кто переживает за ребенка, а не МЧС, которым наплевать.

— Алла, — ответил устало Стас, — пойдите на восток в сторону Вязников. Не доходя до деревни примерно метров триста или меньше, начинайте поиски. Если у вас получится найти, придите и расстреляйте меня. Или я сам застрелюсь.

Вынул из кобуры огромный черный пистолет, по виду — ракетницу, приставил к виску.

— Не надо шуток. Объясните, как до деревни доехать, я оттуда поиски начну.

— До Вязников? Не доедете, увязнете, машину убьете, а вытаскивать вас будет некому. Говорю вам, оставьте эту затею.

— Ну, так я без вас дойду лесом. Кого-нибудь да встречу.

— Вижу, вас не остановить. Идите прямо, мимо заброшенного дома лесника, потом все время вдоль рва и прямо, потом тропинку увидите едва заметную, она влево ведет, упретесь в просеку, по ней снова налево, с километр, не больше, и после муравейника, что возле высокой березы, вправо, снова в лес. Не доходя до деревни метров двести-триста — ищите, в этом месте старушку нашли. Было слышно, как петухи поют, странно, что они не дошли несколько метров. Чтоб не заблудились, следите за тенью. Ваша тень должна быть строго впереди вас, если идете вперед, и сзади — если назад.

— Да какая там тень, солнца нет и не будет, — махнул рукой его друг, вороша угли, — смотри по кронам, где ветки чаще — там юг.

Алла бросилась в лес и уже через несколько шагов, неудачно перепрыгнув через канаву, чуть не соскользнула в ее болотистую, чавкающую жижу. Вспышкой молнии ее обожгло открытием: не пройти, не найти пропавшую! Ее первый искренний порыв тут же погас. Но не отступать же назад. Только представила, как она, не пройдя и нескольких метров, возвращается к машине, — стало тошно. Еще позавчера ее унижали, топтали ее достоинство, толкали прочь, словно навязчивую, грязную побирушку. Но тогда она чувствовала за собой правоту. А сейчас, покинь она место поиска, — сможет ли простить себе свое малодушие?

Выбралась на сушу. Хорошо, сапоги на ней резиновые, добротные, крепкие, не подвели, и пошла, словно по стеклянному шоссе, осторожно переставляя ноги. Рассеянно брела по краю невысокого вала, уходившего в дремучую даль ровной линией, как указующим путь перстом. Сразу за валом был ров, наполненный темной стоячей водой. Ее машину и волонтеров скрыли мохнатые лапы елей, и даже ни запах, ни дым от костра до нее уже не долетали. Но еще виднелась покатая крыша приземистой бревенчатой избышки лесника, и Алла поначалу не уставала оглядываться на нее, словно цепляясь взглядом за оставшийся позади покой и безопасность. Идти вдоль рва было удобно: вздыбившаяся почва пружинистая, упругая, казалась надежной, а главное, не нужно поворачивать ни влево, ни вправо, иди себе и иди. Ах, если б этот ров вел к самим Вязникам, как было бы просто и быстро найти маленькую потеряшку. «Акулюшка, подожди еще

немного. Я иду к тебе. Я тебя найду, подниму на ручки, заверну в свою теплую кофту, отопрею, принесу в деревню и сразу напою горячим молоком. Подожди совсем чуть-чуть». Она шагала все увереннее и быстрее, не обращая внимания на яркие шляпки сыроежек, желтые россыпи лисичек и на заманчивые кустики крупной, спелой земляники. Птица, похожая на маленькую галку, перелетая с ветки на ветку и дразня, а быть может, зовя за собой, сопровождала ее какое-то время, отчаянно стрекоча.

«Птичка-птичка, лети к Акулинушке, скажи, что я иду к ней, чтоб согреть ее, чтоб спасти ее и навсегда оставить у себя».

Неожиданно упругая, пружинистая почва, покрытая изумрудным мхом, оказалась зыбкой. Несколько шагов — и ее сапоги по щиколотку утонули в воде. Алла остановилась. Вероятно, отдалившись в сторону от вала, она попала в низину. Шагнула правее, но вала не было ни справа, ни позади. Равнодушные елки, пни и коряги окружали обозримое пространство. Идти становилось все труднее, и ноги с каждым шагом вязли все глубже. Ничего, ничего, спокойно... Если ров остался позади, ей нужно брать левее, несильно, но чуть-чуть, пусть без тропинки. Зашагала по чавкающему мху, сомневаясь, неуверенно, но упрямо. Перешагивала через бурелом, наклонялась под повалившимися, сухими, в сучках, стволами. Просеки все не было. Туда ли она идет? Нет, она решительно заблудилась. Главное, без паники. Остановилась, осмотрелась. Нужно поймать тень, которая должна быть строго впереди, искать ориентир, отталкиваясь от направления тени. Алла повертелась и так и сяк, тени не было. Лес, казалось, смотрел на нее с усмешкой, холодно и недружелюбно.

«Земную жизнь пройдя до половины, Я очутился в сумрачном лесу...» Алла стояла неподвижно, запрокинув голову, глядя как над верхушками елей темные, рыхлые тучи расплзались вверх и в стороны. Нет для нее пути в этой расширяющейся в бесконечности вселенной. Ее удел топтаться на месте, ждать помощи или бесславной гибели и смотреть, как исправно показывающая время трубка мобильного упорно не желает устанавливать связь и гаснет при наборе любого номера. Почти два часа прошло с того момента, как она вошла в лес, хотя ее внутренние часы отсчитали минут сорок, не больше. Нет, не правы ученые, утверждающие, что вселенная расширяется, на самом деле это пружина земного времени сжимается, закручивая нас в свой бешеный водоворот.

Пожалуй, стоит покричать. Должны же ее услышать волонтеры или мужчины из МЧС. «Аау!» Но звук голоса прозвучал как-то уж слишком пугливо, застряв около нее, словно запутавшись в ветках. «Ауу! Дух лесноооой, выведи меня!» — крикнула вдаль громче и смелее. В ответ послышался шорох, потом топот. Все ближе и ближе. Алла застыла от ужаса, ей казалось, что она сейчас увидит всадника, летящего на всех парах прямо на нее. Прижалась к шершавому, колючему стволу, зашептала: «Помилуй, Господи, помилуй!» Совсем рядом, мимо нее, сквозь чашу, давя валежник, задевая рогами ветви, промчался огромный лось. Она даже ощутила его запах и услышала всхрапывающее и фыркающее, как у лошади, дыхание.

Вперед, уйти подальше от этого лесного чудовища, которое, скорее всего, и есть лесной дух. Алла устало перебирала ногами.

Снова пошли сплошные кочки, под ногами захлюпало. Она сделала несколько торопливых шагов в сторону, и вдруг одна нога почти до края сапога увязла в жидком месиве из травы и мха, а вторая, из страха провалиться и зачерпнуть воды, зависла над ним, как над бездной. Равновесие потерялось и накренилось в сторону увязшей ноги. Алла взвизгнула, пытаясь выровнять положение и вытащить ногу, но для этого второй ногой пришлось упереться в ускользящую кочку и сильно растопырив руки. Нога погрузилась все ниже и ниже, и вот уже мерзкая холодная

грязь хлынула в сапог, а она, растопырив руки, продолжала балансировать, пытаясь спасти свое положение. Опершись на кочку, пыталась вытаскивать ногу. Нога вытаскивалась легко, но без сапога, а если вместе с сапогом, то не вытаскивалась вовсе.

Через несколько минут отчаянной борьбы, жалобно попискивая и сопя носом, Алла, с красными щеками, с голыми ступнями, — сидела на поваленной сухой березе и всхлипывала. Перед ней лежал один сапог и два грязных, мокрых носка, похожих на двух раздавленных лягушек.

«Откуда это чувство безысходности?» Словно мох под ногами, высокомерные ели, вывороченные с корнями, кособокие рогатые и носатые коряги-пни, барабанивший над головой дятел и даже воздух стали злобно-враждебными к ней. Вверху тревожно зашумело, зашелестело, заволновалось: не долетая до земли, брызнул и зачистил дождь. Осталось окончательно промокнуть и сгинуть в этом непробиваемо-равнодушном мире, среди вязкого мха и темных стволов. Алла засунула одну босую ногу в единственный сапог, на вторую с трудом натянула два мокрых носка и, горестно повздыхав, снова попыталась идти. Но куда? Она все кружила, кружила на месте, боясь оказаться в болоте.

Пошла бы она назад, только где искать этот «зад», пошла бы она вперед, да болото идти не дает, а искать «право-лево» ей давно надоело.

Подлетела к ней стрекоза, долго виляла вокруг и около, потом стрекозе наскучило, и она улетела. Еще одна птичка, похожая на райскую, с ярко-оранжевой окраской, отчаянно стрекоча, словно ругаясь, следовала за ней какое-то время, то отлетая, то возвращаясь. Наверху, в небе, было ветрено и беспросветно пасмурно. Не пускает ее лес, гонит назад.

«Помоги, Господи, Помоги, Господи...» — вдруг зашептала торопливо, подняв глаза к небу, откуда за ней, конечно же, наблюдали. Нет, нельзя сидеть бездвижной колодой! Она будет искать путь! Топать, двигаться, идти, ползти, вперед, прямо и прямо, упрямо-прямо! Должна же быть дорожка или едва заметная тропинка, которая выведет ее, укажет направление к людям. «Помоги, Господи, помоги ничтожной рабе твоей». Алла выхватила из бурелома длинную палку, чтоб нащупывать впереди себя твердую почву. Игнорируя усталость, промокшие ноги, тяжелые от налившейся грязи, устремилась наугад, туда, где ели росли как будто реже и где виднелся просвет между стволами. «Помоги, спаси Акулиньку. Найдут Акулиньку живой — уверую!» Вперед, вперед!

И как будто что-то произошло. Непонятно что именно, но стало светлее. Солнце! Слабое, мутное солнце едва выглянуло из-за серой пелены, не солнце даже, а его слабый отблеск, но несколько секунд робкого света, и она успела повернуться к нему спиной. Вот она, тень, стрелкой указывает путь вперед. «Довольно испытывать судьбу!» — и, развернувшись на сто восемьдесят, Алла, тыча перед собой палкой, пошла в обратную сторону. Шагать, топтать, наклоняться, пролазить, перешагивать, перепрыгивать. Вытаскивать промокшие, грязные ноги с намозоленными ступнями. От напряжения стучало в висках, из носа текло, щеки пылали, от пота щипало глаза. Алла почти бежала, спотыкалась о сучья, острые, сухие ветки цепляли ее за ноги и за куртку. Мокрый сапог истер ногу в кровь, пришлось его сбросить и натянуть на израненную ступню носок.

Хотелось передохнуть, но было страшно: ну, как остановится, отвлечется на секунду — и снова потеряет ориентир. Потому шла и шла, пока не споткнулась и не рухнула лицом вниз, в серый, мокрый, усыпанный прошлогодней хвоей мох. Села на пенек, положила свою импровизированную, в сучках клюку так, чтоб она указывала путь выхода из леса, и только тогда расслабилась, обмякла. Так и си-

дела, как парализованная, без мыслей, без желаний, без чувств, в ватной пустоте, которую так полюбила за последнее время.

Вынула из кармана мобильный: часы на нем показывали без четверти пять. Не ровён час, не выберется засветло, тогда ей конец. Вставать не хотелось. Хотелось собрать разбросанные еловые лапы, устроить себе мягкое колючее ложе и спать... и спать... Глаза ее сомкнулись, по телу разлилась блаженная, приятная нега, стало тепло, сухо, тепло, мягко...

Вздрогнула. Осознание, что она заваливается боком, пришло во сне, как бывает, когда кубарем летишь вниз, в бездонную неизвестность, и вздрагиваешь, и просыпаешься у самой границы другого измерения. Стоп, дальше падать нельзя. Встала и, не обращая внимания на колющую в боку боль, зашагала, палкой нащупывая путь. Впереди нарисовался пологий бугор. Нужно подняться, чтоб под ногами было суше и тверже, поднялась и за бугром увидела провал, заполненный темной лесной водой. Вот он, ров, который выведет ее из леса! Но почему справа? Справа он был при входе в лес! Осталось увидеть избушку и сказать: «Спасибо, Господи!»

12

Алла проснулась на своей перине под крики петухов. Как тихо, тепло и безмятежно во всем мире. За окном брезжил рассвет, и уже блеснули первые лучи солнца. Она хотела резво вскочить и бежать вниз, к Наташе, но ноги ее, как бы вовсе не ее, а чужие, бесчувственные ноги, подкосились, и все тело заныло, словно ее голую отхлестали хворостиной. Снизу доносился скрип половиц, приглушенные голоса и знакомый сдобный запах свежей выпечки. С трудом, но выбралась из постели, спустилась вниз.

— Ах ты, Боже мой, детонька ты наша, сердце ты наше драгоценное! Ноженьки-то намозолены. Рученьки-то исцарапаны, — баба Настя, сложив руки на груди крестом, сокрушенно причитала, качала седой головой и смотрела жалостливо, как обычно смотрят на подобранных, полуживых, бродячих котят.

— Проснулась, вот и хорошо. Я баню затопила, пойдём, попаримся, да чайку напьемся, да и отдохай весь день.

Наташа буднично занималась уборкой: встряхнув салфетку, протерла на комод пыль, потом стала вертеть в руках нелепую длинную вазочку, рассчитанную на один цветок.

Бодрое Наташино настроение вселяло надежду.

— Новости какие?

— Хорошие новости. Акулиньку живой нашли. Говорят, дышала, когда подобрали.

— Вы нашли?

— Мы в другом месте искали, со стороны Вязников. Считанные метры не дошли.

Алла опустила на скамью, подняла глаза на икону, что висела в углу с еле различимым образом Христа, подняла руку, чтоб перекреститься и прошептать: «Слава тебе, Господи! Верую!» — но рука ее замерла где-то на уровне глаз.

— Где она сейчас? Где Акулинушка?

— В больнице, в больнице она. Скорая-то до Вязников приехать не могла, трактором пришлось везти. Там два трактора волонтерили, народ развозили, машины, увязшие в грязи, вытаскивали. Ты же видела наши дороги: выбоины да колдобины.

— Трактором?!

— Слушай, анекдот расскажу. Заасфальтировали в колхозе дорогу и собрали по этому поводу собрание. Даже начальство из города приехало. Вот выступает на трибуне председатель: «Дорогие колхозники! Взгляните, какую ровную и гладкую дорогу мы вам проложили. А было-то что! Колдоебина на колдоебине! Колдоебина на колдоебине!» Городской начальник ему шепчет: «Выбоина, дурень! Выбоина!»

«Вот, — продолжает председатель, — даже высокий гость из районной администрации подсказывает, что там, говорят, даже кого-то вые...ли».

— Наташа, позвони в больницу.

— Да не волнуйся, глупая, все уже хорошо, все позади! Врачи хорошие у нас

— Прощу тебя, позвони, есть номер? — Алла умоляла голосом мученицы, идущей на плаху.

— Есть. Когда Мария Тимофеевна заболела, мы ее в отделение ка-ардиологии отвезли, так...

— Прощу тебя, позвони! — она начала петушиным фальцетом, но голос ее сорвался, и фразу она закончила почти шепотом.

Наташа долго щелкала кнопками, потом с кем-то разговаривала отрывистыми, ничего не значащими фразами, потом набрала другой номер, еще и еще перезванивала. Потом опустила руки, лицо ее стало растерянным, глаза пустыми, словно стеклянными.

— Говори же, говори!

Баба Настя замахала на Наташу полотенцем.

— Говори же! — Алла выхватила у Наташи трубку.

— Не довезли. Умерла.

Алла тяжело выдохнула. Ну, вот и все. Все прошло. Все позади. Терзания, бессмысленная возня, маята, фантастические мечты, бессонные ночи. Все позади. Уже не нужно целыми днями томиться в неизвестности, флаконами пить корвалол, ждать известий, обманывать себя призрачной надеждой.

— Наташа, деньги вертолетные отдай в Бездельно на похороны.

— Сегодня же отдам.

— Все, пошла я в баню париться. Кто со мной?

Наташа очнулась и пулей помчалась, чтоб приготовить необходимое, командуя на бегу:

— Баба Настя, компот неси, компоту побольше!

В старой бревенчатой баньке, низкой и тесной, состоящей из предбанника и мыльной с одним высоким пологом и печью в углу, обложенной камнями, было жарко, влажно и пахло прелой травой. Воздух был неподвижный и такой насыщенно-густой, что слепил глаза и комком вставал в трахее.

Наташа с удовольствием терла губкой и хлестала Аллу по узкой спине, по плечам и по бедрам, то и дело восклицая:

— Ой, синяк огромный тут, возле попы, и еще на локте.

— Это я возле ментовки упала, у них там ступени скользкие.

— Как же ты ходишь, Аллочка? Сильно болит?

— А! Не обращаю внимания.

— И на предплечье. И на боку. Ужас, тебя словно батогами били. Ребра-то хоть целы?

— Это я в лесу на пне уснула и боком-то свалилась на бревно.

— Душенька ты моя, голубушка. Погоди, я тебе сеточку йодную сделаю.

— Не надо ничего. Похлещи еще немного, между лопатками, ага, здесь. Крыльцами это место у вас называется.

— Ага. Крыльца, крылья значит. Баба Настя «крыльця» говорит. Полеты во сне да слово «крыльця» остались от тех прекрасных, да-авних времен, когда мы летали как ангелы. Я бы наяву полетала.

— Мало разве налеталась?

— Мало, но это было прекрасно.

Наташа мечтательно замерла, прижав веник к груди, и Алле показалось, что она слышит буханье ее сердца.

— И у меня тоже когда-то были крылья, а сейчас вместо них груз жизненного опыта за плечами, точнее, рюкзак с ножницами.

— С ножницами?

— ...обрезать крылья молоденьким дурочкам вроде тебя и неисправимым романтикам, чтоб не упивались своими иллюзиями. А вот «крыльцо» — не родственное ли слово «крыльцам», не то же самое имеет значение? — Алла от своего открытия даже вскочила и села на полог. Но дышать стало труднее, и она снова легла, ощущая, как тепло проникает сквозь каждую клетку ее насквозь промерзшего тела.

— Не думаю.

— А я думаю. Крыльцо — как стартовая площадка для взлета. Взбежал на высокое крыльцо, раскинул руки, и-и-и-и-и... полетел! Или переночевал в избе, утром распахнул дверь — и в небо!

— Ну, ты такая выдумщица, тебе надо книжки писать.

Наташа тоже растянулась вдоль дощатого полога.

— Все уже до нас написано. И о том, что раньше мы летали, тоже написано в мифах Древней Греции.

— Я недавно лета-ала и ощущала, насколько это просто и естественно — летать! Даже во сне рассуждала: какие ж-же люди примитивные, почему они не дойдут умом: чтоб летать, нужно уловить и использовать разность плотности воздуха!

— А что, если сначала мы были ангелами, потом стали обычными земными человеками? Потом превратимся в животное, дальше — станем деревом, травой, камнем, песком, пылью и... затем превратимся в ничто?

— Вот фантазерка! Ангелами могут стать только священники, я так понимаю, но не все, а те, что прожили без греха, без ропота, достойно пройдя все мучения.

— Разве можно без ропота смотреть на несправедливость?

Наташа брызнула на камни ковшик кипятка с заваренной в нем мятой. Воздух сгустился еще больше, наполнившись душистым паром. Наташа легла рядом, продолжая задумчиво рассуждать:

— Я так понимаю, Земля — это сортировочный пункт. Поставит Господь перед тобой задачи и смотрит, как ты справляешься, чего в тебе больше — д-добра или зла, и в зависимости от этого определяет твое место после смерти.

— Земля — это не сортировочный пункт, а селекционная площадка по выведению человека идеального. А как его вывести? Для того и ставятся перед нами задачи, как ты говоришь, а по сути — опыты на выживаемость, чтоб выяснить, на что мы способны и чего можем достичь, а что нам не под силу, что нас может сломать, а что возвысит, насколько человек долготерпелив и насколько строптив. Отсюда мутации, болезни душевные, расстройства различные — от возложенной непосильной ноши. Вот Акулинушка попала под такую исследовательскую задачу.

У Аллы от одного имени Акулюшки молотом застучало за грудиной, она беспокойно заерзала, потом села, но вопреки внутреннему протесту, перешагнув через него, продолжила:

— Конечно же, заблудившихся в лесу девочек во все времена было множество. Но они были чуть старше или чуть моложе Акулюшки. И лес был другой, и условия,

и сами девочки другие. А для проведения испытания нужна была Акулинушка, со всеми ее данными и параметрами. Потому волонтеры, блуждавшие поблизости, не могли ее найти. Им глаза застили! Этот путь, эту страшную Голгофу она должна была пройти сама, выбраться или погибнуть.

Читала про фашистов? Они в концлагерях опыты ставили над людьми, сколько времени человек может прожить без пищи, без воды, без кислорода, ну и прочее, чего нормальному человеку в голову не придет. Некоторые из садистов, кстати, прожили до глубокой старости, в какой-нибудь теплой Бразилии или Аргентине.

— Не могу больше, за-адыхаюсь. И мозг сейчас взорвется.

Наташа встала и открыла форточку.

Вскоре они сидели в саду за столом, пили компот из ревеня, ели капустный пирог, домашний творог и тянули наливочку. Баба Настя в свой черед ушла мыться в баню. Зина, весь день пропадавшая невесть где, появилась в аккурат, когда старушка, розовая, разомлевшая, с полотенцем на голове, в теплом фланелевом халате, села за стол.

— От души натопили. Хорошо!

— А то рюмочку, баба Настя.

— А! Наливайте, девки!

Зина, бледная, с измученным, прыщавым лицом, не сказав ни слова, прошмыгнула в дом.

— Не нравится мне Зина, что-то с ней происходит, — сказала Алла, покачиваясь на стуле. Это наливка, снимавшая с нее все накопленное напряжение и развязывающая все психологические узелки, в том числе и язык, заговорила в ней уверенно и расслабленно. — Смотрю на ее ровесниц: поют, танцуют, дурачатся, хохочут... Ты бы поговорила с ней, Таша.

— Говорила не раз. И даже научила, как с безответной любовью бороться, по рецепту Аллы Романовой. — Наташа печально улыбнулась, и сразу стало ясно, что рецептом она пользуется, и лекарство хоть и медленно, но действует. — А комплексует из-за кривых зубов. Брекеты нужны, да только цена на них неподъемная. Ничего, справимся. Мы и не такое переживали.

— Мне кажется, в мой последний приезд она была намного худее.

— Возраст такой, переходный. Не поверишь, но я в ее возрасте тоже полной была. Да еще баба Настя с пирожками да булочками, от которых не оторваться. А какие она блины печет! Тонкие, с ажурной кромкой. Объедение. А как молоко топит до жареных корочек! Мммм!

Наташа нежно взглянула на бабу Настю, которая, налив из термоса заваренный шиповник, никак не могла к нему подступить, таким он был обжигающе горячим.

Алла, наоборот, посуровела:

— Пожалуй, пора завязывать с пирогами да булками. Когда тебе полтинник, то природа отказывается от тебя: зачем питать своей энергией старых гримз, списанных на обочину жизни? Вот мы и начинаем судорожно компенсировать ее за счет пищи: едим много, без меры и сытости, но только набираем вес, зашлаковываемся, а жизненных сил все меньше.

— Хватит на наш век, — бросила Наташа и, повернувшись к дому, крикнула:

— Зина! Зина! Баня еще не остыла, не хочешь ли пойти?

Зина не откликнулась, и Наташа пошла за ней в избю.

— Ох, не просто с ними, с детьми, — баба Настя пила чай по старинке, из блюдца.

— Настасья Ивановна, почему Акулюшка погибла? Почему ее ангелы не спасли? Она же совсем крошечная, беззащитная!

— Кто его знает? Неисповедимы пути Господни. Для боженьки, что высоко смотрит, все равны, нет ни малых, ни старых. Может, она за свою мати с отцом, непутевых, пострадала, вырвала их от мук адовых.

— У вас, Настасья Ивановна, были дети?

— Не дал Господь.

— Вот потому ты баба Настя всегда такая жизнерадостная, живешь не тужишь. Были бы дети, они бы тебе кровь-то повыпили. Я раньше хохотушка была, радовалась каждому пустяку, смеялась от каждой глупости. И сейчас еще чувствую потребность в веселье и смехе, только повода нет, да и разучилась я смеяться беззаботно.

На крыльце показалась Зина в цветастом старушечьем халате, в одной руке у нее был пакет, в другой — большое мягкое полотенце, — она направилась к бане, а Наташа с довольным видом вернулась к столу. Ее русые, почти высохшие волосы, были распущены и начинали пушисто виться вдоль щек и на плечах.

— Еле уговорила Зинку помыться, — доложила она удовлетворенно. — Давайте же чай пить!

— Вот если поеду в город, напомните, чтоб самовар привезла. Медный, огромный. У меня без дела стоит где-то в кладовой.

— Ой, самовар на с-столе, как в старину — это такая роскошь!

— Вот твои волосы — настоящая роскошь. Ходи так всегда. Тебе идет, — Алла смотрела на густые рассыпчатые пряди с нескрываемой завистью.

— На работе нельзя. Да и не привыкла я. Мне кажется, я буду выглядеть неряшливо и легкомысленно. Н-не девочка, поди.

У калитки стукнула деревяшка и раздался звучный голос соседки Прохоровны:

— Есть кто дома?

— Заходи, Прохоровна, все дома.

Соседка, крупная, с прической «улитка», пахнувшая умопомрачительным цветочным ароматом, заполнила собой все окружающее пространство.

— Малина в саду поспела, вот, соседочки, угощайтесь.

Поставила на стол бидончик, наполненный отборной спелой малиной и чекушкой спирта. Работала Прохоровна в Егоровске в мастерской по ремонту бытовой техники, и спирт им выдавали для протирки деталей. Все сотрудники выносили понемножку, ну и она тоже.

— Ой, матушки вы матушки, досталось вам лишенько, — начала она, сочувственно качая головой. — Слышала, весь лес ноженьками истоптали. Дожди прошли, поди, сыро в лесу ноне.

— Садись, выпей наливочку, Прохоровна.

— Акулюшку-то, аспиды, не довели до больницы.

— У вас были дети, Ульяна Прохоровна?

Алла почему-то была уверена, что выводок, ежедневно пасущийся на улице — это ее дети.

— Я люблю детей, но своих Бог не дал.

— А чьи на улице играют?

— Так племянники на лето приехали. У меня, Аллочка, доча была приемная, только через полгода ее пришлось назад в детский дом вернуть.

— Сдать назад? Что же произошло? — Алла заерзала в ожидании интересной истории.

— Ну, как с Колей я рассталась, уж так тяжело на сердце было, думала, прости Господи, руки на себя наложу. Тут мне и присоветовали: помоги, говорят, Прохоровна тому, кому хуже, чем тебе. Приехала я в Егоровск за ребеночком в детский дом. Думаю, возьму самого несчастного, всеми брошенного. Мне на девочку двенадцати лет указали, мол, ее по старшинству — никто не возьмет, так и не узнает дитя ласки материнской. На том и порешили. Полгода я бумаги оформляла, и еще полгода она у меня прожила. На этом наше общение закончилось. Уж я ли не старалась для нее, я ли не душу за нее была готова положить!..

Баба Настя утвердительно кивала:

— Помним, милая, как не помнить.

— Работу хорошую поменяла на вредное производство, чтоб день укороченный и зарплата больше. Деньги, что копила — все на нее потратила. Ожила, как муха весной, домой с работы на крыльях лечу, все стараюсь, готовлю, чтоб повкусняе да пожирняе. Пианину купила в комиссионном, в музыкальную школу два раза в неделю возила в Егоровск-то. Только слышу от девки моей: то не буду, другое не хочу. Учителя жалуются, не слушает, уроки пропускает. Родители в школе и вовсе на нас окрысились, на меня смотрят аки на врага, деньги-де она отнимает у школьников, ворует по мелочам. Надо ехать в школу музыкальную — ее нет. Бегаю, ишу — нет девки, пропала девка! Промучилась несколько месяцев, однажды взяла ее за руку, усадила силой напротив себя и говорю: «Давай, девонька, поговорим по-доброму. Вишь как я стараюсь тебе во всем угодить. Ты тоже иди мне навстречу. Иначе ничего хорошего у нас не получится. Ты, говорю, пошто ворует? Не воруй, а лучше мне скажи, чего тебе не хватает. Ты, говорю, уроки не пропускай, вникай во все, учителей уважай». Многа разов мы с ней беседовали, все бесполезно, все зазря. Я даже книг по воспитанию накупила, с людьми умными советовалась.

Мария наша Тимофеевна, царствие небесное, совет хороший дала: говорит, девка твоя непослушна да строптива, а ты не заводись, не кричи, не ерпенься. Делай лицо, как у Богородицы, мирное, да кроткое, да строгое. Девка-то побесится-побесится, и, Бог даст, отпустит ее нечистый. Ну, попробовала я эдак-то. Открываю дневник, читаю: уроки прогуляла, отвечать у доски не стала, одноклассницу побила... И делаю лицо такое тихое да ласковое. Глажу ее по голове:

— Что же ты, детонька моя, мучаешь себя, — говорю, — сама себе жизнь портишь, нельзя эдак. А она в крик:

— Ненавижу тебя! Отстань! — и укусила меня.

Прохоровна задрала рукав и показала розовый шрам на пухлом запястье.

— Сколь годов прошло, а все заметно. Ой, много чего было, тяжело вспоминать. Вернула девку, да она и не упиралась. Кабы мне потерпеть подоле — может, и выровнялось бы дите. Да ведь я сама не железная.

Когда Прохоровна встала, Алла тоже решила пройтись до реки, чтоб в тишине и одиночестве посмотреть на розовый закат. Она уже предвкушала, как сольется с туманным космосом и будет размышлять, и задавать вопросы, и слышать ответы, и, быть может, встретит появление маленького танцующего эльфа, который из-за непогоды не показывался на небе уже несколько дней. По дороге она загадала: если вдруг на пути столкнется с багюшкой — мимо не пройдет, но подойдет и посоветуется, как ей быть дальше со своим клятвенным заверением. И одновременно в душе она не желала, страшилась этой встречи. Но не успела она дойти до церкви, как услышала крик:

— Алла, Алла!

Кричала Наташа. Отчаянно, страшно. Алла, сорвав с плеч шаль, бросилась к дому бегом.

Дорога успела подсохнуть, но из-за глубоких расщелин в асфальте разогнаться не удавалось, и, чтоб хоть немного ускориться, почти весь путь пришлось ехать по обочине.

— Сюда, — командовала Наташа, когда они оказались среди печально знакомых панельных коробок и затерявшихся среди них больничных корпусов, — теперь направо, в конце длинного дома снова направо, сюда, в ворота, въезжай!

Алла сразу кинулась в приемный покой за помощью, а Наташа осталась с истекающей кровью Зиной. Спустя несколько минут Зину на руках унесли двое щуплых санитаров, и подол ее цветного халата был не цветным, но сплошь красным, а Наташа бежала рядом, боясь, как бы не уронили ее дочь.

Потом сидели в узком больничном коридоре, на порезанном и исписанном фломастерами топчане. Наташа всхлипывала и вытирала кончиком платка уголки глаз, Алла рассматривала больничные плакаты о дизентерии, о СПИДе и о паразитах, которыми заражено все человечество, о первой помощи при остановке дыхания и думала про себя: «Вот бегаю я, ношусь, копошусь и до всех мне как будто есть дело. А что творится в моем доме с моим сыном — знать не желаю. Есть ли в этом какой-то перекося и несоответствие?» И сама же ответила: «Нет перекося! За Тему я боролась не один год, старалась, пыталась, тратила душевные и физические силы, вкладывалась материально, и если ничего из ее стараний не вышло, значит остается покорно ждать конца эксперимента.

Говорят же: делай все возможное, а невозможное сделает Господь. И если Господь молчит, то ей тем более остается молчать и наблюдать. Хорошо Прохоровне: пошла и вернула нерадивую девку назад, а мне куда его вернуть? Так и будет висеть тяжким грузом на моей хрупкой шее, пока не закончится садистский опыт: или я его, или он меня».

Наташа тяжело уткнулась лбом в ее плечо и, схватив за руку, зашептала:

— Как же я виновата перед ней! До конца жизни не оправдаться!

— Перестань, — Алла погладила тонкую руку, — делай лицо, как у Богородицы, смиренное, строгое и... не помню, какое еще?

— К-кроткое, — шмыгнула носом Наташа.

— Вот поправится, выпишут ее, и выпорем твою Зину по голой жопе как следует. Ишь, чего надумала, аборт себе провоцировать! Узнать бы, кто из деревенских ее научил...

— Только ты с Прохоровной ушла, я д-думаю, чего это Зины так долго нет. Пошла в баню, а она там м-молча корчится, и весь полог в крови.

Наташа все так же упиралась лбом и все так же шептала, глотая слезы, и не замечала, что из носу у нее текло, и подбородок был в слюне и соплях. Алле хотелось брезгливо сбросить тяжесть с плеча, безмятежно расслабиться, быть может, вздремнуть несколько минут, но вместо этого она лишь с досадой вытерла ей носовым платком нос и подбородок и, все более раздражаясь, думала о том, сколько еще им придется сидеть в этом пропахшем лекарствами больничном коридоре, о том, что ее снова ждет дорога по ухабам и буеракам, и от этого ей становилось все тоскливее и злее.

Спустя часа два они возвращались домой. Наташа сидела молча, смотря под ноги. Свободно падающие пряди волос закрывали профиль, и понять выражение ее лица было невозможно.

— Слышала, врач сказал, что вовремя ее привезли? Если бы ждали скорую — могли бы потерять нашу Зину, — сказала Алла, чтоб разорвать это гнетущее молчание.

— Слышала.

— Скажи честно, хотелось бы тебе иметь внука или внучку?

— Не думала на эту тему. К-конечно, жаль невинное дитя, будь он в Бориса наверное, был бы очень красивым.

— Да уж, если рожать, то от красавца.

Аллу снова начала раздражать беспробудная Наташина наивность и ее упрямое нежелание смотреть в глаза очевидности, потому с усмешкой добавила:

— Только с чего ты взяла, что она от Бебешки залетела, Зина твоя?

— Т-так она мне са-ама сказа-ала, — Наташа начала спотыкаться чаще обычного, и это выдавало ее волнение. Она вдруг заелозила. — Ты не веришь? Т-тогда от кого?

— Какая теперь разница, от кого. От Бебешки, от его таджиков или от твоего Аркадия — не все ли равно...

Наташа напряженно замерла, и ее упорное молчание грохотало небесным громом встречного грузовика, подпрыгивало на мягких кочках обочины, хлопало в лобовое стекло резкими порывами ветра и озверевшими псами лаяло из деревенских подворотен.

Дорога чем дальше от Егоровска, тем дремучее. Знакомый поворот вел в сторону заколоченных, заброшенных деревень, туда где Безнадежно-Бездельно, черт бы его побрал, и где частная земля перекрыта шлагбаумом.

«Деревья, деревья, тревожные кроны. Дорога, дорога... Заслоны, кордоны... Усталые избы. Корявые избы. Разбитые судьбы. Корявые судьбы. Разбитые версты... кресты и погосты».

Вот уже и холм с березками показался и верхушка колокольни, но до дома было еще недалеко.

— Останови, я в-выйду, — вдруг сказала Наташа.

— Ты чего?

— Оста-анови! Я пешком пойду.

Алла взяла правее, припарковалась под развесистой пыльной липой и приготовилась к потоку упреков и, быть может, даже к слезам и истерике. Наташа несколько секунд растерянно глотала воздух, словно желая что-то сказать, но вдруг замотала головой, вышла, не закрыв дверь, и пошла по обочине решительной походкой, нелепо размахивая руками, отдаляясь все дальше и постепенно погружаясь в седую, туманную дымку. Она так и не причесалась после бани, и Алла с минуту наблюдала, как ее волосы тяжело и рассыпчато прыгали по плечам и спине.

...Чтоб захлопнуть дверь, пришлось, изогнувшись, тянуться к ручке. Наконец она повернула ключ зажигания и поехала. «Вот уж точно, не делай добра — не получишь зла. Теперь я еще должна чувствовать себя виноватой в том, что ее Зейнат превратилась в гулящую девку». Алла прибавила скорость и вскоре въезжала на пригорок. Мимо загонов, огородов, мимо сараев и вросших в землю избушек.

Молча взлетев вверх по ступенькам мимо оторопевшей, что-то пытавшейся спросить бабы Насти, хлопнулась лицом вниз на мятую, не заправленную с утра

постель. Полежав так с минуту, резко вскочила и принялась за уборку. Начала со злополучного шкафа, из которого шел затхлый запах и по вечерам вылетела серая моль и осаждала оконные рамы.

Драповое пальто, облезлая котиковая шубка, узкая длинная юбка, вязаные кофты с вытянутыми карманами, несколько сумочек и стоптанные туфли полетели в одну сторону — это нужно сжечь. Платица в горошек с пожелтевшими манжетиками и кружевными воротничками, шелковые блузки с высокими плечиками, всевозможные шляпки с цветами и вуальками — в другую, с этим нужно разобраться, постирать, подштопать, этот антиквариат она с удовольствием будет носить. Судя по всему, у Марии Тимофеевны в молодости был хороший вкус и неплохая фигура. Потом выдвинула все ящики с вышитыми салфетками, полотенцами, нижним бельем, шарфиками и прочим, снова аккуратно по-хозяйски рассортировала: что оставить, а что выбросить. Шкаф опустел, а на полу выросли две кучи всяческого барахла, одна темная и тяжелая, вторая, поменьше, цветастая и легкая. Не откладывая в долгий ящик, завернула тяжелое в старую скатерть и потащила к высокой железной бочке в конце сада. На дно бочки бросила бумагу, немного щепок, все это полила самогоном и подожгла, потом набросала вещей и снова полила и подожгла. Огонь вспыхнул так ярко, что еле успела отскочить.

Накипятила воды, протерла и вымыла всю мебель, пол и скрипучую лестницу. И не забывала сбегать вниз, чтоб смотреть, не слишком ли опасно разгорелся костер.

Баба Настя исчезла, очевидно, тактично не стала лезть под горячую руку. Вот и хорошо! «Надоели все! Плевать я хотела на всех! Пусть убираются, куда хотят, подумаешь!» Алла не заметила, как изгрызла ноготь на мизинце, а заметив и спохватившись, бросилась за пилочкой, и, красная от напряжения, тяжело дыша, начала отчаянно подпиливать обкусанный палец.

Распахнула окно. День склонялся к вечеру, из сада доносился стрекот кузнечиков, пели петухи, где-то лаяла собака, и Алла поймала себя на мысли, что эта музыка не раздражает ее, а кажется приятной и успокаивающей. Сбежала вниз и давай заполнять бочку до отказа, пусть с бараклом сгорит все ненужное, темное, тяжелое, пусть станет чище, светлее и легче на душе. Костер трещал, то дымился, то вспыхивал, заполняя сад черной гарью.

Потом снова неслась в дом. Залила маслом дверные петли и даже щели в половицах, чтоб не скрипели. Бегала, таскала, убирала... Вот тебе и шейпинг, и тренинг, только музыки не хватает. Уфф!

Однако Наташи все не было. «Наверное, сидит сейчас у какой-нибудь подружки и жалуется на хозяйку, мол, приехала стервь, свалилась неожиданно-негаданно на ее голову, как без нее всем было хорошо и спокойно! Или с бабкой Настей кости ей перемывают. Вот пусть и живут у нее, подумаешь, печка дымит, вот наконец и печку починят!»

Алла все выбегала и выбегала в сад. Наконец, прогорев, костер в дальнем углу начал гаснуть, бочка наполнилась пеплом. Алла зажгла по традиции неиссякаемые свечи и смотрела на пустой с одиноким подсвечником стол, за который и сесть, кроме нее, было некому. Это было необычно, и она не могла понять, радует ее это обстоятельство или огорчает. Там, в городской квартире, она мечтала об одиночестве, но здесь, в деревне, ее никто не ограничивал в личном пространстве, никто не мешал ее покою, никто не строил козни, никто не угрожал и не «стоял над душой».

Снова поднялась наверх, чтоб рассовать в просохший шкаф свои вещи.

Когда развешивала на плечики куртки и блузки, неожиданно под ногами что-то хлопнуло. Алла наклонилась и подняла с полу деревянную дощечку, небольшую,

с блестящим металлическим покрытием. Икона! Стояла и с изумлением разглядывала потемневший от времени, аскетически-строгий и одновременно добрый лик Николая Чудотворца в серебристом окладе. Бережно протерла икону чистым полотенцем, лик от этого не стал светлее. Поставила икону на стол, прислонив к стене. Теперь, в какую бы сторону она ни пошла, икона следила за ней взглядом, строго и осуждающе. Пришлось отнести икону вниз и поставить на этажерку. Но строгий лик продолжал ее преследовать, даже если она была в саду, икона напоминала ей о ссоре с Наташей, о своей клятве: «Найдется живой — уверую!» и о том, как отчаянно она молилась в лесу. Оставалось оправдывать себя: должен же Бог понять, что она давала обещание в стрессовом, не совсем адекватном состоянии. Что не она загнала старуху и ребенка в лесную чащу, не она виновата в том, что родилась отзывчивой и равнодушной, не ее вина, что сильные и бывалые мужчины отыскивали ребенка слишком поздно, не она везла ее на тракторе по бездорожью, и не она распорядилась — жить Акулиньке или умереть. И теперь она клятвопреступница только потому, что возжелала ясности и гармонии в этом запутанном, жестоком и равнодушном мире, заселенном маленькими и слабыми, ранимыми и чувствительными, как она, натурами.

Алла решила, что пора наконец ужинать, и стала накрывать на стол. Поставила тарелку с творогом, розетку с домашним джемом, хотела пойти на кухню и сделать омлет с помидорами, но передумала, достала из холодильника водку, лимон, нарезку копченых кальмаров и вернулась в сад.

«Только слабые, бесхребетные и безвольные боятся одиночества, — размышляла она, выдавливая половину лимона в рюмку. — Если человек боится одиночества — его лучше сторониться. Такая особь всегда в поиске, всегда в готовности сбросить свои проблемы на постороннего. Она снова вспомнила прошлогоднюю поездку в Турцию, большой стеклянный аэропорт Анталии, где она, ожидая регистрации на самолет, вынужденно слушала бесконечную трескотню ерзавшей рядом соседки, пустую, бессмысленную болтовню о плохой погоде, холодном море и дешевом шопинге. Наконец Алла не выдержала, встала:

— Присмотрите, пожалуйста, за вещами, я схожу за мороженым.

— Ой, возьмите и мне.

Когда вернулась и протянула даме мороженое, та с новым энтузиазмом принялась трещать о турецкой бане, о том, как ее обманул гостиничный гид с путевкой в Памукале, что на улице такие путевки стоят в два раза дешевле, и какую роскошную, расшитую золотом галабийю она купила в Манавгате, и какие дешевые гранаты в Сиде — и даже мороженое не помогло ей заткнуть рот.

Когда на табло загорелся их рейс, соседка вдруг засуетилась:

— Ой, как же я понесу эту тяжесть?!

И, обратившись к Алле, указав ей на одну из спортивных сумок, невозмутимо заявила:

— Возьмите вот эту, она полегче.

Алла приподняла ту, что «полегче», и ощутила, что неподъемная сумка вжала ее в пол, укоротив ее рост и удлинив руку на несколько сантиметров.

— Нет, милая, неси сама.

Она еще хотела напомнить даме про долг за мороженое, но что-то ей подсказало — о двух долларах проще забыть, и зашагала вперед легкой походкой, забросив на плечо невесомый рюкзак с купальниками, сарафанами и подарками сыну и себе, ни минуты не сомневаясь, что болтливая соседка перекинула свой груз на чужие плечи.

«Мне одиночество приятно, — думала Алла, покрывая глянцевыми ломти белого снежного творога густым малиновым джемом. — Никто не мешает размышлениям,

ни под кого не нужно подстраиваться, ни с кем не нужно делить личное пространство». Она подняла глаза в темное небо, туда, где весело кружился серебристый танцующий эльф, и решила немедленно идти к реке. И это решение обрадовало ее.

Накинула на плечи цветную шаль с кистями и направилась в сторону главной улицы. Все последнее время мечтала о той минуте, когда она, не имея ни забот, ни тревог, ни повода для волнений, пойдет к реке, с одной лишь целью насладиться прекрасным видом, томными ивами у края берега, золотым пляжем и безбрежной далью. Ей хотелось видеть низко нависающий над рекой мост и радоваться каждому путнику, торопливо шагающему в ее село, приятно было наблюдать за женщинами в платках и длинных юбках, опаздывающих к службе, и слышать над этим великолепием колокольный звон, и растворяться в туманном горизонте и в окружающем космосе.

Но когда она, замедлив шаг, проходила мимо маленького, в два подслеповатых окошка, домика бабы Насти, то отметила, что свет в избушке горит, слабо мерцая, еле освещая горницу. Внутри, за занавесками, как будто мелькали тени. Алла вспомнила, что старушка давно жаловалась на дымящую печь и перегревшую проводку.

«Боже, как она живет при свечах, в крошечной темноте, и спит в нетопленной избе?» Неожиданно для себя Алла развернулась и направилась к избушке. Открыла калитку, ступила на крыльцо. Долго стояла и слушала, что там, за дверью, не смея пошевелиться и даже дышать, и думала, что надо бы уйти, но двинуться с места не могла. Наконец тихонько постучала.

— Ах ты, моя детонька, сердце мое золотое, беспокойное, Аллочка к нам пожаловала.

Дверной проем был таким низким, что она едва не удалилась лбом. В горнице возле печи стояла Наташа. Пляшущие по стенам тени мешали разглядеть ее ясно, но все же Алла увидела, что ее плечи прикрывала некогда пуховая, вытертая до дырок шаль, щеки ее были в саже, а в руках она держала кирпич, видимо отвалившийся от кладки.

— А я вот прибиралась наверху и нашла икону Николая Угодника, маленькую, но в окладе. Вот думаю, можно ли ее считать нерукотворной и чудотворной? — Алла была рада такому серьезному поводу для разговора и возможности удивить обиженных ею женщин.

— Ах ты, детонька, какую добрую весть нам принесла! Икону нужно отцу Иову показать, освятить. Да где же ты ее нашла, сердце мое золотое, избранница Божия?

— Наверху, в шкафу. Когда уборку делала. Она сама мне прямо под ноги упала. Пойдемте, взглянете. Наташа, хватит уже мучиться с печкой и хватит дуться. Завтра вызовем печника и электрика. Идемте домой.

Наташа молчала.

— Хватит вам, девоньки, забижаться. Пойди, Наташа, глянь на диковину, — баба Настя умильно глядела то на одну, то на другую.

— Знаешь, Алла, нам нужно от-тдохнуть друг от друга. В последнее время на нас столько всего свалилось — не ка-аждый выдержит. Я пока у бабы Насти живу, мне нужно много чего обдумать и решить, думаю, и тебе т-тоже.

Алла, не ожидая такого поворота, растерялась. Она, конечно, не ждала радостного приема с объятиями и киданиями на шею, но надеялась, что ее предложение вернуться будет воспринято милостиво и благожелательно. Жизнь в этой средневековой избе без света, без телевизора, без возможности согреться в непогоду и вскипятить чайник ей представлялась невозможной, несусветной дикостью.

— Наташа, прости меня. Я вздорная, взбалмошная, неуживчивая. Помнишь, как у Булгакова: я долго плакала, а потом стала ведьмой?! Но у меня в мыслях не было тебя обидеть. Не могу я вернуться в пустой дом. Баба Настя, пойдёмте уже, я омлет приготовлю, напьёмся чаю горячего. Наташа, я в больницу дежурному врачу звонила, с Зиной все в порядке.

— Мне сказа-али, ее дня через три выпишут.

Наташа, чумазая, все так же неподвижно стояла с кирпичом в руке.

— Простите же вы меня, наконец! Давайте поможем друг другу жить и радоваться каждому дню. А у бабы Насти еще наживёмся, когда наш дом отремонтируют начнут.

— Душенька наша, сердце золотое, да рази ж мы...

Баба Настя прослезилась.

— Наташа, хватит дуться, бросай уже этот булыжник! И давай завтра порыщем на чердаке, вдруг да найдем клад или волшебную лампу Аладдина с джином внутри, на худой конец?

Наташа словно очнулась, кирпич из ее руки выпал, и она, пожав плечами, улыбнулась.

14

На залитой солнцем площади перед церковью возились дети, гуляли гуси и коты, березы переговаривались, шурша листвою, игриво качали, цеплялись ветвями за ветви соседок-подружек. Алла с грустью посмотрела в сторону реки, куда ее манил туманный простор и зеркальные отражения ив, но, отложив прогулку на более позднее время, смело шагнула в церковь. Здесь, после Наташиного звонка, ее уже ждал отец Иов. В церкви было прохладно, сумрачно, пахло ладаном, иконостас мерцал благородно и тускло. Алла подошла к высокой иконе с изображением воина в плаще и с мечом в руке. Золотые и красные тона притягивали взгляд, и казалось, что икона искрилась и благоухала едва уловимым запахом лилий.

— Александр Невский, — сказал за ее спиной отец Иов, — в прошлом году в праздник Усекновения Главы она у нас замироточила. Нет, прошу прощения, ошибаюсь, в Праздник Усекновения главы Иоанна Крестителя мы обрели эту икону, а замироточила она на праздник Крестовоздвижения.

Они ушли в дальний придел с большой крестильной чашей, батюшка прикрыл дверь, Алла отдала ему корзинку со снедью и протянула образ Николая Чудотворца.

— Вот, вчера выпала из шкафа, прямо мне под ноги.

— Найти икону — хороший знак, не случайный. Значит, пора вам обратиться к Богу.

Отец Иов задумчиво разглядывал письмо, то подносил к глазам, то отдалял.

— Похоже на конец девятнадцатого века. Берегите, — сказал он и так проницательно взглянул на Аллу, что ей показалось, будто она находится в кабинете врача, молодого, интересного мужчины, и сейчас ей предстоит осмотр. Она уже пожалела о своем приходе, понимая, что она, взрослая дама, прошедшая суровую жизненную школу, находится с ним на разных возрастных, умственных и интеллектуальных уровнях. Она не сможет говорить с ним откровенно из страха, что, обнажив перед ним душу, не найдет ни понимания, ни отклика. Но и уйти, сбежать от разговора было бы вовсе глупо.

— Правильно ли я понял, что вы хотели мне что-то рассказать, о чем-то посоветоваться.

Алла вспомнила Наташины слова: «Умная ты, во все стараешься вникнуть, а покоя в душе нет, опыры в сердце нет. Направо идешь, налево идешь — все у тебя клин да палка, а ты попробуй с Богом, да с миром, да с верой, исследуй эту сторону, куда еще не ходила. Увидишь, как все изменится».

«Другой путь? Земля наша тюрьма, и каким бы путем ни пошел, хоть налево, хоть направо, везде тюрьма».

«Но если не попробуешь — как узнаешь?!»

«Боюсь пробовать. Я так понимаю, что атеисту жить проще, он может грешить и при этом жить припеваючи, если его действия касаются земного уровня и не затрагивают Божественное. Но если вступаешь в диалог с Богом при земной жизни и при этом даешь ложные клятвы, оскорбляешься из-за несошедшего ожидаемого богатства или, наоборот, из-за свалившейся неожиданной болезни, ведешь себя неподобающим для православного образом, не то сказал, не так ступил — то будешь наказан при жизни и будешь уничтожен мучительно, в душевном аду».

«Аллочка, да ты больше верующая, чем я, и все правильно понимаешь, только верующий никогда не остается один со своими проблемами, и никогда не поздно раскаяться, чтоб получить прощение. Действительно, нужно следить за словами и поступками. Я вот у Бога не прошу ничего материального, только правильных мыслей и поступков». «Наверное, поздно мне искать другой путь. Устала я биться головой о стену».

«Там не стена, там — небо!»

И вот Алла набрала воздуха и кинулась, как в небо.

— У меня проблемы, батюшка. Я запуталась, не знаю, что делать с самой собой и с моим сыном. Начну с себя. В церковь я не хожу, не помню, когда исповедовалась и когда причащалась. Но случается попасть в беду, начинаю на автомате твердить «помоги, Господи», а когда узнала, что заблудилась девочка, и вовсе поклялась «найдут ее живой — уверую». И вот ее нашли живой, а по дороге она умерла. Что делать?

— Верить!

— А как верить, если веры нет. В кого верить, если ребенку четырехлетнему смерть мученическую уготовили, на Голгофу отправили?!

— «Сия тайна велика есть». Мы все земными мерками меряем, но земля наша — не весь мир, и промысел Божий нам неизвестен. Смерть Акулиньки мученическая, возможно, помогла многим от адских мук спастись, а здесь, в миру, у многих пробудить душу на добрые дела.

— Почему же ангелы ее не спасли?

— Этого мы не можем знать, как не можем знать, мучилась ли Акулинька. Дети, невинно страдающие и умирающие, — сорбент мира. Они собирают в себя его грех, его грязь. Если бы не их страдания, мир бы, наверное, погиб в страшных мучениях... Невинные жертвы — как невинной жертвой стал и Сам Христос. А без веры нельзя.

Вот ты говорила, что в самых экстренных и опасных ситуациях начинаешь молиться «Господи, помилуй» — и эта короткая молитва тебя всегда спасала. А ты спрашиваешь, верить или нет. «Стучите, да откроется, ищите, да обрячете».

— Я, батюшка, стучу, да, видимо, не туда, устала разочаровываться: я разочаровалась в друзьях и возлюбленных, разочарована в семейной жизни, в ребенке своем, даже в родителях, разочарована в деле своем, которое начинала с таким энтузиазмом, нет ничего, в чем бы я не разочаровалась, теперь боюсь фанатичной веры, боюсь в ней разочароваться. С чем я останусь? Нет, не боюсь, что истово поверю, а боюсь, что меня снова предадут.

— Скажем так: боишься спастись. Не бойся, прими всем сердцем и сразу. Начни с чтения Закона Божьего. Читай Евангелие, псалмы, молитвы, приложи усилия! Сделаешь навстречу вере шаг — а тебе навстречу два шага сделают.

— Я однажды открыла псалмы, там церковнославянским языком написано. Ничего непонятно! Какой смысл в чтении, если текст непонятен?

— Все равно читай! Тебе непонятно — бесам понятно! Постепенно и сама вникнешь. И почувствуешь, как жизнь твоя начнет налаживаться. Что с сыном твоим?

— Пьет, батюшка, беспробудно. Не работает. Совсем пропащий, невменяемый человек. Я уехала и даже не знаю, как он там, в порядке ли квартира.

— Сидел в тюрьме?

— Сидел, батюшка, за мелкое воровство. Нужно же на что-то пить было.

— Тому, кто сидел — выкарабкаться трудно, засасывает этот темный омут, выкарабкаться непросто.

— Да почему же выхода нет? Вот говорят, кто сидел — тот и дальше будет сидеть, кто пьет — тот в зависимости. Алкоголь, мол, в мозг встраивается. А я сына с трех лет по театрам, по музеям водила, по выставкам! По путевкам ездили и по России, и за границу. В бассейн с пяти лет, на дзю-до с шести. Так почему же он не попал в зависимость музейную, театральную, спортивную? А чуть сел в тюрьму, чуть выпил водки — и пиши пропало?!

— Так устроено, Алла Романовна, если бесы хоть раз займут территорию — без боя не отдадут. Все равно, какую территорию: хоть дом, хоть целую деревню, хоть душу человеческую. Нужно понять, что сын твой в плену темных сил. За него бороться нужно молитвой, постом, верой! Надо уверовать самой. Иначе — ежели не можешь сам плавать, как же утопающего спасешь?

— Устала я его спасать. В больнице лечила, в частной клинике подшивала, кодировала — все бессмысленно. Такое впечатление, что бесов кормила.

— Так и есть. Но что человеку не под силу — Богу под силу! Любовью, молитвой, постом лечится всё! Вот ты икону нашла Николая Угодника. А ведь за Егоровском километрах в тридцати есть монастырь мужской, Никольский! Съезди туда, поговори с отцом Дмитрием, может, возьмут твоего сына трудником. Спиртного там не достать, магазина рядом нет. Поработает на сенокосе, подышит свежим воздухом, пообщается с природой, с коровами да лошадьми, да помолится с братией. Глядишь — очухается. Опять же источник святой там есть с купальней. Но насильно там никого не держат.

— Завтра же туда поеду! — Алла вдохновилась представленной картиной и кажется, готова была сорваться с места сию минуту.

Дома она вытащила из шкафа рюкзак и начала забивать его вещами. Решено! Завтра она едет в Никольский монастырь, а из монастыря в город. Если с сыном все в порядке — уговорит его поехать с ней, силой, обманом, неважно... Она придумает как! Еще нужно в салон заехать, забрать выручку. Уф-ф, столько дел! А еще продуктов купить в Егоровске для... как его... пожертвования! И денег придется оставить, если Артема возьмут. Нет, все-таки права Наташа, и прав отец Иов: только я сделала полшага навстречу вере, как у меня появился новый шанс для спасения сына.

Пришла с работы Наташа.

— Была у отца Иова? — спросила она первым делом

— Была. Сказал, нужно ехать в Никольский монастырь, просить, чтоб сына взяли трудником.

— Ой, как было бы хорошо! Я б с тобой съездила, да с работы не отпустят, и так много пропустила. В монастырь ехать — длинная юбка нужна и платок на голову. Дать тебе?

Наташа направилась на кухню, Алла за ней. В маленькой кухне-закутке, с одним лишь столом, на котором под белой салфеткой продукты и тарелки были свалены горой, настенным шкафчиком и газовой плитой, всегда пахло мятой из-за развешанных сухих пучков трав.

— Все есть, — сказала она, доставая из пакета хлеб. И вдруг замерла с ножом в руке. — Меня одно волнует — жив ли Артем? Много раз звонила соседке, и она каждый раз отвечала, что не видела его в последнее время. Ну, как отравился каким-нибудь денатуратом? Ой, мне так страшно!

— Не волнуйся раньше времени. Пожилая соседка разве приставлена приглядывать за ним? Наверняка днем он спит, а ночью гуляет. Погода, вишь, установилась? Приехал как-то в отпуск к Прохоровне ее младший брат. Все две недели пил беспробудно. Дорогой мобильник потерял, деньги и свои и сестры, что нашел в ящике комода, пропил, упал — ребра сломал и чуть не утонул. И все почему? Режим у него был такой: днем спит, а поздно вечером начинает пить и отправляется к мужикам буяннить на всю ноченьку. А если он появлялся на людях, то обязательно с расстегнутой ширинкой и заросший щетиной. Прохоровна еле его выпроводила.

— У сына был другой режим. Утром он уходил злой, напряженный, молчаливый, а возвращался днем расслабленный, с болтающимися как на шарнирах руками-ногами, с отключенным сознанием. Мутный взгляд, ритмичные хрюкающие звуки, обоссанные джинсы, расстегнутая ширинка, из которой торчали грязные трусы. Вонючий, опухший, небритый. Перед тем как войти, он долго ковырялся дверным ключом, так что я успевала поесть, помыть посуду, пройтись по телеканалам, вздремнуть. Проснувшись, я слушала те же дверные звуки. Наконец он вваливался. Мочился мимо унитаза, бродил по квартире, оставляя грязные следы, роняя и оскверняя все, к чему прикасался.

— Поистине у бесов фантазии ограничены. Все пьяницы похожи как братья-близнецы: мат, потеря человеческого облика, агрессия, разруха и разгром в квартире.

У нас крошка сегодня? Или это салат? — Наташа заглянула в одну из кастрюль. — Готовила крошку. Редиска, огурчики, яйца, укроп, зеленый лук, все положено.

Остановиться Алла не могла, и все, что осталось невысказанным в церкви, сейчас выплескивалось ею без остановки и даже без пауз, словно развязался наконец один из ее хитро закрученных психологических узлов.

— Если входил в мою комнату, я хватала заранее приготовленный ремень и стегала его до тех пор, пока он не убирался в свое премерзкое логово. Потом он засыпал, и квартиру начинали сотрясать странные звуки. Во сне рычал, хрюкал, быстро-быстро бормотал, иногда страшным голосом орал на весь дом, словно его уже тащили в преисподнюю, а он упирался. А вечером снова шатался по квартире, и снова мне приходилось хвататься за ремень и стегать его по жирной спине, по заднице и по чему придется. При этом он, не чувствуя боли, мог рассмеяться как от щекотки.

Когда у него бывали редкие минуты просветления, я спрашивала, откуда у него деньги на выпивку, и он отвечал: чтоб напиться — деньги не нужны, что стоит ему выйти на улицу, как он обязательно встречал знакомых, страдающих от «не с кем выпить», и тут как по волшебству скатерть-самобранка выдавала водку, пиво или даже дорогой коньяк, и все в неограниченном количестве. «Принеси домой хотя бы хлеб или молоко», — как-то сказала ему. «Нет, могу только выпивку». И, действительно, приносил. У меня постепенно набралась целая коллекция спиртного. Бутылки прятала у него под носом, но ему и в голову не приходило искать дома водку или джин-тоник.

Наташа, это не описать словами! В период запоя я не видела перед собой человека, не видела даже животного, ибо он был ужаснее животного.

Сама мысль о том, что я являюсь его матерью, и то, что я — такое же существо, как он — была мне омерзительна. Я ненавидела воздух, которым была вынуждена дышать в одной с ним квартире. Мне, страшной мерзлячке, приходилось держать открытым балкон даже зимой, иначе я бы задохнулась. Я ненавидела себя так же, как ненавидела его. И я желала ему смерти. Или ему или себе, без разницы, но жить с ним под одной крышей я больше не могла. Вот потому я здесь.

А каким ребенком был! Стихи писал трогательные о природе. Очень любил в Павловск ездить. Все время меня в Павловский парк звал, чтоб белок и синичек кормить орешками. Я помню, как целую его перед сном в щечку, а он, совсем кроха, говорит мне: «Мама, я заболел Павловском». В начальных классах учился отлично. Много раз слышала, мол, что заложишь в ребенка до пяти лет, то из него и вырастет, и вот ему тридцать, и страшно смотреть, что выросло.

— Вылечат в Никольском с божьей помощью.

Наташа взяла бутылку с квасом, тарелки, ложки и направилась в сад. Алла шла за ней и несла кастрюлю с накрошенными овощами, хлеб, сметану и белые вышитые салфетки.

— Я так думаю, что вылечить алкоголика сможет только другая зависимость, более сильная. Любовная, например, — она постелила три салфетки, на которые Наташа тут же поставила тарелки и возле каждой положила ложку.

— Правильно, любовная сильнее. Так ведь разве любовь не от Бога? — сказала она, раскладывая по тарелкам овощи. — Почему алкоголик пьет? Воли нет и стремлений. А влюбится, поумнеет и захочет стать лучше.

— Наоборот, поглупеет и захочет размножаться. Но я согласна! Пусть размножается, лишь бы было на что, — Алла налила в тарелки квас. Квас зашипел и запузырился, Алла тут же погасила шипение сметаной. — Пора бабу Настю звать, — сказала она и достала мобильный.

Алла набирала номер, Наташа смотрела на нее с недоумением. Пришлось пояснить:

— Я бабе Насте старую трубку отдала, показала, как пользоваться.

Но старушка ответила, что печной мастер еще не закончил работу, а она не хочет избу без присмотра оставлять.

— Баба Настя, бросай избу, красть у тебя все равно нечего. А где наливка? Наташа, как же без наливки?

Этой ночью Алла спала беспокойно, и от невозможности унять тревогу злилась на себя, на весь свет и на небеса за то, что человек создан сверхчувствительным, а мир вокруг него равнодушным, жестоким, провоцирующим волнение или вино-ность.

«От нас требуют веры, нас призывают принять мученичество, поверить в царствие небесное и все на слово... И это в мире, где правит ложь, обман и лицемерие», — думала она, лежа с открытыми глазами. — Само понятие смерти вселяет леденящий ужас, нет, этого мало, нужно еще изощряться в кончине не обычной, но мученической, а еще в изнуряющих, тяжких болезнях. А «пшеничное зерно, которое падши в землю умирает, чтоб принести много плода», — может ли быть утешением земных людей?»

Несколько раз за ночь ей снился один и тот же кошмар: как она поднимается на лифте на свой этаж и видит распахнутую квартиру. Она входит, озирается, стараясь зацепиться взглядом хотя бы за единственный знакомый предмет, но перед ней пустые, без картин, стены. Комнаты тоже пустые, без мебели, открытые окна, ветер колышет занавески. Она старается ступать тихо, как можно тише, ведь Тема, наверное, спит, думает она во сне, но все равно ее шаги звучат так, словно она идет ветреным днем по железной крыше. Вот и комната сына, она заглядывает, приоткрыв дверь, и замирает: на постели лежит незнакомый, обрюзгший, покрытый седой щетиной мужик с забинтованной, в крови, грудной клеткой. Она узнает его, это брат Прохоровны, и она начинает бить его изо всех сил кулаками, пытается стащить замерзшую тушу с постели и кричит, кричит что есть мочи: «Говори, говори, где Тема?! Где Тема-а-а-а-а?!»

Когда она просыпалась, ее собственный голос еще долго звенел в ее ушах, сердце колотилось неритмично, а во рту было сухо, и горло болело, как от долгого крика на морозе. Она лежала, боясь пошевелиться, и думала, что если лежать, не шевелясь, то она обманет сон, оставит его позади, сбежит от него в реальность, и чем дольше по времени она будет незаметной и неподвижной, тем дальше сбежит. И даже не смела повернуть голову к окну, и не могла видеть, как таинственно и сочувственно замерли в ночи высокие темные ели.

Но, погружаясь в дремоту, она снова озидала ту же незнакомую пустую квартиру и мерзкую небритую тушу и от негодования снова принималась его бить из последних сил и снова кричала так, словно одна во всем мире и от ее крика зависит, есть еще кто-нибудь, или уже нет... «Где Те-е-ема-а-а-а?!»

— Аллочка, ты сегодня так кричала во сне, — сказала утром Наташа, качая головой и с беспокойством глядя ей в глаза. — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше не спрашивай.

— Я на работу ухожу, сегодня уже не увидимся. Простимся?

— Простимся, думаю, ненадолго.

— Когда думаешь вернуться?

— Был бы путь короче — вернулась бы завтра. Но, надеюсь, что послезавтра буду дома, — и добавила, чтоб было понятно: — Здесь, с вами.

— Послезавтра Зину выписывают.

— Вот и хорошо. Передай, что зубки ей сделаем в ближайшее время, и носик чуть позже. А ты уж последи за ее диетой.

— А еще послезавтра похороны Акулюшки.

Алла прикрыла глаза. Помолчали.

Наташа порывисто обняла Аллу.

— Голубушка наша! Сегодня же сяду за машинку. Сошью тебе пла-атье — самолучшее, самосказочное! Будем нарядные по деревне гулять и песни распевать!

— И у речки сидеть, вдаль смотреть.

Наташа начала, и Алла тут же подхватила:

Хороша я хороша, да плохя одееаа...

Никто замуж не бярееот девушку за еентооо...

— А зимними вечерами шить фа-антастические юбки, сарафаны и платья. А еще я лоскутные одея-ала могу. Но они у меня не держатся, как сошью, обязательно кому-нибудь похвастанось, тут же умоляют продать.

— Мы зимой пошпачивочную артель откроем. Ты займешься обучением всех желающих, не бесплатно, конечно, а продавать изделия будем в городе, за баснословные деньги! Оригинал рашин стайл. Я уеду, а ты пока для нашей фирмы придумывай название.

Наташа ушла, и дверь за ней закрылась бесшумно, без прежних скрипуче-протяжных песнопений. Алла снова принялась за рюкзак. «Так, лишние джинсы и майки уложила, баночку варенья для соседки положила, икону... Да, икону следует взять с собой. Она подарит ее монастырю. Алла поцеловала образ, перекрестилась, шепнула: «Господи, благослови!», застегнула рюкзак и пошла на выход.

Дорога до Егоровска была ей знакома, и она ловко лавировала между асфальтовых расщелин, съезжала на обочину и снова пыталась ехать по дороге, и снова обочина оказывалась единственным пригодным для езды местом. Алла улыбнулась, вспомнив анекдот про «выбоины», но тут же чертыхнулась, попав колесами в очередную колдобину.

В Егоровске остановилась возле продуктового магазина. Затарилась мукой, крупами, макаронами, печеньем, рыбными консервами и растительным маслом и двинулась дальше по центральной улице, состоящей из старых купеческих домов, по большей части добротных, двухэтажных, хотя и обшарпанных, а если попадались деревянные, то и они были двухэтажными, с замысловатой архитектурой, балконами, башенками и резными наличниками. Улица носила имя Карла Маркса. Говорили, что ее первоначальное название было Большая Дворянская, и когда Алла ехала мимо обветшавших, вросших в землю, некогда составлявших цвет города домов, то вспоминала Чехова, его повесть «Моя жизнь», где тоже главной улицей была Большая Дворянская, на которой по вечерам, за неимением порядочного городского сада, гулял beau monde. Алла плохо знала Егоровск, вернее, совсем не знала, но почему-то была уверена, что порядочного городского сада здесь так и не появилось.

На последней, при выезде из города, остановке парочка, парень и девушка, завидев машину, как-то неуверенно дернулись в ее сторону, замахали руками, и когда она подъехала к ним, то увидела перед самым носом демонстративно выставленный вверх большой палец. Автостопщиков она обычно не подбирала, но сейчас решила отойти от своего правила: неблизкий лесной путь мог оказаться небезопасным, да и с молодежью будет веселее. Давно она не слышала заливистого смеха и не соприкасалась с радостно-беззаботным восприятием мира.

Парочка весело разместились на заднем сиденье.

— Ой, спасибо вам, как здорово! Мы почти час ждем автобуса, но не только автобусы, даже грузовики не хотят ехать в эту дремучую сторону.

— А вы куда едете?

— В монастырь. Нам хотя бы до развилки, а дальше мы повернем направо и дойдем пешком!

Каждое слово и каждое движение их дышало молодой, задорной энергией, и Алле стало грустно оттого, что она понимала, насколько глубока пропасть между нею и этой жизнерадостной, непоседливой парой. Однако странно, что едут они не в гости, и не за грибами, и не на учебу.

— В монастырь? — удивленно протянула Алла.

— Ага. Завтра праздник, рождество Святителя Николая, вот едем в источнике окунуться, потрудиться во славу Божию, — сказали так же радостно и даже легкомысленно, словно сообщали нечто для них обыденное и привычное.

— Верующие?!

— Верующие. Мне нельзя быть неверующим. Я, когда родился, сильно болел, можно сказать, калекой был перекошенным и скрюченным, долго не ходил и не

говорил. Мама меня родила по молодости, в семнадцать лет, и вот теперь столько же отмаливает.

— Отмолила?

— Как видите. У меня еще в прошлом году остатки болезни проявлялись, а сейчас врачи сказали: здоров как бык!

— А где учишься?

— В Егоровске, в филиале Политеха.

— Можно назвать чудом твое выздоровление?

— Думаю, можно.

Его девушка при этом хихикала и нежно жалась к юному возлюбленному.

— А вы куда едете, далеко? — спросила она, вытягивая шею и стараясь взглянуть на себя в панорамное зеркало, чтоб поправить завитки. Только сейчас Алла заметила, что шею и плечи девушки покрывала красивая шаль и одета она была в кокетливую, пышную юбочку за колено и блузку с длинными рукавами и глухим воротом.

— Тоже в монастырь. Нужно поделиться проблемами, получить совет да и продуктов отвезти.

Парочка переглянулась.

— Мы тоже возьем печенье, крупу и консервы. Родители нагрузили. Знаем, что братья там ест только то, что привозят паломники и что сами на огородах выращивают. Настоятель там строгий.

Алла обратила внимание, что дорога была широкой, гладкой и ровной и встречных машин попадалось очень мало, а рейсовых автобусов — ни одного. Вдоль дороги простирались бескрайние поля, не паханные, заросшие травой, и было странно, что столько земли пропадает даром, а еще непонятно, почему за весь путь им не попался ни один трактор или косилка.

Алла поделилась своими размышлениями вслух и, чтоб не пугать молодежь своей молчаливостью и сумрачным видом, решила пошутить:

— Не догадлив Господь. Изобрел человека вечно жующим, пьющим и едящим.

Нет бы родиться нам всем с заряженным на определенное время аккумулятором, и превратился бы человек из жующего и потребляющего в размышляющего. Сколько времени могло бы высвободиться для умственного развития, полезных дел и наслаждения искусством! А так получается, что наша жизнь — еда!

Парочка переглянулась и захихикала.

— Жизнь — это движение, — мудро заключил молодой человек, — потому и поставлены мы в условия добычи хлеба насущного, чтоб двигались, шевелились. Были бы мы все с внутренними аккумуляторами, рассчитанными на определенное время, — то лежали бы неподвижно целыми днями, боясь расходувать драгоценную энергию. А мозг изощрялся, изобретал бы разные интересные штучки, чтоб получать от жизни удовольствие, вовсе не вставая с дивана.

— Представляешь, я сегодня рекорд побила, провалялась весь день и проспала всю ночь, ни разу не поднявшись. Сэкономила пару дней жизни, — захихикала его подружка.

— Завидую тебе, а мне пришлось вчера крутиться и вертеться целых три часа: сломалось домашнее устройство по управлению автоматизацией, да еще надо же мне было так вляпаться, посмотреть фильм душещипательный. Всплакнул... считай, минус пять ампер.

Молодежь и вовсе развеселилась, но Алла, глядя вперед, уже думала, останавливаться ли, брать ли замаячившего вдаль, голосующего одинокого парня на очередной остановке. Решила: если уж у нее сегодня день добрых дел, то подберет бедолагу.

Парень оказался смуглым, хмурым, с недобрými черными глазами. Но отступать было поздно.

— До развилки отвезешь? Но у меня денег нет.

— Тоже в монастырь?

— В какой монастырь, зачем в монастырь, мне от развилки налево.

— Ладно, садись.

Смуглый кинулся назад, к остановке, подхватил увесистую сумку и сел рядом с Аллой. Машина, под тяжестью груза слегка просела.

Дальше ехали молча. Алла с осторожностью косила на нового спутника, и ее воображение начало рисовать картины, одна страшнее другой: ну, как это террорист едет брать приступом зону, друга из застенков вызволять, а в сумке у него оружие? Или возьмет да и выхватит в любой момент автомат, уложит их всех, а машину угонит.

Фантазия — как розжиг, бензин для костра, позволит вспыхнуть всему, на что способен твой разум, раскурочит сознание, и если не опомнишься, не разберешься сам с собой — доведет до паники. Алла взяла себя в руки и обратилась к притихшей паре:

— Хоть бы молитву какую-нибудь прочли, пока едем, чего спите? Впереди иногда гаишники стоят, вы бы почитали из того, что наизусть знаете, авось пронесет.

Парень тут же тихим голосом начал что-то монотонно бормотать под нос, но Алла его оборвала.

— Громче читай, мне не слышно.

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут бесы от лица любящих Бога, и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшаго и поправшаго силу диаволю и даровавшаго нам тебе Крест Свой Честный на прогнание всякаго супостата. О, Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми со Святою Госпожею Девою Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь.

Алла обратила внимание, что смуглый, неподвижно глядя перед собой, задержал плечами и, словно обжегшись, начал крутить запястьями рук. Потом, как на сеансе Кашшировского, начал вращать головой, сначала медленно, потом быстрее. До развилки оставалось метров пятьдесят, как он попросил:

— Здесь останови. Здесь выйду.

Вышел, закинул увесистую сумку на плечо и, слегка пошатываясь, пошел пешком.

Алла сорвалась с места слишком резко, даже колеса взвизгнули, и вскоре поворачивала направо.

Монастырская стена, красного кирпича, высокая, с башенками, напоминала крепость старинных русских городов. У стены стояло множество дорогих автомобилей и даже пара вместительных автобусов. Перед воротами сидел мужичок в кепке, сухонький, сморщенный, похожий на непутевщину Алексеича. Даже накладки на пальцах в виде перстней были такими же точно.

— Здравствуйте, — обратилась к нему Алла, и он безучастно кивнул головой. Территория, по периметру которой располагались церкви, часовни, келейные по-

мещения и колокольня, была просторной, ухоженной, с цветниками, стриженными газонами и небольшими вольерами для белок и шиншилл, возле которых кружили воробьи и голуби. В конце главной дорожки возвышался монументальный храм небесно-голубого цвета, с золочеными луковицами куполов.

Зазвенели колокола. Алла спохватилась, сняла с шеи косынку и повязала ее на голову. Перекрестилась и пошла к храму. Только что закончилась литургия, и народ, выходящий из дверей, оборачивался, крестился и, сходя по ступенькам, не спешил расходиться, но оставался стоять в виде импровизированного коридора. Все ждали выхода священников. Алла с любопытством рассматривала православный люд, и народ этот ей очень нравился. Мужчины гордо несли на плечах маленьких детей, женщины, со счастливыми лицами, некоторые с непросохшими от слез глазами, умиротворенные и просветленные, с восхищением и надеждой продолжали смотреть в глубину собора, где сверкала позолота икон и дрожали свечи. Девочки в платочках, мальчики со светлым ежиком волос подпрыгивали и резвились возле материнских подолов.

Взгляд Аллы привлекли двое мужчин с усталыми, обожженными солнцем, изможденными лицами. Они были похожи на двух странников, исходивших пешком полсвета, и выгоревшие волосы их, и спины покрывала дорожная пыль. За плечами у них висели тощие котомки в виде холщовых мешков, перевязанных веревкой, в руках — кепки и длинные батоги, заменявшие, по-видимому, трости. Худые лица, впалые щеки, тонкие шеи с выпиравшими кадыками, но глаза, неотрывно смотрящие на выходящих из церкви священников, — как у всех, горели надеждой.

Наконец показалась величественная процессия: осанистые, вальяжные священнослужители в пурпуре и золоте, с посохами, в сопровождении многочисленной свиты. Едва один из монахов поравнялся со странниками — они оба тут же кинулись к нему с просьбой:

— Нельзя ли поговорить с настоятелем насчет работы?

— Идите в трапезную, — сказал монашек, указав на белую, с высоким крыльцом, каменную избу, напоминающую русский терем, — вас накормят, а потом настоятель вас примет.

Алла подумала о том, что она тоже не прочь пообедать, и пошла следом за странниками по той же тропинке. У входа она догнала мужчин и, робко пробормотав «простите, что мало», сунула каждому по сотенной бумажке.

В паломнической трапезной собирался народ. Здесь стояли большие блюда с тертой свеклой, кабачковой икрой, салатной капустой, редиской, нарезанными огурцами и помидорами. Одноразовые пластиковые тарелки возвышались у края длинного стола, рядом на подносе врассыпную лежали ложки, вилки и ножи. Суп черпали половниками из кастрюль сами прихожане, а жареную рыбу с горячей картошкой, посыпанной зеленым луком, каждому подошедшему подавали милые, кроткие девушки в платочках. На сладкое был белый хлеб, сушки и джем. Алла с интересом наблюдала за паломниками и заметила, что каждый вошедший первым делом крестится на образ и читает молитву. После обеда также читали молитву и, перекрестившись и бросив в деревянный ящик с маленькой прорезью денежное, кто сколько мог, пожертвование, покидали трапезную. Аллу забавляло все происходящее, и ей начинало казаться, что она попала в коммунистический рай, каким его рисовали учебники истории времен оттепели. И этот мир, и живущие в нем несуетливые, спокойные, услужливые прихожане так же нравились Алле, и она, давно забывшая радость бытия, не переставала улыбаться.

На выходе из трапезной к ней подошла молодая круглолицая, крупная женщина в по-старушечьи завязанном платке, одетая в нелепую, вытянутую юбку и старую кофту, застегнутую наперекосья.

— Вот ты дала денег двум бродягам, и я подумала: хорошо, что есть несчастные, они нам помогают добрые дела делать. Спасибо им.

— Я дала им денег из своей личной кармашки.

Алла хотела пояснить даме, что давала деньги она автоматически, видя в неприкаянных бродягах своего неупутевого сына, но передумала: вряд ли эта деревенская, несколько блаженного вида, женщина, поймет ее.

— С сыночком беда? Ах ты, страдальница! Не бросай его, не отступайся! Бог даст, выравняется! Не сразу, не в одночасье, а ты не отступайся...

У Аллы тяжело защемило за грудиной и под ребрами все сжалось от этого «не отступайся», словно на нее закинули разом все мешки из ее багажника. Легко советовать, но не понимает блаженная, что тащить на себе мужика, ей, хрупкой, маленькой и немолодой, уже не под силу. «И хоть бы один сказал: сбрось его! Отдай на волю Божию! Чему быть, тому не миновать — кажется, расцеловала бы того!»

— Спасибо, добрая женщина, — ответила Алла, ни на минуту не забывая, что она в святом месте, и говорить, и поступать здесь нужно по особым правилам, оставив несмирение и ропот за стенами монастыря. Она полезла в сумочку и стала рыться, размышляя, сколько дать денег и не будет ли выглядеть унижительно сотенная бумажка, как дамы уже след простыл.

— К вам Любушка подходила. Что она вам сказала? — полнобопытствовала еще одна прихожанка. — Она местная юродивая, Любушка-то. У нее сыночек по пьянке ли, по болезни ли повесился, вот она с горя умом и тронулась. Ой, не приведи Господь, — добавила она, истово и мелко крестясь.

Алла шарахнулась от дамы и поспешила узнать, примет ли ее отец Дмитрий.

К настоятелю, вернее, к его заместителю по хозяйственной части, отцу Варлааму, Алла попала ближе к вечеру, а до этого ей пришлось еще много где побродить и много чего увидеть. Она не уставала щелкать камерой, и каждый кадр ей казался уникальным и неповторимым. Вот группа паломников расположились табором возле озера, где к маленькой пристани подходили прогулочные катера, вот трудники влезли на высокую лестницу, чтоб укрепить и зашпаклевать кирпичную кладку, а вот и знаковая парочка, весело переговариваясь, с той же беззаботностью вышагивает в сторону Святого источника. А вот вечернее солнце, разлившись багрянцем, игриво стреляет заходящими лучами в золото куполов.

Флешка уже наполнилась бесчисленными кадрами, и фотокамера отказывалась снимать, когда она узнала, что за символическую плату можно подняться на колокольню, чтоб сверху увидеть утопающую в цветах территорию монастыря, озеро, источник с купелью и сказочную панораму дальних лугов. Алла долго стояла наверху возле большого колокола, пристально вглядываясь в сторону родного Русского. И ей уже казалось, что она видит излучину реки и холм в березках, и купол церкви, и от сознания, что она в любой момент может вернуться туда, где ее ждут — на душе стало тепло и безмятежно, словно она погрузилась в забытый детский сон.

По храму ходила, как по музею, рассматривая фрески, светильники, иконы. Богородица обязательно с младенцем, Христос — с раскрытой книгой, а у Александра Невского в руках меч, Георгий Победоносец — с копьём, Иоанн Кронштадский — с чашей для причастия... Алла подняла свою руку, в которой была неизменная фотокамера, и подумала: вот и у нее есть свой символ. Вспомнила, что у Наташи в руках она часто видела букетики полевых цветов, а у бабы Насти банки то с компотом, то с козьим молоком, в памяти почему-то всплыл Аркадий с топором, Зина с надкусанным батоном, а вот Артем виделся с неизменной бутылкой пива. Алла представила очередь на страшный суд, картину, какую любят

изображать киношники, и в этой скорбной очереди наверняка в руке у каждого будет свой символ.

— Алла Романовна, — вдруг она услышала оклик молодого монаха, — вас ждут.

Отец Варлаам, импозантный священник в черной рясе, с крестом и внушительной золотой цепью, говорил красивым, проникновенным басом.

— Отец Иов звонил сегодня по поводу вас. Да-а-а, знаем, много скорбей в миру. Не думайте, что у вас одной подобные проблемы. Только будет ли ваш сын работать, сможет ли смиренно выполнять возложенные на него послушания?

— Батюшка, он если не пьет, то совершенно другой человек, тихий, исполнительный, никогда голоса не повысит. Он в политехе учился, но бросил... В электронике он хорошо разбирается, и в электрике. Чинит любую технику, из двух сломанных один рабочий компьютер соберет. Одно меня беспокоит: неверующий он, хоть и крещеный.

— Неверующий — несчастный, не познавший божьей благодати. Неверующий подобен запечатанной пустой бутылке: вокруг — море благодати, а человеческая душа закрыта для нее. Давайте так: пусть приезжает, только трезвый. Чтоб запаха не было. Поживет, поработает. Первые дни мы его неволить не будем. Еда у нас простая. Работы много.

— Спасибо, батюшка, — произнесла Алла. — Вот я сейчас здесь, и даже не знаю, что с ним, жив ли, нет ли. Не видела его уже много времени.

— Неладно ты делаешь, милая. Что же ты сына своего бросила? Он твой крест, и этот крест тебе нести всю жизнь. Верь! Молись! Спасешься сама, и твои близкие тоже спасутся. А пока ты в монастыре — ничего плохого случиться не может, Господь доглядит.

Алла протянула конверт.

— Это на ремонт храма. А еще у меня в машине продукты.

— Въезжайте к трапезной, я сейчас договорюсь, чтоб ворота открыли, — отец Варлаам поднялся, давая понять, что разговор окончен. — А деньги брось в ящик для пожертвований.

Уезжала из монастыря Алла вся в слезах. Слезы непроизвольно катились по щекам нескончаемым ручьем, когда ехала по тихой, пустой дороге, и при выезде на трассу слезы застили глаза, ломая, искажая и размывая панораму за лобовым стеклом. О том, что она забыла отдать икону, вспомнила лишь при въезде в город. Уже был поздний вечер. Встречные фары слепили, попутные фуры и грузовики в опасной близости, обдавая черными выхлопами, шли на обгон, дорога меняла ширину, направление, количество полос, иногда Алла настигала еле ползущий трактор, груженный лесом, и тогда приходилось тащиться со скоростью улитки и нервничать в ожидании возможности взять влево и безопасно разогнаться.

Расслабиться не удавалось, и дороге не было конца. В последние, перед домом, километры ее начало клонить ко сну, из-за чего пришлось съехать на обочину и попытаться уснуть, опустив спинку кресла. Но сон не шел, и, промучившись с полчаса, досадуя на себя из-за упущенного времени, она снова тронулась в путь.

Город встречал ее суетой, серым смогом, бесчисленными огнями и бешеным потоком несущихся автомобилей. Алла думала о том, как она войдет в свою квартиру и рухнет на родной диван, закроет глаза, чтоб не видеть этого дорожного мельканья и будет лежать без движения до самого утра. Но скорее всего, отдохнуть не получится. Если сын пьяный и начнет буянить, то ей придется хвататься за ремень и снова с ним воевать. Зря она все затеяла. Не следовало ей слушать розово-елейные речи окружающих о любви, материнском долге и всепрощении. Сейчас бы сидела в саду под стрекот кузнечиков и мерцание свечей, пила наливку и смотрела в небо,

любую серебристо-светящимся, танцующим эльфом. Или спала в мягкой перине под баюкающий шум елок и урчание Мурзи.

Все эти дни ей упорно внушали мысль, что нельзя оставлять сына и мириться с его гибелью. Это не по-божески. Но если посмотреть свысока, и если поступать по-Божески, то найдется ли в нашем мире то, за что можно было бы цепляться? Бог ни за что не цепляется, ничем не дорожит, разрушая полные жизни и молодой энергии города, уникальные предметы искусства, сжигая ценнейшие библиотеки, круша цивилизации как яичную скорлупу. А ее, сотворенную по образу и подобию, грозно убеждают, что быть связанной одной цепью с взрослым, почти метр девяносто, мужиком и тащить его на себе, по причине его немощности из-за алкоголизма, — ее прямая обязанность. Что алкоголизм сына, как следствие чрезмерного потребления алкоголя — между прочим, не ею придуманного и сотворенного — это ее личная беда, личная вина и личный, посильный крест, не нести который она не имеет никакого материнского права.

Ее место на парковке было занято, Логушонка пришлось оставить за домом. Двор из-за раскидистых деревьев, скрывающих смыкающимися кронами узкий проезд, напоминал небольшой ухоженный, с цветниками, парк. Когда Алла только въехала в этот дом, в центре двора-парка располагался даже небольшой неработающий фонтан, который за ненадобностью вскоре разобрали и поставили на этом месте детскую горку и качели. Сейчас двор был пуст. Несколько фонарей освещали клумбу цветущих ярко-оранжевых ноготков, ажурные кроны деревьев и кустов и спящие в стороне, в отведенном закутке, автомобили. Алла подняла глаза на свои окна. Они были темны. Небо, затянутое пеленой серого, полного ядовитых выбросов, тумана, так же было темным, беззвездным.

В парадной царил полумрак, потому как единственная лампочка горела лишь на пол-этажа выше, у лифта. Лифт не работал, и Алла пошла пешком на четвертый этаж. Хорошо, что вещи догадалась оставить в багажнике, а не тащить с собой. Ее ноги подгибались, дыхания не хватало, и прежде чем подойти к квартире, ей пришлось дважды останавливаться, чтоб хотя бы немного унять сердце и полной грудью глотнуть воздуха.

На минуту остановилась перед дверью, но, доставая ключи, интуитивно почувствовала, что ключи ей не нужны, и тут же увидела, что дверь приоткрыта и с косяком имеет небольшой темный зазор. Алла пальцем потянула дверь на себя, и она без усилия открылась.

В нос ей ударил жуткий, чужой запах, словно она оказалась в ночлежке для бомжей или в приемной вытрезвителя. Помесь запахов — из застарелой, отравленной алкоголем мочи и прелых, грязных носков вперемешку с запахом гниющих продуктов — вызывающих тошнотворную безнадегу и резь в глазах. В коридоре она щелкнула включателем, но свет не зажегся. Пробиралась в крошечной темноте, ощупывая стены, наступая на какие-то разбросанные предметы, хрустя невидимыми осколками невидимых то ли стаканов, то ли лампочек, Алла прошла на кухню и стала шарить в ящике стола.

Спичек не было. Она раздвинула занавески, от тусклых лучей уличного фонаря стало чуть светлее, настолько, что на подоконнике она смогла разглядеть маленький предмет, похожий на зажигалку. Так и есть, зажигалка. Щелкнула и осветила кухню. Разгром, проступивший в свете крошечного пламени, ее уже не удивил.

Снова натываясь на разбросанные невпопад предметы, стулья, табуретки, упавшую вешалку и ощупывая стены, она наконец добрела до своей комнаты. Здесь было светлее из-за двух больших окон, не прикрытых занавесками, но царил тот же бедлам, все дверцы шкафа были раскрыты, и возле них валялось все содержимое полок и ящиков. «Обыск, что ли, был, — мелькнуло в голове, — или воры рыскали в поиске денег». Она даже удивилась тому равнодушию, с которым приняла и тот и другой варианты.

Распахнула балконную дверь и все форточки, но безветренная летняя ночь не торопилась ворваться в затхлое помещение. Наконец, вынула из сервантной ниши подсвечник, зажгла единственный свечной огарок и решила пойти в комнату Темы.

Неожиданно ноги и тело ее отяжелели, она села на диван и слабо позвала:

— Тема, ты здесь?

Никто не отозвался, и она, осторожно ступая, словно страшась раздавить разбросанный антикварный фарфор, снова вышла в коридор и направилась в самый его конец. Толкнула дверь, но она раскрылась лишь наполовину, и что было за дверью, Алла видеть не могла, но и войти страшилась. И ей уже чудилось, что отблеск свечи высветил часть дивана со вздыбившимся одеялом.

— Тема, ты здесь? Ты спишь?

В ответ ни звука. Пламя свечи плясало по стенам и потолку, неровно освещая пустую почти комнату и ее огромную, в полстены, уродливую тень. Алла прошла к дивану, споткнулась о пустую бутылку, которая грохоча, покатила по полу и со звоном ударила о стену. Замерла, ожидая услышать вздох, или стон, или шевеление, но скрючившееся под одеялом тело лежало так же неподвижно. Теперь звенело у нее в ушах. Она вспомнила приснившийся кошмар и, зажмурив от ужаса глаза, готовая к чему угодно, готовая вернуться в то жуткое параллельное измерение, от которого совсем недавно пыталась убежать и спрятаться, замерев и не дыша, и которое все-таки настигло ее здесь и сейчас, собралась... и рывком скинула одеяло на пол.

Послышалось недовольное мычание, полуголое существо заелозило, забормotalo, слепо загребая руками с растопыренными пальцами, ухватило ее юбку.

— Тема! — ее голос вместо звонкого, начальственного прозвучал сипло и еле слышно.

Существо приоткрыло глаза, мутные, невидящие, с припухшими, воспаленными веками.

— Чего? Приехала? — спросил почти внятно.

Все утро Алла убирала, подметала осколки, мыла, чистила, выкидывала пустые бутылки, а в открытые окна и балконную дверь сквозил теплый ветер.

Артем вышел из своей комнаты, когда она домывала пол в прихожей.

— Mam, тебя так долго не было. Где была?

— Не важно. И сколько меня не было?

— ... Не знаю. Месяц?

— Что здесь случилось, грабители побывали или шел обыск?

— Менты шмонали.

— Ты кого-то ограбил? Почему же тебя не забрали?

— Ты гонишь, мам. Чтоб добыть спиртное, воровать не надо. Кстати, куда ты мое пиво дела?

— Пиво? Не видела.

— Тогда пошел я за пивом. Сейчас утро или вечер?

— Постой, говори как есть: тебе грозит тюрьма?

— Ты гонишь! Я пью, не просыхая, себя не помню, путаю право-лево, кого я могу обнести? Менты ищут козла отпущения, вот до меня и до...бываются. Если бы всеерьез подозревали — давно бы припарковали.

И вдруг дико, по-животному:

— Пиво где? Куда мое пиво дела? А ну, пиво...

Не договорив, он вдруг согнулся, словно его хлестнула невидимая плеть, плечи его задергались в такт издаваемым рвотным звукам. Алла схватила сына за шиворот и пихнула к туалету.

— Там блуй!

Она уже приготовила ремень на тот случай, если его придется силой гнать из комнаты, и потому была спокойна и невозмутима, как толстая Зейнат. Артем долго сидел в туалете, и было слышно, как его выворачивало наизнанку. Алла решила ретироваться. Наскоро затянув волосы резинкой, вышла из квартиры.

До салона добиралась полтора часа, стояла в пробках, объезжала перекрытые на ремонт улицы, ждала открытия шлагбаума на переезде. Лариса картинно обрадовалась ее приезду. «Да, Алла Романовна.. Все замечательно, Алла Романовна... Работаем, Алла Романовна... Вот, получите, Алла Романовна». Алла пересчитала выручку. Ровно на треть меньше, чем в это время в прошлом году. Но на выяснение отношений у нее не было сил, и, развернувшись, она поспешила убраться восвояси, наблюдая при этом боковым зрением в отражениях многочисленных зеркал, как Лариса и все прочие мастера торжествующе переглядывались, победно выкидывали руки, радуясь скорому избавлению от допросов, проверок и ревизий.

К ее удивлению, спустя три часа она застала Артема в том же положении, что и утром, сидячим в ее комнате на диване. Все так же были распахнуты окна, но затхлый запах бомжовского притона еще не улетучился полностью.

— Ты что, не ходил никуда?

— Нет.

— А как же пиво?

— Не говори, меня сейчас вырвет. У нас есть кефир? Я есть хочу!

— Мне плевать на то, что ты хочешь. Освободи комнату, мне нужно отдохнуть. Артем сидел, не двинувшись с места, напряженно глядя в одну точку.

— Выйди!

— Mam, спаси меня! Я не могу больше! У меня болит все!

Он встал, уткнулся в ее плечо и все повторял и повторял:

— Mam! Сделай что-нибудь! Увези меня. Mam!

Алла обхватила его виски. За то время, пока она была в отъезде, он сильно поухудел, лицо и даже голова стали меньше, заросшие щетиной скулы и подбородок четко обозначились. И весь он словно стал меньше и ниже ростом. Даже сейчас, трезвый и вычищенный изнутри, он выглядел нездоровым, плохо вменяемым, и, казалось, ткни его пальцем — он упадет и подняться самостоятельно не сможет.

— Ты серьезно? Ты готов бросить пить и начать новую жизнь?!

— Mam, я давно готов. Сделай что-нибудь, мам! Помоги, мам, — лицо его покраснело, нижняя губа оттопырилась, и он начал тереть глаза грязными руками.

— И тебе можно верить?

— Клянусь! Не могу больше! Устал! У меня болит все! — твердил как робот.

— Артем, если хочешь спастись, переходи на мою сторону, я в твой темный мир за тобой не пойду. Поедешь со мной в монастырь? Я договорилась. Будешь жить в келье, работать на свежем воздухе, косить сено или ходить за лошадьми? А я к тебе буду приезжать. Ты быстро поправишься, будешь радоваться лету, солнцу, хотя бы немного загорись. Купаться будешь в озере и в источнике!

— Готов! На все готов! Мам, мне нужно уехать! Мам, спаси! Только выхожу во двор, как меня окружают алкаши и тянут в болото!

— Почему меня никто не зовет выпить? Почему я не вижу вокруг никаких алкашей? А знаешь, почему? Летит бабочка — и видит цветок, а летит муха — и видит дерьмо.

— Мам, дай корвалол. Мне нужно прийти в себя.

— Сейчас накапаю.

— Мам, дай, я сам себе накапаю. У меня болит все!

Утром следующего дня Артем сидел в машине причесанный на пробор, налакированный, в черных очках, в чистой футболке и в светлых летних брюках. Он потягивал кефир из литровой упаковки и без конца смотрел на себя в панорамное зеркало, которое отражало его бритое и мытое, но худое, с болезненным выражением, лицо. Багажник снова был до отказа забит всем необходимым, в расчете на осень, да еще заднее сиденье занимали большой медный самовар и сломанные часы с кукушкой.

— Ну, с Богом! Едем, сын!

Алла перекрестилась и перекрестила Артема.

Осталось заехать на ближайшую к дому заправку, залить полный бак и тронуться в сторону загородной трассы. День сиял всеми красками лета. Ехать за рулем казалось наслаждением, и она рассчитывала по такой чудной погоде, да еще срезав путь, не заезжая в Егоровск, добраться до монастыря часа за полтора-два.

На заправке пришлось постоять в небольшой очереди: очевидно, в этот, сияющий солнцем и синевою, день все пытались вырваться из города на природу, и Алла уже боялась, не случится ли им на трассе застрять в пробке. Услужливый заправщик залил полный бак, она одарила его щедрыми чаевыми и, только сев на место, заметила, что Артема в машине нет. Она снова выскочила и, бросаясь из стороны в сторону, стала звать:

— Тема, ехать пора! Тема, ты где?

Заправщик указал ей, в какую сторону ушел парень в синей футболке и в очках. Водители задних машин уже сигналили и возмущенно жестикулировали, а она все носилась по заправке, пока наконец не поняла, что звать его бессмысленно. Она отъехала на некоторое расстояние и еще ждала с полчаса. Потом включила зажигание, все еще озираясь, медленно тронулась с места, горько рассмеялась потом заплакала, и плач ее, с плотно сомкнутым ртом, был похож на отчаянный хохот. Потом, отрицательно покачав головой, словно споря с кем-то невидимым, сказала вслух: «Прочь предательство, прочь обман, невежество, беспросветная дремучесть!» Она прибавила скорость и вскоре мчалась по трассе навстречу синей дали, тихой реке, безграничному раздолью, навстречу ее собственному, внутреннему простору, повторяя, как заклинание:

«Уехать, сбежать! Отстраниться! Уехать, сбежать, отстраниться от грубости, глупости и опасности, от бесконечной лжи и навязанного, фальшивого чувства вины! Уехать, сбежать, отстраниться! И будь что будет!»

